

OCR Nina & Leon Dotan ldnleon@yandex.ru
ldn-knigi.narod.ru ldn-knigi.russiantext.com
{00} - № страниц, наши примечания - текстом меньше, курсивом.
Старая орфография изменена.

(Часть I)

1949г. Възвещаю всему иже ищущему
Свято-Троицкій монастырь отъ Святейшаго
Синодального хедата, губернатора
Jordanville, N.Y. и вост. Епархии.

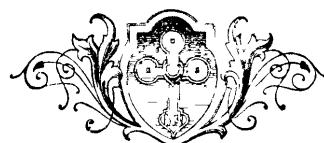
НОВЫЕ МУЧЕНИКИ

РОССІЙСКІЕ

W. Rosanow

Первое собраніе матеріаловъ

ПРОТОПРЕСВИТЕРЪ М. ПОЛЬСКИЙ

— 1949 г. —

Типографія преп. Іова Почаївського
въ Свято-Троицкомъ монастырѣ.

Holy Trinity Monastery,
Jordanville, N. Y. U. S. A.

О г л а в л е н и е.

Предисловие	3
Главы:	
1. Владимир, митрополит Киевский и Галицкий	10
2. Вениамин, митрополит Петроградский	25
3. Похвальное слово новым священномученикам Русской Церкви	58
4. Гермоген, епископ Тобольский и иже с ним	66
5. Епископы: Андроник Пермский, Феофан Соликамский и Василий Черниговский и иже с ними	69
6. Леонтий, епископ Астраханский	71
7. Никодим, епископ Белгородский	73
8. Макарий, епископ Вяземский	73
9. Иоаким, архиепископ Нижегородский	77
10. Платон, епископ Ревельский	82
11. Патриарх Тихон	84
12. Архиепископ Иларион	125
13. Петр, митрополит Крутицкий	135
14. Агафангел, митрополит Ярославский	144
15. Арсений митрополит Новгородский	148
16. Арсений архиепископ Серпуховский	150
17. Анатолий, митрополит Одесский	153
18. Дамаскин, епископ Глуховский	157
19. Соловецкие узники и их исповедание	164
20. Общий список некоторой части умучен. епископата	178
21. Протоиереи: И. Кочуров, А. Скипетров, Ф. Орнатский	183
22. Протоиерей Иоанн Восторгов	187
23. Кунцевич Л. З., миссионер	193
24. Процесс московских священников	195
25. Дело священника Коллерова в Кимрах	197
26. Игумен Антонин	199
27. Попов Ив. Вас., проф.	200
28. Общий список некоторой части умученного духовенства	203
29. Государь Император Николай Пой и Его Семья	218
30. Великая Княгиня Елизавета Феодоровна	265
Источники	286

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Собирая материалы о жизни, страданиях и мученической кончине за веру или просто в вере умученных и убиенных в российской смуте от большевицкого безбожного гонения, мы полагаем только начало этому делу. Всех, кто только может дать имена мучеников и свои хотя бы краткие сообщения о них, или указать на материалы о них и фотографии, а также дать дополнения и поправки к тем сообщениям, которые есть в этой книге, мы приглашаем их непременно сделать это и помочь этому начинанию. Никто не может быть безразличным к славе Церкви Христовой. Страдания за нее не могут быть забыты. Да не изгладится, но да прославится память о наших мучениках из рода в род.

Первый Всероссийский Священный Собор 5/18 апреля 1918 г. издал определение «О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь». Вот несколько пунктов его, касающихся между прочим и нашей задачи собирания материалов о мучениках:

1) Установить возношение в храмах за Богослужением особых прощений о гонимых за Православную Веру и Церковь и о скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках.

2) Совершить торжественные моления: (а) поминальное об упокоении со святыми усопших и (б) благодарственное о спасении оставшихся в живых.

ПРИМЕЧАНИЕ: Таковые моления совершены соборным служением: заупокойное в храме Духовной Семинарии 31 Марта и моление в храме Христа Спасителя 1 Апреля.

3) Установить во всей России ежегодное молитвенное поминование в день 25 Января, или в следующий за сим воскресный день (вечером) всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников.

4) Устроить в Понедельник второй седмицы по Пасхе во всех приходах, где были скончавшие жизнь свою за Веру и Церковь исповедники и мученики, крестные ходы к местам их погребения, где совершить торжественные панихиды с прославлением в слове священной их памяти.

5) Преподать благословение от Святейшего Собора всем исповедникам.

6) Обратиться к Святейшему Патриарху с просьбою о выдаче благословленных Патриарших грамот пострадавшим за Веру и Церковь.

7) Напечатать и раздать Членам Священного Собора к их отъезду из Москвы краткое сообщение о пострадавших в нынешние дни гонений за Православную Веру и Церковь для распространения среди православного народа.

{4} 8) Просить Святейшего Патриарха, чтобы в случаях ареста гонимых за Веру и Церковь и впредь согласно уже применяемому ныне порядку, Его Святейшеством были делаемы непосредственные сношения с местными властями об освобождении арестованных и одновременно о сделанных сношениях были извещаемы местные Епархиальные Архиереи.

9) Поручить Высшему Церковному Управлению собирать сведения и оповещать православное население посредством печатных изданий и живого слова о всех случаях гонения на Церковь и насилия над исповедниками Православной Веры.

С такой ясностью осознала наша Святая Церковь наступивший момент и оценила значение для нее первых жертв гонения. И что она не могла выполнить, попав в полосу тягчайшего внешнего стеснения, то осталось заветом на будущее и в некоторых пунктах безусловным обязательством для той части Русской Церкви, которая могла оказаться свободной от гонений, именно для заграничной ее части. И здесь, заграницей, в частичных и разбросанных заметках, в разных печатных

изданиях, можно найти о мучениках некоторые материалы, из которых главным образом и составлен настоящий сборник.

Кто же мученики российские?

Из миллионов убитых многие миллионы и сотни тысяч умерли с верою, молитвою и покаянием на устах и в сердце. И они прощены, и покрыли свои грехи мученичеством, и, как кающийся разбойник на кресте, в день своей смерти получили со Христом Царство Небесное.

Но мученики ли из них те, кто убиты за политическую неблагонадежность в отношении к большевицкой власти? Что же такое эта благонадежность для власти безбожников, врагов всякой веры и наиболее всякой правды Христовой? Не измена ли это Богу, Христовой Церкви и нравственному закону? Если Церковь благословляет воинов с оружием в руках защищать веру и правду, то подлинно мученики и те, кто убиты как явные противники цинично безнравственной и богоуборной государственной власти, которая сама себя открыто считает врагом, а не «слугой Божиим», каковым бы ей подобало быть (Рим. 13, 4).

Мученики и невинные жертвы суть и все пострадавшие и умерщвленные за одно свое происхождение или только за принадлежность к известному общественному классу. Эти никогда не предполагали, что быть военным, носить высокий титул, быть дворянином, купцом, помещиком, фабрикантом или только родиться в этих семьях уже является в глазах каких-то людей преступлением, достойным смерти. И в великом множестве погибали не только главы таких семей, но и самые семьи. Некая раба Божия, жена дворянина-помещика, обняв своих детей и стоя на молитве в домовой своей церкви, была **{5}** умерщвлена вместе с ними ворвавшейся ватагой большевиков. И сколько таких убийств было!

Бесчисленное множество наиболее благочестивых крестьян и рабочих были подвергнуты властью тяжким притеснениям, клеветническим обвинениям, лишению работы и имущества, заключениям в тюрьмы и лагеря для того только, чтобы терроризировать население и страхом принудить его принять те или другие хозяйствственные и политические ее мероприятия. В силу только своей веры эти люди явились неблагонадежным элементом народа для неверующей власти, «козлом отпущения» и жертвой за грехи других.

Их великое множество, этих востекших в Царствие Божие с радостью истинной свободы, очистивших в земном страдании грехи свои, омывших и убеливших одежду свою кровью Агнца, пришедших от великой скорби (Откр. 7, 14). Они свидетели теперь пред Богом за Землю Русскую и молятся за нее. Каждого из них знает Бог. Имена и дела их — тайна для людей, ибо их никто из нас перечесть не может. Они имеют славу Церкви Небесной.

Но есть для них и слава Церкви земной. Почитая все их великое множество, Церковь имеет среди них общеизвестные на земле примеры, объявленные исповеднические подвиги, могущие служить для подражания, образцы благочестивой и святой жизни или плодотворной церковной деятельности, предшествовавших славной вообще или мученической кончине, наконец просто святое и невинное страдание во Христе. Спасая своих членов, Церковь ищет им назидания: она слагает историю, принимает показания, воспевает всех святых и мучеников, находя в них приращение себе. Она не оставляет свечу под закрытием, но ставит ее на подсвечник, чтобы светила всем. Многие спасаются и иногда или часто едва спасаются сами.

Иные же, спасаясь, много послужили спасению других. Вот кто светильники в Церкви.

Прежде всего велики и преславны те, кто сделались такими светильниками в Церкви, явив всем свои подвиги благочестия, свяности или исповедничества, занимая невидное место в обществе и состоя рядовыми членами массы мирян Церкви разного звания и положения. Неизвестные и невидные они стали известны и видны всем.

Те же подвиги, совершенные с неменьшим трудом, если еще не с большим, дают славу Церкви людям высокого общественного и государственного положения. Они естественно видны всем.

{6} Но есть те, кто были призваны и поставлены быть светильниками Церкви и только оправдали подвигом жизни свое положение. Можно ли сказать, что их положение было легче всех, хотя к славе Церкви они ближе всех.

Это светильники-наставники, архипастыры и пастыри Церкви. О них сказано нам: «Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13, 7). Они оказались верными, не отреклись от служения и не принесли жертв новым идолам, хотя были между ними и такие немногие, чтобы показать, что это было возможно. Кто умер только с верою и, может быть, по другим поводам. Но во время гонений на веру этих убивали за веру, как именно свидетелей и защитников ее.

Устанавливая предмет и пределы того, что может войти в собрание материалов о мучениках, мы имеем повод и основание дать полный список мучеников российских прежних времен. Отсюда мы получим назидательное сравнение между мучениками прежними и новыми и список последних может быть оправдан.

Святых в Российской Земле просиявших и ее Церковью прославленных около пятисот. Из них мучеников поименно известно 61 и других с ними убиенных и неизвестных по именем около ста. Таким образом, количество прославленных мучеников на общее число всех святых российских достаточно велико. Вот имена их, и годы их мученической кончины и дни их церковной памяти.

Феодоръ и Иоаннъ, варяги, первомученики, 984 г. 12 іюля.
Борисъ и Глѣбъ, благов. князья, страстотерпцы. 1015 г. 24 іюля.
Леонтій, Епископъ Ростовскій. 1077 г. 23 мая.
Ярополкъ-Петръ Изяславичъ, благ. Кн. Владиміръ-Волынскій. 1086 г. 21 ноября
Григорій, преподобномуч. Печерскій. 1095 г. 8 января.
Евстратій, преподобномуч. Печерскій. 1096 г. 28 марта.
Василій и Феодоръ, преподобномуч. Печерскіе. 1098 г. 11 августа.
Кукша, сияценномуч. Печерскій. 1113 г. 27 августа.
Михаїль, Князь Муромскій. 1120 г. 21 мая.
Ігорь Ольговичъ, благ. В. Кн. Черниговскій. 1147 г. 5 іюня.
Андрей Боголюбскій, бл. Кн. Владимиrскій. 1174 г. 30 іюня.
Никита Столпникъ, преподобномуч. Переяславскій. 1186 г. 24 мая.
Абраамій, муч. Болгарскій (на Волгѣ). 1229 г. 1 апрѣля.
Василій (Василько), Кн. Ростовскій. 1238 г. 4 марта.
Георгій Всеволодовичъ, В. Кн. Владимиrскій. 1238 г. 4 февраля.
Меркурій, муч. Смоленскій. 1238 г. 4 марта.
Евпраксія, бл. Кн. Псковская. 1243 г. 16 октября.
Михаїль, бл. Кн., и Феодоръ, бояринъ, Черниговскіе. 1246 г. 20 сентября.
Константінъ, бл. Кн. Ярославскій. 1257 г. 3 іюля.

{7}

Романъ Ольговичъ, Кн. Рязанскій. 1270 г. 19 іюля.
Іоасафъ и Василій, игумены Псковскіе, и съ ними 17 иноковъ. 1299 г. 4 марта.
Михаилъ, бл. Князь Тверской. 1318 г. 22 ноября.
Іоаннъ, Антоній и Евстафій, муч. Віленскіе. 1347 г. 14 апрѣля.
Гуліанія, благ. Кн. Вяземская. 1406 г. 21 декабря.
Ісидоръ, пресвитеръ Юрьевскій, и съ нимъ 72 муч. 1472 г. 8 января.
Макарій, Митрополитъ Кіевскій. 1479 г. 1 мая.
Герасимъ и Птиричъ, епископы Пермскіе. 1430 г. и въ 1455 г. 29 января.
Іоаннъ, муч. Казанскій. 1529 г. 24 января.
Адріанъ, преподобномуч. Ондрусовский. 1549 г. 26 августа.
Адріанъ, игуменъ Пошхонскій. Давидъ и др. иноки съ ними. 1550 г. 5 марта.
Стефанъ и Петръ, муч. Казанскіе. 1552 г. 24 марта.
Агапітъ, преподобномуч. Маркушевскій. 1569 г. 9 января.
Корнилій, игуменъ Псково-Печерскій. 1570 г. 20 февраля.
Іаковъ и Іоаннъ, отроки Менюжскіе (Новг.). 1570 г. 24 іюня.
Симонъ, блаж. юрод. Юрьевскій. 1584 г. 4 ноября.
Димитрій, Царевичъ Московскій. 1591 г. 15 мая.
Василій, муч. Мангазейскій. 1600 г. 23 марта.
Ермогенъ, Патріархъ Московскій. 1612 г. 17 февраля.
Евфросинъ, преподобномуч. Сипозерскій. 1612 г. 20 марта.
Галактіонъ, преподобномуч. Вологодскій. 1612 г. 24 сентября.
Прокопій, блаж. юрод. Вятскій. 1627 г. 21 декабря.
Іовъ, преподобномученикъ Ущельскій. 1628 г. 6 августа.
Симонъ, преподобномуч. Устюжскій. 1644 г. 12 іюля.
Афанасій, игуменъ Брестскій. 1648 г. 5 сентября.
Макарій, архим. Овручскій, преподобномуч. Каневскій. 1653 г. 7 сентября.
Іосифъ, Митрополитъ Астраханскій и Терскій. 1671 г. 11 мая.
Павель, муч. Русскій (Константиноп. Церкви). 1683 г. 3 апрѣля.
Гавріїлъ, младенецъ (Слуцкій). 1690 г. 20 апрѣля.
Пахомій, муч. Русскій (Константиноп. церкви) 1730 г. 7 мая.
Констанцій, священмч. Русскій (Константиноп. церкви) 1743 г. 26 декабря.

При общем взгляде на этот список мы уже видим, что новые мученики явились подражателями и продолжателями подвига прежних.

Святитель Филипп, Митрополит Московский, мученической смертью запечатлел свою борьбу за правду Божию с земной властью, поправшей эту правду. Святейший Патриарх Гермоген положил душу свою за свой родной народ, защищая его от иноверных. Святитель Иосиф, Митрополит Астраханский, от безбожных мятежников Стеньки Разина «люте пострадал». И против современных врагов, соединивших в себе все нечестие прежних, на путь этого же самого исповеднического подвига стали целые сонмы русских иерархов во главе со священномучениками Митрополитами Владимиром и Вениамином. Этот же тяжелый крест пал и на плечи множества пастырей, иноков и мирян.

{8} А разве не стал в одном лик святых страстотерпцев, благоверных князей Бориса и Глеба, убиенных Святополком Окаянным только для закрепления своей власти, Государь Николай Второй? А зарезанный в Угличе царевич Димитрий не имеет ли с собой такого же нежного, окровавленного отрока цесаревича Алексия и также ни в чем неповинных четырех прекрасных дев, сестер его? А их мать, соименная святой мученице царице Александре, и также сестра ее, великая княгиня Елизавета Феодоровна, не стали ли первомученицами нашего времени после княгинь Евпраксии и Иулиании?

Мы имеем великое и славное воинство новых страдальцев. Младенцы и отроки, старцы и взрослые, князья и простые, мужи и жены, святители и пастыри, монахи и миряне, цари и их подданные составили

великий собор мучеников Российских, славу нашей Церкви.

Если места страданий и кончины мучеников всегда делались священными и особо чтимыми, то вся земля российская освятилась их кровью. Некоторые же прежние святые места получили сугубое значение. Соловецкая обитель, прославленная подвигами Святителя Филиппа, преподобных Зосимы, Савватия, Германа и многих других сделалась местом заключения и страдания многочисленных епископов и пастырей Церкви. Местом же первого судища и следствия над ними сделалась Москва, знаменитая своими святынями и трудами великих первоиерархов. Петроград вдруг в эту годину испытаний потерял свое первенство среди городов и уступил свое место этому сердцу Русского народа. Но и он впервые стал знаменит своими исповедниками. Этой славы ему не хватало.

В истории гонений на христианство Москва действительно явилась третьим Римом и страдания Русской Церкви получили вселенское значение по своему масштабу и внутреннему смыслу. Рим, времен его апостольского православия, претерпел страшные гонения от язычества. Греческий православный Константинополь пережил крестовые походы от потерявшего православие того же Рима и тяжкое мусульманское иго. На Москву обрушились страшные удары безбожия, нового неслыханного врага всякой веры и особенно христианства, заявляющего, при том же, претензию на мировое владычество.

Таким образом, все гонения на христианство в главные эпохи истории происходили только на Православную Вселенскую Церковь (в Риме, в Константинополе, в Москве). И, прежде всего, на фоне ее происходит столкновение Христа и антихриста. В орбиту безбожного разрушительного влияния в данный момент {9} вовлечены все православные страны и народности, части Вселенской Церкви. Гонения же возрастают в своей силе и тонкости, а враги Церкви — в духе заблуждения и зла: сначала язычество, потом ереси, наконец безбожие. В состав Вселенской Церкви Русская Церковь наиболее молодая и не знает в своей истории массового гонения от язычества и ересьей, но за то на ее поле Вселенская Церковь получила тяжкие удары от безбожия.

Наша Церковь не только заполнила пробел своей истории и не в начале, а в конце тысячелетнего своего существования восприняла мученичество, которого ей не хватало, но и завершает общий подвиг Вселенской Церкви, начатый Римом и продолженный Константинополем. Дивен Промысел Божий в жизни Его Святой Церкви, которая достигает ныне своей полноты и славы.

Может быть к собранию материалов о мучениках нужно было бы предпослать общий очерк истории гонения на Церковь во все эти годы, но эту задачу можно выполнить и в последующем дополнительном издании материалов, которые мы должны тщательно собирать и подготовлять для лучших времен и лучшей обработки.

ГЛАВА 1.

Митрополит Киевский и Галицкий.

Митрополит Владимир является первомучеником в длинном ряде убиенных и замученных Российских православных архиереев. В то время, когда убили в Киеве Митрополита Владимира, в Москве происходил Священный Собор Всероссийской Православной Церкви. Весть о мученической кончине старейшего иерарха России глубоко взволновала всех членов Собора. И именно на день его смерти (25 января) Собор и установил ежегодное молитвенное поминование всех усопших во время гонений исповедников и мучеников.

Высокопреосвященный Владимир, Митрополит Киевский и Галицкий до пострижения в монашество назывался Василием Никифоровичем Богоявлensким. Он родился 1-го января 1848 г. от благочестивых родителей в селе Малых Моршках Тамбовской губ., где отец его был священником и впоследствии был тоже зверски убит. Владыка Митрополит получил образование в духовном училище и в духовной семинарии, и в 1874 году окончил Киевскую Духовную Академию. Далее следует семилетняя педагогическая служба в качестве преподавателя в родной Тамбовской духовной семинарии. В 1882 году будущий Митрополит посвящает себя пастырскому служению в г. Козлове Тамб. губ., где молодой батюшка о. Василий явился ревностным проповедником и учителем народа. В 1886 году Господь ниспоспал первый тяжелый крест о. Василию. Умирает его дорогая спутница жизни молодая жена, умирает вскоре и единственный малютка ребенок.

О. Василий тогда же удалился в обитель и принял монашество с именем Владимира, но не долго оставался о. Владимир в Козловском монастыре. Дальнейшее служение церкви о. Владимира быстро вело его по иерархической лестнице. В 1888 году он был посвящен в сан Епископа Старорусского, Викария Новгородской епархии. В 1891 году Владыка получил назначение в Самарскую епархию. В то время Самарскую губернию постигло величайшее бедствие от неурожая и {12} холерной эпидемии. Владыка Владимир в эти дни народного бедствия проявил себя великим героем духа, всецело отдавшись служению больным и заботам о голодающих и своим личным примером воодушевлял пастырей на самоотверженный подвиг страждущему народу.

И слово Владыки было не тщетно, а голос Святителя не умолкал пока не утихла буря народного бедствия.

С 18-го октября 1892 г. Преосвященный Владимир управлял в продолжение пяти лет Грузинским Экзархатом, уже в сане Архиепископа Карталинского и Кахетинского.

В 1898 г. Архиепископ Владимир был назначен на высокий иерархический пост Митрополитом Московским и Коломенским, где его служение протекало пятнадцать лет.

МИТРОПОЛИТ ВЛАДИМИРЪ.

В Москве Митрополит Владимир на первых же порах своего служения принимал энергичные меры оживления пастырской деятельности московского духовенства и стремился к тому чтобы частым богослужением и проповедью, религиозно-нравственными беседами столичное духовенство ближе стояло к народу и фабрично рабочему классу.

Владыка Владимир не только побуждал к тому свое духовенство, но и сам являлся добрым примером. Нередко Митрополит являлся на фабрики и заводы и после молитвы вел беседы с рабочими о вреде увлечения социализмом, — как бы пророчески предсказывая к какому несчастью приведет Россию это противохристианское учение.

Вся архиепископская деятельность Митрополита Владимира в Москве была полна любви и забот о пастве. Незнавшие Митрополита Владимира близко, считали его малодоступным и сухим. Действительно лицо Владыки всегда несколько нахмуренное носило глубокий отпечаток какой-то скорби. В силу врожденной скромности своего характера и даже некоторой застенчивости, Владыка старался всегда быть незаметным. Он, также незаметно для посторонних глаз, оделял нищих, вдов и сирот. Проявлял горячие заботы о спасении нравственно потерянных людях и о пьяницах. Будучи врагом алкоголя, Владыка энергично покровительствовал насаждению трезвости и сам вел беседы и издавал полезные листки и брошюры о губительности порока пьянства.

Характеризуя Митрополита Владимира в эпоху московской его деятельности один иерарх писал: «Кроткий и смиренный, ничего для себя лично никогда не искающий, правдолюбивый и честный, Владыка Владимир, постепенно и тихо восходил на высоту {13} иерархией лестницы и сразу высоко поднялся своим авторитетом и привлек сердца

церковной и патриотической России в дни всеобщего шатания и измены (1904-1905 г.г.), когда немногие оставались верными долгу и присяге, твердыми в защите Православной Церкви. Владыка Митрополит Московский тогда явил доблестный образец твердого и неподкупного стражи Церкви и Родины ... Да, на правдолюбивого, твердого, честного Владыку Владимира можно смело положиться, он ни в коем случае не обманет, не предаст, не изменит правде... Эти высокие свойства и характер души нашего первоиерарха слишком ценные в наши годы шатания. Жемчуг ценен потому, что его редко находят...»

Немало уделял внимания и учащимся всех учебных заведений, а особенно заботился Митрополит Владимир о семинаристах, подготовлявших себя на пастырское служение и вел с ними отеческие задушевные беседы. Приводим выдержку одной из последних бесед Митрополита Владимира с московскими семинаристами. Владыка вспоминал настроенность учащихся старой школы и противополагал нынешнему настроению и взглядам будущих пастырей. — «Тогда ученики более проникались идеальным стремлением и по выходе из школы отдавали себя на служение Церкви, довольные немногим в жизни.

— Вы скажете, что хлеб Церкви теперь стал черствым. Вероятно, иногда это бывает. Сухая корка не поддается молодым зубам. Но следует, прежде всего, думать не о том, что можно взять от народа, а что ему сами вы можете дать. Народ беден, жизнь его разъедается пороками пьянства и разврата. Он блуждает в дебрях сектантства и раскола. Когда в народную среду вы внесете истинный свет христианского знания, тогда улучшится материальное положение народа, и он сумет вас отблагодарить. Нужно помнить что материальное благодеяние пастыря — не самое главное в его жизни. Служение пастыря само по себе безмерно высоко, и имеет ценность в самом себе. Пастырь вносить свет в темную среду, пробуждает лучшие чувства, вносит в душу народа мир и спокойствие. Разве это не великое дело, и разве оно не может примирить человека с достатком в жизни!»

Вся полнота любви Митрополита Владимира к своей Московской пастве и глубина связи его с Москвой сильно сказались при расставании Владыки с москвичами, когда Владыка был назначен на Петроградскую первовсвятительскую кафедру.

Прощаясь, Митрополит сказал сквозь слезы: — «Дерево, когда растет, не чувствует, каким множеством {14} разнообразных корней и их тончайших разветвлений оно связано с землею. Но, когда дерево пересаживают в другое место, оно не может не чувствовать всей глубины своей связи с землею. Так и со мною. Ощущаю всю глубину тяжести при разлуке с Москвой, с которой я за 15 лет духовно сросся, но да будет воля Божия».

В 1912 г., когда скончался первоиерарх Православной Российской Церкви, Антоний Митрополит Петербургский и Ладожский, на его место был назначен Митрополит Владимир. Три года Владыка управлял Петербургской епархией и это было труднейшее время для церковно-общественной работы, ибо тогда усиливалось в Петербурге влияние «темных сил», т. е. «распутинство». Митрополит Владимир со свойственными его характеру прямолинейностью и твердостью убеждений вел посильную борьбу с темными силами.

Борьба эта была особенно трагична по своему внутреннему смыслу, при наличии того тягостного и рокового недоразумения, которое существовало между лучшими кругами русского общества к каковым

примыкал Митрополит Владимир — с одной стороны и Государыней Императрицей Александрой Феодоровной — с другой стороны.

Государыня — самоотверженная, беспредельно любящая мать, более всего в жизни любила своего сына — наследника Цесаревича и более всего трепетала за его судьбу. И вот этой то силой материнской любви воспользовались темные силы. Случайным ли стечением обстоятельств, или действием темных нам неведомых сил произошло то, что Императрица глубоко уверовала, что судьба Наследника Цесаревича тесно связана с судьбой «старца» Григория Распутина. На этом убеждении Царицы построено было его громадное почти неограниченное влияние.

Когда это влияние стало оказывать действие в сфере церковной жизни, Митрополит Владимир счел для себя невозможным дальнейшее молчание и попросил аудиенции у Государя.

Архиереи вообще имели очень редко аудиенции у Императора. Все сношения между ними обычно поддерживались через Обер-Прокурора.

Обер-Прокурор, в данном случае, — В. К. Саблер, узнав о цели с какой Митрополит Владимир желал видеть Государя, предупреждал Владыку о том, что это очень болезненная и сложная тема. Но Митрополит смело шел на исполнение того, что он считал непременным своим священным долгом и как Первосвятителя Церкви и как верноподданного.

Добившись аудиенции Митрополит Владимир смело и прямо указал Государю на все сплетни и грязные рассказы, которые {15} ходили в обществе в связи с именем Распутина, указал на гибельность его влияния, особенно в церковных делах.

Государь прослушав Владыку Митрополита, сказал, что быть может он и прав во многих отношениях, но что Царица-мать никогда с этим не согласится.

Государыня, узнав о разговоре Государя с Митрополитом, была страшно возмущена и горячо негодовала против Митрополита за его вмешательство в семейную жизнь царской семьи. Государыня заявила, что Митрополит — не верноподданный, если он может допустить грязные сплетни и разговоры о царской семье и передавать их Государю, когда в действительности ничего этого нет. В ответ на обвинения против Распутина, она говорила, что «старец Григорий неоднократно спасал жизнь нашего сына Наследника Цесаревича и никогда грязной мысли о старце она не допустит».

Государыня была права по-своему. Конечно никакой грязной тени, ничего кроме самого светлого, кристально чистого, не было в жизни и во взаимоотношениях Царской Семьи. Но грязь связанная с Распутиным проникла в некоторые сферы близкие ко Двору и об этом то и говорил Митрополит Владимир Государю, а Государыня не знала и не хотела знать ничего об этой грязи.

Такова была трагедия тех тяжелых лет, оба чистые, высокие духом, праведные перед Богом, царица и митрополит не поняли друг друга. И Государыня не захотела выслушать того, кто воистину был и верноподданным и добрым святителем Божиим, того, кому предлежала такая же мученическая кончина как и всей Царской Семье.

Митрополит Владимир в 1915 году впал в немилость и был удален из Петрограда на кафедру митрополита Киевского.

Здесь будет кстати вспомнить слова, сказанные этому великому иерарху одним архиереем: «Вы были первенствующий иерарх между

нами не только по своему общественному положению, но и по Вашим высоким духовным качествам, когда Вы светили нам в тяжкие годы церковной жизни. Именно когда люди совершенно изолгались и постоянно изменяли своим убеждениям, Вы не боялись говорить «правду царям», сознательно подвергая себя огорчениям и страданиям, и в то же время претерпевая все житейские скорби со смирением и покорностью Божественному Промыслу и с величайшою твердостью души».

Киевская паства с первых же дней окружила своего архипастыря любовью и искренним сочувствием, видя и ценя в нем гонимого за правду опального святителя.

{16} Как первенствующему в Св. Синод Митрополиту Владимиру, по вступлении в управление Киевской Митрополии, пришлось вновь приехать в Петроград.

В 1917 году, когда Владыка Митрополит возвратился в Киев, то там уже началась разруха церковной жизни под натиском революции. Образовался «исполком» и быстро начался развал церковной жизни. Бывший в то время в г. Киеве Епархиальный съезд духовенства и мирян вылился в «Украинский съезд» и было предъявлено требование, чтобы в «автономной» Украине была «независимая от Синода Украинская Церковь». Митрополит Владимир любовно, заботливо предостерегал тогда сторонников этой ненормальной затеи, видя что разделение церкви приведет только к торжеству внутренних и внешних врагов. Пастырей и пасомых Митрополит Владимир призывал терпеливо относиться к своим великим обязанностям участия в церковном епархиальном управлении, избегая вражды и разделения. Но сам архипастырь потерпел много тяжких обид, оскорблений и огорчений.

Осенью 1917 г. образовалась отдельная от России Украинская Держава, а вслед за этим в Киев провозгласилось и временное правительство, для всей Украинской церкви. Во главе этого церковного правительства встал бывший на покое Архиепископ Алексий Дородницын.

Образовавшееся самочинное церковное украинское правительство, или как оно называлось «рада», начало переустройство всего уклада церковной жизни в отделенных радой украинских епархиях. Во все духовные консистории были посланы «украинские комиссары». Воспрещалось поминование за богослужением Всероссийского Патриарха Тихона, а вместо него приказывалось поминать «всекищенскую церковную раду», возглавляемую Архиепископом Алексием. По адресу Киевского Митрополита Владимира самозванные духовные комиссары высказывались весьма грубо и оскорбительно.

В это время Митрополит Владимир присутствовал в Москве на Всероссийском Церковном Соборе, а Киевские «комиссары в рясах» обсуждали вопрос о недопущении своего Архипастыря Митрополита Владимира в Киеве — «цю ни к чему людыну», как они грубо выражались о нем по-украински.

Все эти самочинные действия рады встревожили все православное Киевское население. Собралось многолюдное собрание киевских приходских советов, на котором постановили всеми силами протестовать против самочинной антиканонической попытки создать автокефальную украинскую церковь.

{17} Вскоре после описанных событий Митрополит Владимир возвратился из Москвы с Церковного Собора в Киев и тогда началось со стороны врагов Церкви всяческое глумление над семидесятилетним

Старцем-Митрополитом.

Первоначально бунтовщики явились в покой Митрополита с грубым требованием об уходе Владыки из Киевской Митрополии.

Приводим акт неслыханного дотоле в православно-христианском мире оскорбления:

«Девятого сего декабря 1917 г. в два часа дня по поручению, будто бы, центральной рады, заявились ко мне комиссия во главе с называвшим себя председателем украинской церковной рады священником о. Маричевым и депутатами: прот. Н. Шараевским (новый лжемитрополит) свящ. П. Тарнавским, свящ. С. Филипенком, дьяконом Ботвиненко и иеродиаконом Порфирием и каким то военным, и после речи о. Маричева было мне заявлено словесное постановление рады о том, чтобы был удален из Киева Преосвященный Никодим Епископ Чигиринский, чтобы немедленно вступили в должность членов консистории вновь назначенные, а так же предложено выехать из Киева и мне. Желая иметь письменное заявление об этом со стороны поименованной депутатации, я позвал личного своего секретаря и предложил ему записать это требование депутатов и чтобы последние подписались под ним, но они категорически отказались от этого. Этот акт подписали: Владимир Митрополит Киевский. Секретарь А. Левков».

Вскоре после, этого грубого акта произошел в покоях старца Владыки новый случай. Между 10—12 часами ночи, в лаврскую квартиру Митрополита явился член церковной рады священник Фоменко в сопровождении военного и с неожиданно ласковостью стал предлагать Митрополиту патриаршество в украинской церкви.

Митрополит выразил удивление по поводу такой перемены фронта: то от него требуют в три дня уехать из Киева, то предлагают быть украинским патриархом. Но через несколько минут секрет этой ласковости открылся. Ночные посетители потребовали, чтобы хозяин выдал из средств митрополичьего дома сто тысяч рублей.

И когда Митрополит заявил, что эти средства принадлежать всей епархии, которая одна только и может распоряжаться ими, то поведение гостей резко изменилось и сделалось настолько угрожающим в отношении к однокому Архипастырю, что он поспешил пригласить через келейника монастырскую братию {18} чтобы удалить непрошеныхочных посетителей, но последние безобразничали в митрополичьих покоях еще часа полтора.

Каково было душевное состояние в эти дни тяжких испытаний Киевского Святителя митрополита Владимира, можно судить из рассказа свидетеля очевидца. (Подпоруч. Кравченко).

12 декабря 1917 г. во время приема, Владыка обратился к последнему с такими словами: «Я никого и ничего не боюсь. Я во всякое время готов отдать свою жизнь за Церковь Христову и за Веру Православную, чтобы только не дать врагам Ее посмеяться над Нею. Я до конца буду страдать, чтобы сохранилось Православие в России, там где оно началось». Сказав эти слова, Владыка Митрополит сильно и горько заплакал.

В Киево-Печерской Лавре в это время расположился бывший Владимирский Архиепископ Алексий Дородницын. После революции пасты из Владимира его прогнала за дружеские отношения с Распутиным. Изгнанный из епархии, Дородницын, украинец из Екатеринослава, перекочевал в Киев, где в тумане революционных настроений назревало стремление к автокефалии, к независимой от

Москвы Церкви.

Устроившись в Лавр, арх. Алексий стал мутить монахов украинцев и возбуждать их против Митрополита Владимира в надежде добиться его увольнения и самому сесть на его место. Монахи стали притеснять Митрополита, сначала в мелочах. Случалось, ему нужно куда-нибудь съездить, а монахи не дают лошадей и заявляют: «Владыка Алексий на лошадях уехал». Положение создавалось для Митрополита Владимира тягостное и когда к нему приехали другие два архиереи он просил их как-либо вразумить бесчинника. Но их некоторые усилия оказались напрасными. Дородницаин создал для Митрополита Владимира такое положение, что он чувствовал себя в митропольских покоях в Лавре, как в осажденной крепости.

Митрополит Владимир был глубоко честный, прямой и стойкий человек. Он не подчинился никаким требованиям группы людей, беззаконно собравшихся в Киеве в украинской церковной раде под главенством Архиеп. Алексия Дородницаина, которого Митрополит Владимир считал величайшим и тяжким церковным преступником и мятежником, в чем Архиеп. Алексий сам сознался и раскаялся перед церковью уже изгнанный украинцами же (Умер в Новороссийске от паралича сердца в январе 1920 г.). Даже под угрозой лишения жизни Митроп. Владимир не подчинился незаконным требованиям, что он и доказал своею мученической смертью, которой он мог бы избежать если бы захотел укрыться от врагов и убийц.

{19} В январе месяце 1918 г. в Киеве началась гражданская война. Положенное начало гонения и преследования Митрополита Владимира озвевшими его же бывшими духовными детьми, продолжалось и завершилось убийством Владыки во время обладания Киевом сатанистами изуверами.

Красное знамя революции — эмблема крови и сатанизма, позорно развевающееся с 1917 г. над Россией, всюду, где появится, влечет за собой потоки неповинной человеческой крови, произвол, братоубийство, а также разрушение святынь и храмов Божиих.

В борьбе двух вражеских партий за обладание г. Киевом многие Киевские обители и храмы подвергались обстрелу и в значительной степени пострадали. На долю же Киево-Печерской Лавры выпали исключительные дни страданий и гонения. С 15 января в Лавру начали попадать ружейные пули и снаряды, а с 22-го января канонада усилилась и Лавра оказалась под жестоким обстрелом со стороны большевиков, предполагавших, что с лаврской колокольни за ними происходит наблюдение, но в действительности колокольня была заперта, и в Лавре в то время никаких войск не было.

Обстрел же большевиками церквей и колоколен обычное явление всюду, где они ведут войну.

От снарядов значительно пострадали Великая Лаврская церковь и колокольня. Снаряды попадали внутрь церкви и производили значительные повреждения. 23-го января вечером большевики овладели Лаврой и тогда начались в Лавре дикие насилия и варварства. Вооруженные люди врывались в храмы в шапках на головах, с папиросами в зубах. С криком и площадной бранью производили обыски даже во время богослужения и ругались и кощунствовали над Святынями.

Монахов-стариков раздевали и разували на дворе, издевались над ними и секли нагайками.

Во время обысков происходил повальный грабеж.

В то время, когда большевики обстреливали Лавру, Митрополит Владимир молился Богу или в храме, или у себя в покоях. Последнюю литургию Владыка служил 21-го января в воскресение в Великой Лаврской церкви. 24-го января Митрополит в той же церкви служил акафист Успению Божией Матери. Это последнее служение в церкви накануне расстрела Митрополита Владимира по наблюдению сослужащих Владыки, отличалось особенной задушевностью и проникновенностью.

Ночь на 25-е января была тревожная. В эту ночь было произведено нападение четырех вооруженных мужчин и одной {20} женщины в одежде сестры милосердия на квартиру наместника Лавры. Грабители произвели тщательный обыск, забрали ценные вещи ли все, что находили в келлии, пили чай, а глубокою ночью трое из них выходили «на разведку» и в то время ограбили деньги у казначея и у благочинного.

Днем 25-го января три вооруженных солдата произвели обыск в митропольских покоях, и, не найдя ничего ценного, взяли из несгораемой кассы золотую медаль. Вечером вновь явилось в Лавру пять вооруженных людей. Один из них одетый в черную кожаную тужурку был комиссаром. Все они накануне (24-го января) уже были в Лавре и обдали в лаврской трапезе. Комиссар, бывший тогда в матросской фуражке, остался недоволен лаврским черным хлебом, бросил хлеб на пол и закричал на всю трапезную: «разве я свинья, чтобы есть такой хлеб?» — Монах трапезник ответил: «у нас господа, лучшего хлеба нет, какой нам дают, тот мы подаем». Трапезник монах Ириней свидетельствует, что 24-го января вечером эта партия вооруженных людей вторично была в лаврской трапезной. Матрос был пьян и говорил в трапезной:

— «Нужно сделать здесь что-либо особенное, замечательное, небывалое». Потом он сказал: «пойдем к Митрополиту на чай, мне нужно с ним поговорить». После этого они все встали и ушли, а через час снова пришли в трапезу и, усевшись начали высыпать из карманов серебряные деньги, а комиссар-матрос достал еще и золотые часы и на вопрос «товарищей» — «где взял их», ответил — «это мое дело». Вся эта компания 25-го января вечером, войдя в Лавру, спросила одного монаха — «где живет Митрополит?» — Монах, узнавший их, ответил матросу: — «дом его около того места, где вы кушаете, там он и живет». Матрос на это сказал: — «мы его сегодня заберем».

В злодеянии убийства Митрополита Владимира свою роль сыграла агитация Алексея Дородницына среди монахов Лавры. Когда в трапезной Лавры монахи кормили банду матросов, то были расспросы: довольна ли братия начальством? Не имеют ли монахи каких-либо жалоб?

Послушники, распропагандированные революцией и возбужденные агитацией Дородницына, стали жаловаться на притеснения: «народ несет в Лавру большие деньги, а подает их он» ... — и они указывали наверх, где находились покой Митрополита.

Будущие убийцы Митрополита пошли в трапезу и монах последовал за ними. Предводитель убийц резко обратился к монаху с вопросом. — «Почему у вас комитетов нет? — везде {21} комитеты, а у вас их нет». Монах ответил: «у нас не должно быть комитетов, — мы монахи». Грубый матрос закричал на монаха: «вы только миллионы и тысячи собираете». Грубый изуввер матрос долго еще ругался, кричал, а потом начав кощунствовать, он спросил монаха: «отец! скажи, что у вас в пещерах? Все оттуда вынесем и рассмотрим, если там ничего не

окажется, или окажется воск или тырса (опилки) — всех вас перережем».

Монах отвечал: — «что я вам буду говорить? Если я вам буду говорить правду, — вы все равно не поверите. Теперь ваша власть, пойдите, посмотрите и узнаете правду». В 1917 г. безбожники уже кощунствовали в лаврских пещерах, они резали кинжалами святые моши, прокладывали штыками, выбрасывали из гробниц, и надругавшись ставили свят. моши преподобных на голову. Грубый матрос продолжал спрашивать монаха. — «Ты знаешь, кто был отец Серафим в Сарове? — Отец Серафим был вторым лицом после Царя, потому то Серафим и святой. Вот и ваш Митрополит Владимир будет святой».

Уходя из трапезной матрос сказал монаху: — «больше вы Митрополита не увидите». Убийцы пошли к Владыке Митрополиту, чтобы выполнить убийственный замысел.

Было 6½ часов вечера.

На крыльце митрополичьего дома послышалось три резких звонка. В открывшуюся дверь вошли убийцы — пять человек в солдатской форме, а во главе был матрос.

Матрос спросил: — «где Владимир, Митрополит?» Швейцар указал на пребывание Владыки Митрополита в нижней келлии о. наместника, архимандрита Амвросия.

Проходя в келью к Митрополиту, один солдат сказал: — «мы желаем переговорить с Митрополитом и мы идем сейчас из трапезной и нам там братия жаловалась, что он не разрешает комитеты. С ним нужно переговорить, чтобы он разрешил совет, чтобы, было так, как у нас».

Владыка Митрополит вышел к убийцам и спросил: — «в чем дело?» Троє убийц увели Владыку в комнату и там оставались с ним наедине некоторое время. У дверей поставили караул. Потом из комнаты палачи повели Митрополита в его верхние покои. Когда Владыка проходил мимо стоявших в сторон Епископа Феодора и архим. Амвросия, то сказал им: «вот они хотят уже расстрелять меня, вот что они со мной сделали» и при этом развел руками. Следовавший за Владыкой матрос грубо закричал: — «иди, не разговаривай, кто тебя будет расстреливать! — До коменданта пойдешь».

{22} ... Поднявшись на первую площадку лестницы, ведущей на верхний этаж, Митрополит остановился, и, обращаясь к сопровождавшим его убийцам сказал: «ну, господа, если вам угодно расстрелять меня, расстреливайте здесь же на месте, — я дальше не пойду». Матрос на это грубо заметил: — «кто тебя расстреливать будет! — Иди».

Убийцы повели Митрополита в его спальню, где заперев за собою двери оставались с Владыкой там двадцать минут. Там Владыку пытали, душили цепочкой от креста, требовали денег и глумились. Потом келейники нашли в разных местах спальни, на полу разорванные цепочки, шелковый шнурок, ладанку и серебряную нательную икону.

Через двадцать минут Митрополит, окруженный, tremя палачами, вышел из спальни одетый в рясу, с панагией на груди и в белом клубоке на голове.

При выходе на крыльцо к Владыке подошел под благословение его старый келейник Филипп, но матрос оттолкнул его от Митрополита, закричав: — «Довольно кровопийцам кланяться, кланялись, будет». Владыка, приблизившись сам к келейнику благословил его, поцеловал и, пожав руку, сказал: — «прощай Филипп! — вынул из кармана платок и вытер слезы.

Филипп передавал, что Митрополит был спокоен — словно шел на служение литургии. Когда Митрополит надевал шубу, один из солдат сказал: — «это важный преступник!» а матрос закричал на него: — «будет тебе, никаких разговоров».

Забытый и брошенный своей братией, окруженный палачами и убийцами, ни в чем неповинный, кроткий и смиренный старец, Митрополит Владимир спокойно шел на казнь. По дороге, в ограде Лавры Митрополит шел осеняя себя крестным знамением и в предвидении смерти, благоговейно напевал «Благообразный Иосиф».

Случайный очевидец убийства Митрополита передает, что к месту расстрела от лаврских ворот Владыку привезли на автомобиль. Когда убийцы вывели Владыку из автомобиля на площадку, то он спросил: — «Вы здесь меня хотите расстрелять?» — Один из палачей ответил: — «А что ж, церемониться с тобой что ли?» Тогда Митрополит попросил у них разрешения помолиться Богу, на что последовал ответ: — «только поскорей». Воздев руки к небу, Владыка молился вслух: — «Господи, прости мои согрешения вольные и невольные и прими дух мой с миром!» Потом благословил {23} крестообразно обеими руками своих убийц и сказал: — «Господь вас да простит».

Вдруг, среди гробовой тишины послышались за стеной Лавры ружейные выстрелы. Сначала четыре, а через пол минуты еще два и еще. — «Это Владыку расстреливают» — говорить один инок.

«Для убийства столько выстрелов слишком много» — замечает подошедший третий инок.

После раздавшихся выстрелов забегали по двору Лавры человек пятнадцать матросов с револьверами и фонарями в руках. Один матрос спросил стоявших монахов: — «батюшки, провели Владыку?» — «Провели за ворота», — был робкий ответ иноков. Матросы побежали за ворота и через минут двадцать возвратились в Обитель. — «Нашли Владыку?» — спросил один монах матроса. — «Нашли, так всех вас по одному повыведем» — отвечал матрос.

В эту ночь покой Лавры больше не нарушился. Вся Обитель спала крепким сном и не чувствовал никто, что за тысячу шагов от Лавры в луже крови лежал прах истерзанного убитого Настоятеля и Отца Лавры, Митрополита Владимира.

На рассветешли в Лавру на богомолье женщины, и уже от них братия Лавры узнала, что Митрополит Владимир лежит расстрелянный за Лаврой на маленькой полянке, среди крепостных валов.

Тело убитого Владыки обнаружено было в расстоянии 150 саженей от ворот Лавры. Убитый лежал на спине, покрытый шубой и на нем не оказалось панагии, клобучного креста, чулок, сапог с галошами и золотых часов с цепочкой. Медицинским освидетельствованием на теле покойного обнаружены следующие ранения: огнестрельная рана у правой глазной щели, резанная рана покровов головы с обнажением кожи, колотая рана под правым ухом и четыре колотых раны губы, две огнестрельные раны в области правой ключицы, развороченная рана в области груди, с вскрытием всей грудной полости, колотая рана в поясничной области с выпадением сальника и еще две колотые раны груди.

В девять часов утра Лаврская братия решила перенести тело убиенного Митрополита в Лавру, для чего архим. Анфим, получив от большевиков пропуск, отправился с четырьмя санитарами к месту убийства.

Отслужив краткую литию, и, положив тело на носилки, к одиннадцати часам дня принесли останки Священномуученика в Михайловскую лаврскую церковь, где покойный Владыка проводил в молитве последние дни своей {24} жизни. Когда о. Анфим поднимал тело Митрополита для перенесения, то к нему подбежало человек десять вооруженных солдат и рабочих и начали глумиться и ругаться над расстрелянным Владыкой, и не разрушали уносить тело. — «Вы еще хоронить будете его — в ров его бросить, тут его закопать! Мощи из него сделаете, — это для мощей вы его забираете», — неистово кричали изувверы. Когда понесли тело Владыки, то проходившие благочестивые женщины плакали, молились и говорили: «Страдалец-мученик, Царство ему небесное». А изувверы кричали: — «какое ему царство, ему место в аду, на самом дне».

Для расследования обстоятельств убийства Митрополита Владимира Священный Собор избрал комиссию под председательством Тамбовского Архиепископа Кирилла, но она не могла уже исполнить своей миссии. Киев был отрезан от Москвы новыми обстоятельствами революции.

Памяти убиенного Митрополита было посвящено особое торжественное заседание, происходившее в Соборной палате при участии Патриарха и духовенства всей Москвы.

В истории Русской Церкви он был единственным иерархом, который последовательно занимал все три митрополичьи кафедры — Московскую, Петербургскую и Киевскую, и завершил свой жизненный подвиг в 1918 году приятием священно-мученического венца, как бы открыв собою славу Русской Церкви.

{25}

(...,защиту Митрополита взял на себя бывший прис. поверенный Я. С. Гурович, который с момента прихода большевиков к власти, оставил адвокатуру и никогда в советских судах не выступал“...ldn-knigi”)

ГЛАВА 2.

Вениамин, Митрополит Петроградский I.

Полоса «изъятия церковных ценностей» до Петрограда дошла довольно поздно: в середине марта 1922 года.

Главой Петроградской епархии в то время был Митрополит Вениамин. Избрание его из викарных епископов в митрополиты состоялось летом 1917 года при Временном Правительстве. Это, был кажется первый случай применения демократического порядка избрания митрополита. Петроградское население огромным большинством (в том числе голосами почти всех рабочих) вотировало за владыку Вениамина.

Оно давно его знало и было глубоко привязано к нему за его доброту, доступность и неизменно сердечное и отзывчивое отношение к своей пастве и к нуждам ее отдельных членов.

Митрополит Вениамин, уже будучи в этом сане, охотно отправлялся по этому зову для совершения молений и треб в самые отдаленные и бедные закоулки Петрограда. Рабочий, мастеровой люд зачастую приглашал его для совершения обряда крещения, и он радостно приходил в бедные квартали, спускался в подвалы — в простой рясе, без всяких внешних признаков своего высокого сана. Приемная его была постоянно переполнена — главным образом простонародьем. Иногда он до позднего вечера выслушивал обращавшихся к нему, никого не отпуская без благостного совета, без теплого утешения, забывая о себе, о своем отдыхе, о пище ...

Митрополит не был, как говорится, «блестящим оратором». Проповеди его всегда были чрезвычайно просты, без всяких ораторских приемов, без нарочитой торжественности, но, в то же время, он были полны какой-то чарующей прелести. Именно, незамысловатость и огромная искренность проповедей Митрополита делала их доступными для самых широких слоев населения, которое массами наполняло церкви, когда ожидалось служение Митрополита.

{26} Даже среди иноверцев и инородцев Митрополит пользовался глубокими симпатиями. В этой части населения он имел не мало близких личных друзей, которые, несмотря на разницу верований, преклонялись перед чистотой и кротостью его светлой души и шли к нему в минуту тяжкую за советом и духовным утешением.

Если в России, в это мрачное время, был человек абсолютно, искренне «аполитичным», — то это был Митроп. Вениамин. Это настроение было в нем не вынужденным, не результатом какой либо внутренней борьбы и душевных преодолений. Нет. Его евангельски простая и возвыщенная душа легко и естественно парила над всем временным и условным, над копошащимися где-то внизу политическими страстями и раздорами. Он был необыкновенно чуток к бедам, утеснениям и переживаниям своей паства, помогая всем, кому мог и как умел, — в случае надобности просил, хлопотал...

Его благородный дух не видел в этом никакого унижения, ни

несогласованности с его высоким саном. Но, в тоже время, всякую «политику» он неумолимо отмечал во всех своих действиях, начинаниях и беседах, даже интимных.

Можно сказать, что этот элемент для него просто не существовал. Всякие политические стрелы просто скользили по нему, не вызывая никакой реакции. Казалось, что в этом отношении он весь закован в сталь. Ни страха, ни расчета здесь никакого не было (это доказало будущее). Митрополит лишь осуществлял на деле то, что, в отношении выполнимости, кажется (может быть, с большим основанием) почти неразрешимым вопросом: евангельское исключение из религиозной жизни всякой политики т. е., в данном случае, вопросов об отношении к советской власти, к ее представителям и т. д. с известной точки зрения, может быть, это был недостаток, отврат от жизни, но таков факт, и тут ничего не поделаешь. Из духовного облика Митрополита нельзя выбросить эту черту, тем более, что она очень характерна для его высшей степени цельной и монолитной психики.

Таков был тот на долю которого выпало, в качестве главы Петроградской епархии, столкнуться с подступавшей все ближе волной изъятия церковных ценностей, уже помутневшей от пролития крови...

† Вениамин Митрополит Петроградский.

Не трудно было предугадать, зная характер и душу Митрополита, как отнесется он к изъятию. В этом вопрос для него не существовало колебаний ни на одну минуту. Самое главное — спасение гибнувших братьев. Если можно хоть немногих, хоть едину душу живую, исторгнуть из объятий голодной смерти, — все жертвы оправдываются.

{27} Митрополит, с его детской простотой веры, был большим любителем церковного благолепия. Для него, как для самого примитивного верующего, священные предметы были окружены мистическим нимбом, но дальше он не шел. Силою своего проникновенного духа он отбрасывал в сторону все эти настроения и

чувствования, в его глазах совершенно невесомые сравнительно с предстоящей задачей спасения людских масс. В этом отношении он шел дальше Патриарха, не встречая никаких препятствий к отдаче даже освященных сосудов и т. п. — лишь бы исполнить свой христианский и человеческий долг до самого конца.

Но, наряду с этим, ему представлялось необходимым всячески стремиться к тому, чтобы отдача церковного имущества носила, именно, характер вполне добровольной выдачи «пожертвования». Ему несомненно претила самая процедура изъятия, которой предстояло иметь вид какого то сухого, казенного, принудительного акта, — отдачи нехотя, из под палки, под давлением страха и угроз. Прежде всего, по мысли его, тут было бы явное противоречие истине и справедливости. Он был заранее уверен или, по крайней мере, питал надежду, что население горячо и единодушно отзовется на его призыв, что оно пожертвует во славу Божию и во имя долга христианского с радостью все, что только можно. Для чего же прибегать, хотя бы только внешним образом, к насилию, — ненужному и оскорбительному для населения — в творимом им святым деле.

Другая, вызываемая давлением обстоятельств, необходимая предпосылка к пожертвованию церковных ценностей, должна была, по его мнению, заключаться в народном контроле над расходованием всего пожертвованного. В основе всех происшедших, до петроградских изъятий, бунтов было не нежелание спасти какой бы то ни было ценой погибающих от голода людей, — но глубокое недоверие к ненавистной власти. Население заранее было убеждено, что, вторгаясь грубейшим образом в сферу интимнейших чувств верующих, отнимая у них то, что украшало храмы и богослужения, — большевики, в то же время, ни единого гроша из отнятого не передадут по объявленному назначению. Удивляться такому, хотя бы и утрированному, недоверию — не приходится. Власть его вполне заслужила.

На этой почве могли возникнуть протесты и эксцессы и в Петрограде, а, следовательно, и неизбежные кровавые расправы. Предвидя это, Митрополит считал весьма целесообразным введение в контроль представителей от верующих.

Существовало, кроме того, для Митрополита еще одно {28} препятствие к исполнению требований власти (в той резкой форме, в какой они предъявлялись), — препятствие, которое, при известной постановке дела, для него было непреодолимым. Благословить насильственное изъятие церковных предметов он не мог, ибо считал такое насилие кощунством. Если бы власть настаивала на принудительном характере изъятия, то ему оставалось бы лишь отойти в сторону, не скрывая своих взглядов, как православного иерарха, на насилие в данном случае. Это, вряд ли, содействовало бы умиротворению умов, как бы, в то же время, Митрополит ни настаивал на необходимости пассивного, спокойного отношения к распоряжениям власти (а он это неоднократно говорил, проповедывал и циркулярно сообщал подчиненным ему лицам).

Впрочем, даже благословение Митрополитом насильственного изъятия не изменило бы положения: в результате, получилась бы только потеря Митрополитом всего своего духовного авторитета и, следовательно, предоставление полного произвола стихийному негодованию верующих масс ...

Иное дело — благословить пожертвование.

Делая это, он только исполнил бы свой прямой пастырский долг.

Суть тут не в «формальных нюансах». Большая разница была по существу. При согласии власти на «пожертвование» и на «контроль», — отпадало основание к недоверию со стороны масс, и на первый план выступало возвышенное стремление помочь голодающим. Тогда народ радостно (как предполагал Митрополит) отзовется на призыв своего духовного водителя, тогда его пастырский голос будет действительно авторитетным, и все совершится мирно и благополучно.

Все это было, конечно, не столько «требованиями» или «условиями» (Митрополит отлично понимал, что ни о какой борьбе и речи быть не может), — сколько пожеланиями, в осуществимость которых он верил, — тем более, что считал это выгодным и для власти, которая, как представлялось его не искушенному политикой уму, должна была стремиться к безболезненному проведению изъятия. Ведь, что «изъятие», что «пожертвование», рассуждал он, по существу — одно и тоже. Власть получит все то, что ей нужно. А, между тем, от того или иного внешнего подхода к этому вопросу зависело мирное или кровавое разрешение такового.

Несомненно, что ко всему указанному выше у Митрополита примешивались еще мечты, свойственные его идеалистическому настроению. Суровая действительность не мешала ему грезить о предстоящем чудном зрелище. Ему представлялся всенародный {29} жертвенный подвиг во всей его неописуемой внешней и внутренней красоте; ярко освещенные храмы, переполненные молящимися, огромный общий душевный подъем; трогательное умиление на всех лицах в сознании величия совершающего... Церковь, в лице верных детей своих, предводимая духовенством, радостно отдающая все для спасения братьев, приемлющая с готовностью внешнюю нищету ради духовного обогащения ... В результате — не одоление Церкви, а наоборот, неожиданная ее победа ... Если такие мечтания представляли тоже своего рода «политику» — то, надо признать, такую, которая, конечно, ничего общего с политикой земной не имела.

Все эти прекрасные грезы были, увы, безжалостно и вскоре растоптаны грядущими событиями ...

II.

Петроградский Совет, по-видимому, недостаточно был посвящен в глубокие политические расчеты московского центра. Петроградская власть искренне считала, что единственная цель декретов об изъятии — это получение в свое распоряжение церковных ценностей. Поэтому Петроградский совет, вначале, в этом вопросе держался примирительной политики. Он находил нужным, не отступая, по существу, от декретов, стараться провести их в жизнь, по возможности, в форме не вызывающей осложнений. Совет учтивал известное ему настроение масс. Опасаясь эксцессов, он, казалось, льстил себя надеждой отличиться мирным выполнением декретов и, ради этого, готов был пойти на некоторый компромисс.

Члены комиссии Помгола (помощи голодающим) при Петроградском Совете начали «кампанию по изъятию» с неоднократных визитов в Правление Общества Православных Приходов. Придавая этому учреждению большое значение (весьма преувеличенное), в смысле влияния на верующие массы, члены Помгола стремились, сообща с Правлением, выработать такой порядок отдачи ценностей, который был

бы наиболее приемлемым для этих масс. Со своей стороны, Правление, оказавшееся неожиданно для самого себя, в роли посредника между населением и властью, проявило весьма большую уступчивость. Оно еще более чем члены Помгола, боялось стихийных беспорядков и кровавых осложнений. Смягчить, насколько удастся, формы изъятия, не затрагивать, по возможности, религиозных чувств населения — к этому сводились, в сущности, все пожелания Правления, и, в этом отношении, в начале оно встретило известный отклик в среде Помгола. Митрополит находился в курсе переговоров.

{30} Наконец 5-го марта 1922 г. Митрополит получил официальное приглашение пожаловать на завтра в Помгол для участия в выработки порядка исполнения декретов о церковных ценностях. 6-го марта Митрополит явился в Смольный в сопровождении нескольких лиц (в числе коих находился бывший присяж. поверен. и юрисконсульт Лавры — Иван Михайлович Ковшогов впоследствии убитый вместе с Митрополитом). Владыка представил комиссии Помгола собственноручно им написанное и подписанное заявление. В этой бумаге, изложенной в весьма корректном тоне, указывалось на то: а) что Церковь готова пожертвовать для спасения голодающих все свое достояние; б) что для успокоения верующих необходимо, однако, чтобы они сознавали жертвенный, добровольный характер этого акта; в) что для той же цели нужно, чтобы в контроль над расходованием церковных ценностей участвовали представители от верующих.

В конце своего заявления Владыка указывал, что, если, паче чаяния, изъятие будет носить насильственный характер, то он благословить на это свою паству не может. Наоборот, по пастырскому своему долгу, он должен будет осудить всякое активное содействие к такому изъятию. При этом Митрополит ссылается на тут же процитированные им каноны.

Митрополит встретил в Помголе, как это удостоверяется и в обвинительном акте, самый благожелательный прием. Выставленные им предложения даже не обсуждались детально, до такой степени они казались явно приемлемыми. Общее настроение было настолько светлым, что Митрополит встал, благословил всех и со слезами сказал, что, если так, то он собственными руками снимет ризу с образа Казанской Богоматери и отдаст ее на голодающих братьев.

На другой и на третий день в разных газетах (в том числе московских «Известиях») появились сообщения о состоявшемся соглашении. Газетные заметки были составлены в тоне, благоприятном для Митрополита и, вообще для Петроградского духовенства, которое, дескать, обнаружило искреннее желание выполнить свой гражданский долг и т. д.

Но, увы, вся эта иллюзия соглашения оказалась весьма быстротечной. Московский центр, по-видимому, остался недоволен петроградским советом, не уразумевшим истинных целей похода «пролетариата» на церковные ценности. Перспектива изъятия по добровольному соглашению с духовенством, пожалуй, увеличила бы престиж последнего, что вовсе не улыбалось московским политикам. Не соглашение, а раскол, не примирение, а война. Таков был лозунг, о котором не догадался недальновидный Петроградский Помгол.

{31} Надо думать, что петроградскому совету было сделано соответствующее разъяснение или внушение, и, когда уполномоченные Митрополита явились, как было условленно, через несколько дней в

Помгол, чтобы поговорить о некоторых деталях соглашения, то они встретили уже другое настроение и даже других представителей Помгола. Посланцам Митрополита было весьма сухо объявлено, что ни о каких «пожертвованиях», ни о каком участии представителей верующих в контроле — не может быть и речи. Церковные ценности будут изъяты в формальном порядке. Остается условиться лишь о дне и часе, когда духовенство должно будет сдать власти «принадлежащее государству» имущество. Представители Митрополита заявили, что они не уполномочены на этой почве вести переговоры, и удалились.

Легко понять, как глубоко был потрясен Митрополит докладом своих представителей. Было ясно, что все его планы и надежды рушились. Однако, он не мог так легко расстаться с тем, что уже считал достигнутым. Он отправил в Помгол вторичное письменное заявление, в котором ссылался на состоявшееся уже соглашение и вновь перечислял свои предложения, настаивая на них и указывая, что, вне этого порядка действий, он не видит возможности не только способствовать умиротворению масс, но даже благословить верующих на какое либо действие изъятию.

На это заявление никакого ответа не последовало. Всякие переговоры были прекращены. Чувствовалось приближение какой-то грозы. Между тем, кое-где в Петрограде уже начались описи и изъятия, — по преимуществу в небольших церквях. Особо острых столкновений, однако, не было. Вокруг церквей собирались, обыкновенно, толпы народа, они негодовали, роптали, кричали по адресу членов советских комиссий и «изменников» — священников бранные слова; изредка имели место оскорбления действием, наносили побои агентам милиции, бросали камнями в членов комиссии, но, все таки ничего особого серьезного не случилось. Самые «возмущения» не выходили за пределы обычных нарушений общественной тишины и порядка, которые, в прежнее время, были бы подсудны мировому суду. В данном случае, власти тоже, по-видимому, не думали пока о муссировании этих событий. Составлялись протоколы, которые направлялись «по подсудности» в народные суды и этим ограничивалось.

Но в ближайшие дни предстояло изъятие ценностей из главнейших храмов. Многое заставляло думать, что тут не обойдется так благополучно. Власти подготовляли какие-то особые меры. Население глухо волновалось.

{32}

III.

В эти же дни произошли события, оказавшие решительное и неожиданное влияние не только на изъятие ценностей и на судьбу Митрополита, но и на положение всей Русской Церкви. События эти послужили тем зародышем, из которого в ближайшие недели выросла так называемая, «живая церковь».

В те дни никто еще не предвидел возникновения раскола среди духовенства. Наблюдались, конечно, разногласия, чувствовалось, что среди духовенства есть элементы авантюрного характера, склонные передаться на сторону власти, но они казались слабыми и невлиятельными, что серьезного значения им не придавали. Наоборот, казалось, что преследования со стороны власти объединили духовенство, и что отдельные выступления каких бы то ни было групп немыслимы. Да и повода к этому не было.

Духовенство держало себя пассивно, — если угодно, даже «лойально». Для раскола, нужен был, если не повод, то предлог, и, притом, демагогического характера.

Этот предлог был найден, не без усиленного подстрекательства, разумеется, со стороны большевиков. Наступившая заминка, после сорванного соглашения по вопросу об изъятии, давала возможность фронтонирующей, недовольной части духовенства выступить под флагом необходимости в безотлагательной помощи голодающим.

24-го марта 1922 года в петроградской «Правде» появилось письмо за подписью 12 лиц, среди которых мы находим большую часть будущих столпов «живой церкви», священников: Красницкого, Введенского, Белкова, Боярского и других. Авторы письма решительно отмежевывались от прочего духовенства, укоряли его в контрреволюционности, в игре в политику в народном голоде, требовали немедленной и безусловной отдачи советской власти всех церковных ценностей и т. д. Надо, однако, сказать, что, несмотря на вызывающей тон письма, авторы его не могли не признать (такова была сила правды), что следовало бы, все таки, во избежание оскорблении религиозных чувств православного населения, чтобы в контроль участвовали представители верующих. Нужно также заметить, что в числе подписавших были лица, просто, не дальновидные, увлеченные своими товарищами-политиканами и впоследствии глубоко раскаивающиеся в подписании означенного письма.

Власть торжествовала. Раскол был налицо. Нужно было только всячески его раздувать и углублять, а на это большевики мастера.

† Патриарх Тихонъ и Митрополитъ Вениаминъ.

{33} Петроградское духовенство было невероятно поражено и возмущено письмом 12-ти, в котором оно совершенно основательно усматривало все признаки политического доноса. На состоявшемся многолюдном собрании духовенства, авторам письма пришлось выдержать жестокий натиск. Главным защитником выступления 12-ти был Введенский, произнесший речь чрезвычайно наглую и угрожающую. Ясно было, что он уже чувствует за собой могущественную «заручку» и на нее упирает.

Митрополит, со свойственной ему кротостью, прекратил эту угнетающую сцену и постарался утишить разбушевавшиеся страсти. Для него самое главное сводилось к тому, чтобы предотвратить кровавые столкновения между верующими и агентами власти. Медлить нельзя было. Положение становилось все более напряженным. Было решено вступить в новые переговоры с властью и, по настоянию Митрополита, задача эта была возложена на Введенского и Боярского, как на лиц, перешедших на положение благоприятствующих власти.

Последствия оправдали этот выбор. Новые посланцы быстро уладили дело. Между Митрополитом и петроградским советом состоялось формальное соглашение, изложенное в ряде пунктов и напечатанное в «Правде» в начале апреля. Кое-каких уступок от власти, все таки, удалось добиться. Самое существенное было то, что верующим предоставлялось заменять подлежащие изъятию церковные предметы другим равноценным имуществом. Митрополит, со своей стороны, обязался обратиться к верующим с соответствующим воззванием, которое и было напечатано в том же номере газеты. В этом воззвании Владыка, не отступая от своей принципиальной точки зрения, умолял верующих не сопротивляться, даже в случае применения насильственного способа изъятия, и подчиниться силе.

Казалось бы, с этого момента, все споры и недоразумения на этой почве между духовенством и властью следовало считать законченными. Изъятие продолжалось с большой интенсивностью. Серьезных препятствий действия власти, по-прежнему, не встречали, если не считать отдельных случаев народных скоплений, оскорблений агентов власти и т. п. сравнительных мелочей. В конце концов, изъятие было произведено всюду с таким успехом, что сам глава местной милиции вынужден был констатировать в официальном донесении, блестящее и сравнительно вполне спокойное проведение кампании (само собою разумеется, что это донесение было сделано тогда, когда возбуждение дела против Митрополита еще не предвиделось).

Но грянул гром с совершенно другой стороны.

{34}

VI.

Введенский, Белков, Красницкий (выдвинувшийся скоро вперед, как фактический глава и организатор живо-церковного движения) и, иже с ними, не могли и не желали останавливаться на сделанном им шаге. Благодаря содействию и подстрекательству сов. власти, перед ними открывалась новая грандиозная перспектива: захватить в свои руки церковную власть и пользоваться ею по своему усмотрению, под крыльишком благосклонного большевистского правительства.

В начале мая в Петрограде разнеслась весть о церковном перевороте, произведенном означенной группой, об устранении

патриарха Тихона от власти и т. д. Точных сведений еще никто, впрочем, не имел.

Введенский, явившийся после переворота из Москвы в Петроград к Митрополиту, заявил ему об образовании нового верховного церковного управления и о назначении его, Введенского, делегатом от этого управления по Петроградской епархии.

В ответ на это со стороны Митрополита последовал шаг, которого, вероятно, никто не ожидал, памятуя удивительную душевную мягкость и кротость Владыки. Но, всему есть пределы, Митрополит мог проявить величайшую уступчивость, пока речь шла только о церковных ценностях. Цель изъятия и, с другой стороны, опасность, угрожавшая верующим, оправдывали такую линию поведения. Теперь, лицом к лицу с одним из узурпаторов церковной власти, Митрополит не только разумом, но всем инстинктом искренне и глубоко верующего христианина сразу понял, что дело идет уже не об «освященных сосудах». Волна мятежа подступает уже к самой Церкви. В этот роковой момент он осознал свою огромную ответственность и властно заявил Введенскому: «Нет, на это я не пойду».

Но Митрополит этим не ограничился.

На другой же день состоялось постановление Владыки, по смыслу которого Введенский был объявлен находящимся «вне Православной Церкви», — с указанием всех мотивов этого постановления. Впрочем, кротость Владыки сказалась и тут. В постановлении был указан его временный характер, — «пока Введенский не признает своего заблуждения и не откажется от него».

Постановление, напечатанное немедленно в советских газетах, вызвало изумление и ярость со стороны большевиков. В первую минуту озлобление было так велико, что большевики совсем забыли о неоднократно провозглашенном ими принципе «невмешательства» в церковную жизнь. Заголовки газет {35} запестрели истерическими аншлагами вроде того, что «Митрополит Вениамин осмелился отлучить от Церкви священника Введенского. Меч пролетариата тяжело обрушится на голову Митрополита». Нечего и говорить, что все эти бешеные выкрики выдавали, окончательно и официально, закулисное доселе участие большевиков в живо-церковной интриге (о чем, впрочем, все и без того догадывались).

Однако, после бешенных атак первых дней, наступило некоторое раздумье. Обаяние Митрополита среди верующих было очень велико. Отлучение Введенского не могло не произвести на них огромного впечатления. Физически уничтожить Митрополита было нетрудно, но возвышенное им постановление пережило бы его и могло создать серьезные последствия, угрожавшие зародыше раздавать новую «революционную церковь». Решили, поэтому, испробовать другой путь — путем угроз и компромиссов.

Через несколько дней после отлучения к Митрополиту явился Введенский в сопровождении бывшего председателя петроградской ЧЕКи, а затем петроградского коменданта Бакаева, который с этой должностью совмещал должность чего-то вроде «обер-прокурора» при вновь образовавшемся «революционном епархиальном управлении». Введенский и Бакаев предъявили Митрополиту ультиматум. Либо он отменит свое постановление о Введенском, либо против него и ряда духовных лиц будет — на почве изъятия церковных ценностей — создан процесс, в результат которого погибнут и он, и наиболее близкие ему лица.

Митрополит спокойно выслушал предложение и ответил немедленным и категорическим отказом. Введенский и Бакаев удалились, осыпав Митрополита рядом яростных угроз.

Митрополит ясно понимал, что эти угрозы не тщетны, и что с того момента, как он стал поперек дороги власти в ее начинаниях, по поводу образования революционной церкви, — он обречен на смерть. Но сойти с избранного им пути он не мог и не желал.

Предчувствуя, что через короткое время ему придется вступить на свой многострадальный путь, он приготовился к ожидавшей его участии, отдал наиболее важные распоряжения по епархии, повидался со своими друзьями и простился с ними.

Предчувствия не обманули Митрополита. Через несколько дней вернувшись откуда-то в лавру, он застал у себя «гостей»: следователя, многочисленных агентов ЧЕК'и и стражу. У него произвели долгий, тщательный и, понятно, безрезультатный обыск. Затем ему было объявлено, что против него и других лиц {36} возбуждено дело о сопротивлении изъятию церковных ценностей, и что он будет находиться под домашним арестом. Этот льготный арест продолжался недолго, — 2 или 3 дня, по истечении которых Митрополита увезли в дом предварительного заключения, где он находился все дальнейшее время до своей мученической кончины.

V.

Дело покатилось по заранее уготовленным рельсам советского правосудия.

Кроме Митрополита к делу привлечены были: большинство членов правления общества православных приходов, настоятели некоторых церквей, члены разных причтов и, просто, люди, попавшиеся во время уличных беспорядков при изъятии ценностей, — всего 86 человек, большинство которых было посажено под стражу.

Этот монстр-процесс возбудил огромное волнение в городе. Много сотен лиц — семьи обвиняемых, их друзья — стали судорожно метаться по всему городу, хлопочая об освобождении заключенных и спеша запастись защитниками.

Надлежало в первую очередь, разрешить крайне важный вопрос о защите самого Митрополита. Существовавшая тогда еще легальная организация Красного Креста (имевшая целью помочь политическим заключенным) и разные другие общественные кружки и организации, считали желательным, чтобы защиту Митрополита взял на себя бывший прис. поверенный Я. С. Гурович, который с момента прихода большевиков к власти, оставил адвокатуру и никогда в советских судах не выступал.

Было ясно, тем не менее, что такое отношение Гуровича к советской юстиции не могло быть применено к данному делу, в виду его крупного исторического значения для русской церкви и страны.

Так смотрел на этот вопрос и сам Гурович, просивший, однако, обсудить другое тактическое препятствие, вытекавшее из его еврейского происхождения. Защита Митрополита, несомненно, весьма тяжелая и ответственная задача. В таком деле, и при такой обстановке, возможны, со стороны защиты, промахи и неудачи, от которых никто не застрахован. Но, если они постигнут чисто русского человека, никто его в них не упрекнет, тогда как еврей защитник, при всей его добросовестности, может сделаться мишенью для нападок со стороны групп и лиц,

антисемитически настроенных.

Все эти переговоры и сомнения были разрешены неожиданно быстро тем, что сам Митрополит обратился из своего {37} заточения к Гуровичу с просьбой взять в свои руки его защиту, не колеблясь и не сомневаясь, ибо он, владыка, ему безусловно доверяет. Все вопросы были исчерпаны этим заявлением, и Гурович немедленно принял на себя защиту.

Дело началось в субботу 10 июня 1922 года. Заседания петроградского революционного трибунала происходили в зале филармонии (бывшем Дворянском Собрании), на углу Михайловской и Итальянской улиц.

В этот день, с раннего утра, густая толпа народа запрудила Михайловскую и Итальянскую улицы, а также прилегавшую к последней часть Невского проспекта. Несколько десятков тысяч человек стояли здесь в течение ряда часов в ожидании доставления подсудимых, в особенности же Митрополита, в трибунал. Стояли недвижимо, в благоговейной тишине. Милиция не решалась разогнать это странное молчаливое сорзище: слишком уже оно импонировало. Наконец показалась карета, в которой везли Митрополита под escortом конных стражников. Толпа загудела, почти все опустились на колени и запели: «Спаси, Господи, люди твоя». Митрополит благословлял народ из окна кареты и почти у всех на глазах были слезы.

VI.

Прежде чем приступить к краткому изложению самого процесса, мы считаем не лишним охарактеризовать главных действующих лиц в нем.

Характеристика Митрополита нами уже дана. Каким он был на митрополичьей кафедре, таким сел и на роковую скамью большевистского суда, — простой, спокойный, благостный. Само собой понятно, что он был центром всего громадного процесса. На нем сосредотачивалось все внимание и врагов, и обожавшей его верующей массы, заполнившей, поскольку ее допускали, зал заседания, и прочей публики, не верующей или инаковерующей, но относившейся, в общем, в течение всего процесса, к Митрополиту с исключительным сочувствием, как к явной и заранее обреченней жертве большевиков (из этого числа мы исключаем тех «посетителей» — красноармейцев, представителей завкомов и коммунистических ячеек — которые направлялись предусмотрительно властью в большом количестве «по нарядам» в трибунал для того, чтобы создать соответствующее видам власти настроение).

Другая замечательная личность в процессе, вслед за Митрополитом, обращавшая на себя значительное внимание, это архимандрит Сергий (в Мире бывший член Государственной Думы {38} В. П. Шеинь). Большое сходство и, в то же время, яркий контраст с Митрополитом. Сходство — в глубокой вере и готовности за нее пострадать и разница — в характерах и в темпераментах.

Митрополит не боялся смерти, он и не искал ее: он спокойно шел на встречу ожидающей его части, отдавшись на волю Божию. О. Сергий, как бы, желал «пострадать за веру». Отсюда его пламенные, вдохновенный речи на суде, отличавшиеся от спокойных и сжатых объяснений и ответов Владыки на суде. Старый политический боец чувствовался еще в отце Сергии.

Нечто, бесконечно возвышавшееся над политикой, проницало всю личность Митрополита. Мученик первых веков христианства, в мучениях радостно торжествующие над изумленными палачами и — благостный, спокойный, живущий вдали от Мира, весь в созерцании и молитве, святой отшельник той же эпохи — воплощением таких двух образов седой старины казались отец Сергий и Митрополит.

Председатель Правления О-ва объединенных петроградских православных приходов, профессор Петроградского Университета Ю. Л. Новицкий — спокойный, ясный и твердый в своих объяснениях и бывш. присяж. повр. И. М. Ковшаров, заранее покорившийся своей участи, смело глядевший в лицо своим «судьям» и не склонившийся на полные горького сарказма выпады — таковы остальные две жертвы из тех четырех, которые были обречены на смерть ради вящего торжества советской власти и укрепления нарождавшейся «Живой церкви» ...

Кроме Митрополита, были привлечены к делу: епископ Венедикт, настоятели почти всех главных петроградских соборов, профессора Духовной Академии, Богословского института и университета, студенты и т. д. Остальная (большая) часть подсудимых состояла из людей «разного чина и звания», более или менее случайно захваченных неводом милиции при уличных беспорядках во время изъятия. Тут были женщины, старики и подростки и был какой-то карлик с пронзительным голосом, вносивший комическую ноту в тяжелые переживания процесса; была фельдшерица, обвинявшаяся в «контрреволюционной» истерике, в которую она впала, находясь в церкви во время нашествия советской комиссии, был даже какой-то перс, чистильщик сапог, магометанин, не понимавший, как оказалось, по-русски, — все же привлеченный за «сопротивление изъятию церковных ценностей», — и т. д. ... Словом, эта часть подсудимых представляла собой обычновенный, весьма случайный по составу, осколок пестрой уличной толпы ... Очевидно было, что никто и {39} не думал делать сколько-нибудь тщательный отбор подсудимых. Некогда было ...

Зал заседания огромен; он вмещает, считая с хорами, около 2500-3000 человек. И, тем не менее, во время процесса, он всегда был переполнен. Можно сказать, что за несколько недель разбора дела, значительная часть петроградского населения прошла через этот зал. Ничто не останавливало притока публики: ни утомительная подчас монотонность судебного следствия, ни облава, устроенная на второй же день процесса перед зданием филармонии и захватившая несколько сот человек (из публики, ожидавшей открытия заседания), которые оставались арестованными вплоть до самого окончания дела, — ни, наконец, риски и опасности, ожидавшие публику в самом зале.

Здесь неоднократно производились аресты — лиц, якобы, манифестирующих в пользу подсудимых (демонстранты в пользу обвинения встречались, понятно, очень благосклонно). Хозяевами в зале были, собственно, «командированные» посетители. Их всегда было очень много. Остальная публика сидела, обыкновенно, молча, приглушенная, только тоскливыми лицами, да не всегда сдерживаемыми слезами, выдавая свое глубокое затаенное волнение.

«Ведите подсудимых», — распорядился председатель.

Среди мертвой тишины из самого отдаленного угла зала показалась процесия. Впереди шел Митрополит, в своем облачении, с посохом в руке. За ним — епископ Венедикт. Далее — прочие духовные лица, а за ними остальные подсудимые.

Публика, завидев Митрополита, встала. Митрополит благословил присутствовавших и сел.

Начался бесконечно утомительный формальный опрос подсудимых (имена, фамилии, возраст, судимость и т. д.), занявший весь день.

К чтению обвинительного акта было приступлено лишь в понедельник, 12 июня.

Каким образом большевики создали обвинение против Митрополита и др. обвиняемых. Очень просто. В их распоряжении были десятки отдельных производств, возникших по поводу отдельных же эпизодов, имевших место при изъятии ценностей в разных петроградских церквях и в различное время. По возникновении надобности в создании данного дела — все эти производства «сшили» в единое целое (в переплетном смысле), и все события, в них изложенные, были объявлены результатом злонамеренного подстрекательства со стороны «преступного общества», состоявшего из Митрополита и др. лиц, — {40} главным образом, членов Правления О-ва петроградских православных приходов.

Обвинительной формулой Митрополиту вменялось в вину то, а) что он вступил в сношения и переговоры с сов. властью в Петрограде, имевшее целью добиться аннулирования или смягчения декретов об изъятии церковных ценностей, б) что он и его сообщники находились при этом в сговоре со всемирной буржуазией и в) что, как средство для возбуждения верующих против сов. власти, те же обвиняемые избрали... распространение среди населения копий заявлений (указанных выше), Митрополита в Комиссию Помгола.

Эта формулировка сама за себя говорит. Достаточно обратить внимание на то, что объявляется преступным факт вступления в переговоры с сов. властью, — переговоры, к тому же возникшие по ее же инициативе и закончившиеся соглашением.

По оглашении обв. акта трибунал перешел к допросу подсудимых по существу предъявленного к ним обвинения.

Первым был подвергнут допросу Митрополит.

В течении ряда часов (12 и 13 июня) обвинители и судьи осыпали его вопросами, на которые он, абсолютно не волнуясь и ни на миг не теряясь, давал своим ясным, спокойным голосом короткое, категорически, исчерпывающее и не допускающие разнотолкования ответы.

Допрос Митрополита велся, главным образом, в трех направлениях: а) в отношении Митрополита к постановлениям Карловацкого Собора (об этих постановлениях, вообще, говорилось в процессе очень много, — едва ли не больше, чем о самом изъятии б) об отношении Митрополита к декретам об изъятии церковных ценностей и в) об упомянутых выше двух заявлениях Митрополита в Помголе.

По первому вопросу Митрополит ответил, что постановления Карловацкого Собора ему неизвестны, — ни официально, ни приватно.

По второму вопросу Митрополит заявил, что он считал и считает необходимым отдать все церковные ценности для спасения голодающих. Но он не мог и не может благословить такой способ изъятия ценностей, который, с точки зрения всякого христианина, является очевидным кощунством.

Но центр тяжести — в отношении личной ответственности Митрополита — заключался в 3-м вопросе. От него домогались неустанно указаний — путем разнообразнейших и коварнейших вопросов

— кто, в действительности, был вдохновителем или редактором заявлений, поданных в Помгол. Ему весьма {41} прозрачно внушалось, что назови он «редакторов» или даже отрекись только от содержания своих заявлений, — и он будет спасен.

Мы склонны думать, что эти соблазнительные внушения были в известной степени, искренними.

Большевики отнюдь не стремились во что бы то ни стало убить Митрополита. Они даже наверно предпочли бы уничтожить его морально. Митрополит, расстрелянный за стойкость своих убеждений, — это имело бы свои «неудобства». Наоборот, Митрополит, раскаявшийся, приведенный к повиновению, униженный, морально развенчанный и «милостиво» пощаженный — такой результат был бы гораздо заманчивее и для сов. власти, и, тем паче, для стоявшей за ее спину в этом деле «живой церковью».

Это было настолько очевидно, что и участники процесса, и даже публика как-то особенно настораживались каждый раз, когда Митрополиту предлагались вопросы по этому предмету. Что сов. власть ведет здесь «игру» на жизнь или смерть, — это сквозило и в тоне, и в редакции вопросов. Но, увы, в этой игре у сов. власти не оказалось партнера. Митрополит, как бы не замечал протягиваемых ему «спасательных кругов» и, глядя прямо в лицо трибуналу, твердо и неизменно отвечал: «я один, совершенно самостоятельно, обдумал, написал и отправил свои заявления. Да, впрочем, я и не потерпел бы ничего вмешательства в решение таких вопросов, которые подлежали, исключительно, моему ведению, как архипастыря». При этих ответах в голосе Митрополита замечался даже некоторый оттенок властности, — вообще, ему совершенно не свойственный.

После этого — для него лично все было кончено. Предстоявшая ему участь окончательно определилась. Всем присутствующим было ясно величие души этого человека, который своей монашеской рясой, своим собственным телом закрыл от большевиков своих товарищей по несчастью.

Митрополиту было объявлено, что допрос его окончен. С тем же невозмутимым спокойствием, со светлой улыбкой на устах, Митрополит, среди вздохов и сдержанных рыданий в публике, — возвратился на свое место.

Нужно отметить, что один лишь обвинитель Смирнов пробовал (в начале допроса) держаться свойственного ему издевательского тона в отношении Митрополита.

Со стороны защитника Гуровича не замедлил, однако, последовать резкий протест по этому поводу. Защитник заявил и Смирнову, и трибуналу, что каковы бы ни были их личные верования и убеждения, никто не имеет права так третировать человека, к которому питает благоговейное уважение все население {42} Петрограда. «Мы знаем, что вы можете расстрелять Митрополита, — сказал защитник, — но вы не можете ни оскорблять Митрополита, ни допускать этих оскорблений, и всякий раз, как это случится, защита будет неустанно протестовать».

Протест защиты был поддержан aplодисментами публики. Председатель трибунала грубо оборвал публику, но, очевидно, какие-то закулисные меры внушения были кем-то, власть имеющим, приняты в отношении Смирнова. По крайней мере последний, в дальнейшем допросе Владыки, держал уже себя — со стороны формы — сравнительно прилично.

Неизгладимое впечатление оставил также допрос архим. Сергия.

Звучным, решительным голосом отвечал он на сыпавшиеся на него, как из рога изобилия, вопросы. Он не позволял «допросчикам» злоупотреблять своим положением. Система допроса в сов. суд заключается, между прочим, в том, — чтобы по одному и тому же предмету предлагать бесконечно повторявшиеся вопросы, слегка варьируя форму их. Грубый прием, рассчитанный на то, чтобы легче «сбить» допрашиваемого, О. Сергий неумолимо пресекал эти попытки, заявляя резко и определенно: «я уже на этот вопрос ответил и повторять свои ответы не желаю». Он не допускал со стороны трибунала и обвинителей обычного издевательского тона в отношении допрашиваемого. Так, Смирнов, поставив сначала о. Сергию ряд вопросов о его происхождении, воспитании и прошлой деятельности, — обратился к нему напоследок с вопросом: «Как же Вы оказались в монахах, по убеждению?». О. Сергий выпрямился во весь свой высокий рост, оглядел Смирнова с ног до головы уничтожающим взглядом и бросил ему в ответ: «Послушайте, Вы по-видимому, не понимаете оскорбительности Вашего вопроса. Я Вам отвечать не буду».

Архимандрит Сергий был привлечен к делу в качестве одного из товарищей председателя злополучного общества петроградских православных приходов. Он отрицал (и это вполне соответствовало действительности) утверждение, будто бы, Правление занималось политикой: лично же себя объявлял совершенно солидарным с Митрополитом.

Председатель того же правления, проф. Ю. П. Новицкий, в своих объяснениях подробно охарактеризовал деятельность правления, доказав рядом неопровергимых данных, что деятельность эта вращалась, исключительно, в круге вопросов церковноприходского быта.

Бывший юрисконсульт Лавры, И. М. Ковшаров, с первой же минуты процесса, ясно предвидевший его неизбежный финал, {43} — давал на поставленные ему вопросы хладнокровные, меткие по смыслу и часто едкие по форме ответы.

Не будем подробно говорить о поведении остальных подсудимых (надо думать и поныне здравствующих в сов. России) во время их допроса. Достаточно сказать, что духовенство и, вообще, интеллигентская часть подсудимых, в общем, держали себя спокойно, без того панического заискивания, которое часто наблюдается со стороны обвиняемых в сов. трибуналах. Случаев оговоров или инсинуаций по адресу других лиц с целью смягчить свою собственную ответственность не было. Многие держали себя с большим достоинством; некоторые — героически, открыто исповедуя свою солидарность с точкой зрения Митрополита.

VII.

Допрос подсудимых, продолжавшийся без малого 2 недели наконец окончен.

Трибунал переходит к допросу свидетелей.

Главнейший и интереснейший из них, Введенский, — волей судеб не мог быть допрошен. На второй же день процесса, при выходе из зала заседания на улицу, какая-то пожилая женщина швырнула в Введенского камнем, чем причинила ему поранение головы. Была ли эта рана, действительно, серьезной, или же Введенский использовал этот случай, чтобы уклониться от дачи в трибунале свидетельского показания —

решить трудно. Во всяком случае, Введенский, «по болезни», больше в трибунал не являлся. Обвинение заменило его другим, «равноценным», свидетелем, Красницким.

Первым допрашивался член Помгола, он же «ректор университета, имени Зиновьева», Канатчиков. Этот «ученый» в опровержение всего, что было признано даже в обвинительном акте, — заявил совершенно неожиданно, что Помгол никогда ни на какие переговоры и компромиссы не шел, и что предложения Митрополита формулированные в его заявлениях, были с самого начала отвергнуты. Когда же защитник Гурович предъявил ему его собственное предшествующее показание (прямо обратное, по содержанию, тому, что свидетель только что заявил), — Канатчиков, не смущаясь, объяснил, что у него «странны устроенная память: он, свидетель, человек — схематических построений; отдельных же фактов он никогда не помнит». Это оригинальное заявление, по требованию защитника, вносится целиком в протокол заседания.

Затем, в зал был введен свидетель Красницкий.

{44} Высокий, худой, лысый, с бледным лицом, с тонкими бескровными губами, еще не старый человек (лет 40-45), в священнической рясе, — решительными шагами, с вызывающим видом подошел к своему месту и начал свое «показание». И с каждым словом, с каждым звуком этого мерного, спокойного, резко-металлического голоса, над головами подсудимых все более стущалась смертная тьма. Роль свидетеля была ясна. Это был очевидный «судебный убийца», имевший своей задачей заполнить злостными инсинуациями и заведомо ложными обобщениями ту пустоту, которая зияла в деле на месте доказательств. И надо сказать, что эту свою роль свидетель выполнил чрезвычайно старательно. Слова, исходившие из его змеевидных уст, были настоящей петлей, которую этот человек в рясе и с наперсным крестом, поочередно набрасывал на шею каждого из подсудимых. Ложь, сплетня, безответственные, но ядовитые характеристики обвинения в контрреволюционных замыслах — все это былопущено в ход столпом «живой церкви».

Фигуры членов трибунала и самых обвинителей померкли на время перед Красницким. Так даже их превосходил он в своем стремлении погубить подсудимых. Какое-то перевоплощение иуды ... Как-то жутко и душно становилось в зале ... Все — до трибунала и обвинителей включительно — опустили головы ... Всем было не по себе.

Наконец, эта своего рода пытка окончилась. Красницкий сказал все, что считал нужным. Ни трибунал, ни обвинители — редкий случай — не поставили ему ни одного вопроса. Всем хотелось поскорее избавиться от присутствия этой кошмарной фигуры, — свободнее вздохнуть.

Но раздался голос защитника Гуровича. «Я желаю предложить несколько вопросов свидетелю Красницкому». Вооружившись кипой газет, оказавшихся «Епархиальными Ведомостями» за 1917 и 1918 годы, — защитник спросил Красницкого, он ли является автором многих статей, напечатанных тогда в «Епархиальных Ведомостях» за подписью Красницкого и призывающих к возмущению против большевиков, чуть ли не к истреблению их.

Красницкий признал себя автором этих статей и собирался уже дать какие-то объяснения по поводу своей политической «метаморфозы», но был прерван председателем, нашедшим (немного поздно), что «все это не имеет отношения к делу».

Тем не менее, защите удавалось еще раз осветить, с той же стороны, личность Красницкого. Воспользовавшись тем, что он очень много распространялся о «контрреволюционной кадетской **{45}** партии», обвиняя чуть ли не все Петроградское духовенство в «кадетизме», — защита предложила свидетелю вопрос, в чем же, по его мнению, сущность политической программы кадетов.

«Ведь вы разбираетесь в политических программах. Вы сами, ведь, принадлежали к одной партии. Вы, кажется, состояли членом Русского Собрания. — Да. — Не вы ли в декабре 1913 года читали в этом собрании доклад «об употреблении евреями христианской крови» — Да, успел еще ответить растерявшийся Красницкий. Председатель вновь поспешил прийти к нему на помощь запретом продолжать допрос в этом направлении.

Но дело было уже сделано. Фигура политического ренегата и предателя была дорисована окончательно. Я. С. Гурович требует внесения всей этой части допроса в протокол. В публике — волнение и негодующее взгляды. Красницкий, бравируя, с усмешкой на бескровных устах, уходит.

(О Красницком также:
<http://drevy.org.ru/Texts/Nezhny/06.htm> и другие тексты в форме исторического романа — исследования, ldn-knigi)

Больше он в зале не появлялся.

Следующим был допрошен священник Боярский, один из подписавших указанное выше заявление в «Правде» от 24 марта и впоследствии (после процесса) присоединившийся к «Живой церкви».

Этот свидетель обманул ожидания обвинителей и трибунала. От него видимо ожидали показаний в роде данных Красницким, — но, вместо этого, он, представил трибуналу горячую апологию Митрополита, произшедшую тем большее впечатление, что свидетель — опытный оратор и популярный проповедник. Трибунал и обвинители, не ожидавшие такого «сюрприза», не стеснялись проявлять в разных формах свое недовольство свидетелем, при постановке ему дополнительных вопросов, — но Боярский стойко держался на своей позиции.

Это недовольство перешло в нескрываемую ярость, когда следующий свидетель, проф. технологического института, Егоров, еще более усилил впечатление, произведенное предшествующим свидетелем, — выяснив во всех подробностях историю переговоров Митрополита с Помголом (Егоров был одним из представителей Митрополита) и в конец разрушил своим правдивым рассказом все выводы по сему предмету обвинительного акта.

Ожесточение обвинителей и трибунала было так велико, что председатель, резко оборвав свидетеля до окончания его показания, объявил совершенно неожиданно перерыв на несколько минут.

Люди, искущенные в таинствах советской юстиции, предрекли, что такой перерыв «не к добру» и что «что-то готовится».

{46} Предсказания эти оправдались. Трибунал, минут через 10, возвратился и предоставил слово обвинителю Смирнову, который заявил, что, так как из показания Егорова с ясностью вытекает, что он — единомышленник и «пособник» Митрополита, то Смирнов предъявляет к свидетелю соответствующее обвинение, ходатайствуя о «приобщении» Егорова к числу подсудимых по данному делу и о немедленном заключении его под стражу.

Хотя все и ожидали «чего-то», но, все-таки, случившееся превзошло

ожидания. В публике изумление и знаки негодования.

Я. С. Гурович просит слова и, превратившись в защитника Егорова, произносить речь, смысл которой сводится к тому, что, в данном случае, налицо несомненная попытка со стороны обвинения терроризировать неугодных ему свидетелей, что во всем том, что сказал Егоров, нет никаких данных, которые могли бы быть обращены против него (да и сам обвинитель не указывает этих данных настолько, по-видимому, он заранее уверен в успехе своего требования), и что согласие трибунала с предложением обвинителя будет, по существу, равносильно уничтожению элементарнейшего права подсудимых защищаться свидетельскими показаниями.

Трибунал удалился «на совещание» и, возвратившись через несколько минут, провозгласил резолюцию об удовлетворении предложения обвинителя, с тем, что о Егорове должно быть возбуждено особое дело. Егоров тут же был арестован.

Таково положение свидетеля в советской юстиции.

Легко себе представить, что пережили и перечувствовали, узнав об этом инциденте, остальные свидетели той же группы, в особенности, вызванные по почину защиты. К счастью для них, Трибунал «усек» список свидетелей, освободив этих лиц от допроса. Вместо них, потянулись нескончаемой вереницей, на ряд дней — милиционеры, агенты ЧЕКИ и т. п., свидетельствовавшие об обстоятельствах, при которых тот или иной подсудимый (главным образом, из числа уличных бунтарей) были задержаны.

VIII.

Обыкновенно, в сложных многодневных процессах, по окончании судебного следствия объявляется перерыв на день-два, чтобы дать сторонам возможность ориентироваться перед прениями в собранном ими материале и «собраться с мыслями». В данном случае, перерыв был, тем более, необходимым, что защита знакомилась впервые с делом лишь в заседаниях **{47}** трибунала. Изучить заранее материалы следствия, представляющие ряд увесистых томов, не было ни возможности, ни времени. Окончание предварительного следствия, предание суду и назначение дела к разбору следовали с такой молниеносной быстротой, что защитники фактически были лишены всяких способов к заблаговременному ознакомлению с делом.

Но само собой разумеется, все это «буржуазные предрассудки». Трибунал, не смотря на протесты защиты, объявил, что через два часа будет приступлено к прениям.

Слово представляется обвинителем.

Вся суть поединка между обвинением и защитой заключалась в вопросе, можно ли, в настоящем случае, говорить о наличии «контрреволюционного сообщества». При удовлетворительном ответе на этот вопрос смертный приговор для главнейших подсудимых неминуем (62 ст. советского угл. кодекса); при отрицательном — кары свелись бы к долгосрочному тюремному заключению: говоря это мы имеем в виду спор, так сказать, академический по существу, приговор, как водится, давно уже был предрешен, что было всем прекрасно известно.

«Вы спрашиваете, где мы усматриваем преступную организацию», воскликнул Красиков: «да ведь она перед вами. Эта организация — сама Православная Церковь, с ее строго установленной иерархией, ее принципом подчинения низших духовных лиц высшим и с ее

некрываемыми контрреволюционными пополнениями».

В течение почти 3 часов Смирнов (*по специальности булочник – прим. LDN*) с яростью, почти истерически, выкрикивал какие-то отдельные слова, обрывки предложений, безграмотные, ничем не связанные. Единственное, что можно было понять, — это то, что он требует «16 голов». Когда он впервые выкрикнул это требование, зал огласился аплодисментами. Аплодировала, конечно, «командированная» публика, подкрепленная на сей случай несколькими сотнями красноармейцев, которые явились на это время со своим командным составом и заняли хоры.

Жалко было несчастных стенографисток, вынужденных записывать эту «кровавую белиберду».

После речи последнего обвинителя, начались речи защитников. Первым из защитников говорил профессор А. А. Жижленко, представивший в своей речи подробный анализ понятия о «преступном сообществе» и доказавший, что этот квалифицирующий признак совершенно отсутствует в настоящем деле.

Затем, слово перешло к защитнику Митрополита, Я. С. Гуровичу. {48} В начале своей речи Гурович указал, что обвинение пытается переместить центр тяжести настоящего дела в область всяких исторических, политических и иных экскурсов, не имеющих ничего общего с процессом. Эти выпады — безличные, безответственные — замаскировывают абсолютную пустоту обвинения в отношении конкретной ответственности лиц, посаженных на скамью подсудимых. Если защитник останавливается вкратце на этих «экскурсах», то только потому, что даже в них допущено столько вопиющих противоречий исторической истины, столько явных выдумок, что их нельзя не отметить.

Зашитник представил затем краткий анализ приведенных обвинителями «историко-политических справок» о прошлой роли и значении русского православного духовенства и показал, что все они отличаются, частью и в лучшем случае, тенденциозными преувеличениями, а в остальном явным искажением истины.

Как яркий пример бесцеремонного обращения обвинителей с историей (и, притом, недавнего времени), — Гурович указал ссылку обвинения на Бейлисовский процесс, в создании которого Красиков решился обвинить ... русское православное духовенство.

Более вопиющее измышление трудно себе даже представить. Всем известно, что русское духовенство не только не принимало участия в создании злополучного дела Бейлиса, — но, наоборот, лучшие и ученейшие его представители боролись против кровавого навета на евреев. Тогдашняя юстиция долго металась в безнадежных поисках «благоприятного» эксперта в среде православного духовенства. Никто из них на эту роль не шел. Пришло удовлетвориться пресловутым католическим ксендзом Пранайтисом, откопанным где-то в глубине Сибири и не поддержаным своими же единоверцами.

(см. Морис Самюэл «Кровавый Навет - Странная история дела Бейлиса»
ldn-knigi.narod.ru в разделе JUDAICA)

Мало того, православное духовенство открыто боролось с антисемитской демагогией в деле Бейлиса. Из той самой Петроградской духовной академии, питомцы и профессора которой ныне сидят на скамье подсудимых, явился на Киевский процесс один из виднейших ученых,

профессор Троицкий. Он понес долгий, бескорыстный и самоответственный труд по разоблачению той многовековой, кровавой легенды, на которой был построен процесс Бейлиса. Благодаря, в значительной степени, его мужественной борьбе за истину, Россия не была опозорена обв. приговором по делу Бейлиса. И после всего этого, обвинение позволяет себе укорять русское православное духовенство в создании Бейлисовского процесса.

{49} — «Я счастлив», сказал защитник, «что в этот исторически глубоко скорбный для русского духовенства момент я, еврей, могу засвидетельствовать перед всем миром то чувство искренней благодарности, которую питает — я уверен в этом — весь еврейский народ к русскому православному духовенству за проявленное им в свое время отношение к делу Бейлиса».

Среди обвиняемых сильное волнение. Привлеченные к делу профессора дух. академии и многие из обвиняемых духовных лиц не могут сдержать слезы.

После некоторого перерыва защитник продолжал свою речь.

Он объявил, что отныне защита строго замкнется в рамки дела, дабы не дать возможности обвинению искусственными приемами прикрыть полную фактическую необоснованность данного процесса

Охарактеризовав самую «технику» создания настоящего дела посредством чисто механического соединения отдельных производств и протоколов, ни по содержанию, ни по времени событий, не имеющих ничего общего, Гурович восстановил со всеми подробностями историю возникновения дела.

Он обрисовал все прошлое Митрополита, указав на те черты его характера и деятельности, которые уже известны читателям. «Одна из местных газет, — сказал он, между прочим, — выразилась о Митрополите (по-видимому, желая его уязвить), что он производит впечатление «обыкновенного сельского попика». В этих словах есть правда. Митрополит совсем не великолепный «князь церкви», каким его усиленно желает изобразить обвинение.

Он смиренный, простой, кроткий пастырь верующих душ, но, в этой его простоте и смиренности — его огромная моральная сила, его неотразимое обаяние. Пред нравственной красотой, этой ясной души, не могут не преклониться даже его враги. Допрос его трибуналом у всех в памяти. Ни для кого не секрет, что в сущности, в тяжелые часы этого допроса, дальнейшая участь Митрополита зависела от него самого. Стоило ему чуть-чуть поддаться соблазну, признать хоть немногое из того, что так жаждало установить обвинение, и Митрополит был бы спасен. Он не пошел на это. Спокойно, без вызова, без рисковки он отказался от такого спасения. Многие ли из здесь присутствующих — я говорю, конечно, и о людях на него нападающих — способны на такой подвиг. Вы можете уничтожить Митрополита, но не в ваших силах отказать ему в мужестве и высоком благородстве мысли и поступков».

{50} Далее, Гурович очертил деятельность петроградского О-ва православных приходов, положение местного духовенства, настроение верующих масс ... Особенно подробно остановился защитник на главарях «живой церкви», в которых он усматривал истинных виновников и творцов настоящего дела. Он предсказывал, что советская власть рано или поздно разочаруется в этих — ныне пользующихся усиленным фавором — людях. Создаваемая ими «секта» не будет иметь успеха — это можно сказать наверно.

Слабость ее не только в отсутствии каких либо корней в верующем населении и не в неприемлемости тех или иных ее тезисов. В истории бывали примеры, что и безумные, в сущности, идеи и секты имели успех, иногда даже продолжительный. Но для этого необходимо одно условие. «Секта всегда представляет в начале своего возникновения, оппозицию, меньшинство, и притом, гонимое большинством. Героическое сопротивление большинству, власти, насилию, часто увлекает массы на сторону сектантов, «бунтарей». В настоящем случае, далеко не то.

За «живую церковь» стоит, очевидно для всех, гражданская, советская власть со всеми имеющимися в ее распоряжении скорпионами и принудительными аппаратами. Принуждение не создает и не уничтожает убеждений. «Церковная революция», произшедшая с разрешения и при благоволении атеистического «начальства», искренних христиан, даже из фронтирующих, привлечь не может. Народ может еще поверить богатому и властному Савлу, после того как он, превратившись в Павла, по своей охоте, променяет свое богатство и положение на рубище нищего, на тюрьму и муки гонения. Обратные превращения не только не создают популярности, но заклеймляются соответствующим образом. Люди, ушедшие из стана погибающих в лагерь ликующих, да еще готовящее узы и смерть своим недавним братьям, — кто пойдет за ними из истинно верующих.

Нет, не сбудутся ожидания, возлагаемые сов. властью на нового «союзника».

Обращаясь к самой постановке обвинения, защитник находил, что таковая не заслуживает серьезной критики. Формулировка обвинения была бы прямо анекдотичной, если бы за ней не вырисовывались трагические перспективы. Митрополиту вменяют в вину факт ведения им переговоров с сов. властью, на предмет «отмены или смягчения декретов об изъятии церковных ценностей». Но, если это — преступление, то подумали ли обвинители, какую они роль должны отнести при этом петроградскому совету, по почину которого эти переговоры начались, по желанию которого продолжались и к удовольствию коего закончились.

{51} Как обстоит дело в отношении доказательств. Было бы разумеется совершенно нелепо говорить о доказательствах той сплошной фантастики, которой переполнены и обв. акт, и речи обвинителей, по поводу «всемирного заговора» с участием в нем Митрополита и др. подсудимых. Впрочем, не больше доказательств и в другой, стремящейся быть конкретной, части обвинения, — относящейся к возбуждению, будто бы, Митрополитом верующего населения против сов. власти.

В чем усматриваются доказательства этого деяния. Единственно в том, что, будто, Митрополит через близких ему лиц, распространял в народе переписанные на пишущей машинке копии своих заявлений в Помгол.

Зашита отрицает самый факт подобного распространения. Нет надобности говорить о том, что ни по форме, ни по содержанию, означенные заявления совершенно не соответствуют понятию о воззваниях духовного пастыря к пастве. Но, независимо от этого, против этого обвинения — неумолимая действительность и логика событий. Защита представила ряд номеров сов. газет, из которых видно, что еще до изъятия, а также и во время такового, заявления Митрополита в Помгол неоднократно оглашались сов. печатью. Следовательно, сама же сов. печать способствовала тому, что десятки тысяч экземпляров заявлений Митрополита проникли в народные массы.

Какое же значение и цель — сравнительно с таким массовым распространением — могли иметь несколько десятков копий, сделанных на пишущей машинке (самое большое 100-150 копий, по предположению обвинения). При данных обстоятельствах предъявлять к Митрополиту подобное обвинения — не равносильно ли обвинению кого-либо в том, что он, желая способствовать распространению огня, уже охватившего со всех сторон огромное здание, бросил в пламя... горящую спичку, или, с преступной целью усилить наводнение, приблизился к несущимся на встречу бурным волнам и ... выплеснул в них стакан воды.

Все такие «данные», представленные обвинителями, свидетельствуют, в сущности, лишь об одном: что обвинение, как таковое, не имеет под собой никакой почвы. Это ясно для всех. Но весь ужас положения заключается в том, что этому сознанию далеко не соответствует уверенность в оправдании, как должно было бы быть. Наоборот: все более и более нарастает неодолимое предчувствие, что, несмотря на фактически крах обвинения, некоторые подсудимые, и в том числе Митрополит, — погибнут. Во мраке, окутывающем закулисную сторону дела, явственно виднеется разверстая пропасть, к которой «кем то» {52} неумолимо подталкиваются подсудимые... Это видение мрачно и властно царит над внешними судебными формами происходящего процесса, и никого эти формы обмануть не могут.

В заключение Я. С. Гурович сказал, приблизительно, следующее:
Чем кончится это дело. Что скажет когда-нибудь о нем
беспристрастная история.

«История скажет, что весной 1922 г. в Петрограде было проведено изъятие церковных ценностей, что, согласно донесениям ответственных представителей советской администрации, оно прошло, в общем «блестяще» и без сколько-нибудь серьезных столкновений с верующими массами.

«Что скажет далее историк, установив этот неоспоримый факт. Скажет ли он, что не смотря на это и к негодованию всего цивилизованного мира, сов. власть нашла необходимым расстрелять Вениамина, Митрополита петроградского, и некоторых других лиц. — Это зависит от вашего приговора».

«Вы скажете мне, что для вас безразличны и мнения современников и вердикт истории. Сказать это не трудно, — но создать в себе действительно равнодушие в этом отношении невозможно. И я хочу уповать на эту невозможность.

«Я не прошу и не «умоляю» вас ни о чем. Я знаю, что всякие просьбы, мольбы, слезы не имеют для вас значения, — знаю, что для вас в этом процессе на первом плане вопрос политический, и что принцип беспристрастия объявлен неприменимым к вашим приговорам. Выгода, или невыгода для советской власти — вот какая альтернатива должна определять ваши приговоры. Если ради вящего торжества советской власти нужно «устранить» подсудимого, — он погиб, даже независимо от объективной оценки предъявленного к нему обвинения. Да, я знаю, таков лозунг. Но, решитесь ли вы его провести в жизнь в этом огромном по значению деле. Решитесь ли вы признать этим самым пред лицом всего мира, что этот «судебный процесс» является лишь каким-то кошмарным лицедейством. Мы увидим» ...

«Вы должны стремиться соблюсти в этом процессе выгоду для сов. власти. Во всяком случае, смотрите, не ошибитесь...

Если Митрополит погибнет за свою вру, за свою безграничную преданность верующим массам, — он станет опаснее для советской власти, чем теперь ... Непреложный закон исторический предостерегает вас, что на крови мучеников растет, крепнет и, возвеличивается вера» ...

{53} «Остановитесь над этим, подумайте, и ... не творите мучеников ...»

Само собой разумеется, что нами приведен лишь весьма краткий (по необходимости) очерк речи защитника.

В связи с речью Я. С. Гуровича нужно отметить одно обстоятельство, весьма показательное для характеристики настроения, вызванного процессом в среде не только верующих, но и коммунистов, — сравнительно низших рангов, разумеется.

В виду аплодисментов, сопровождавших кровавые «рефрены» Смирнова — защита опасалась контрманифестации, со стороны настоящей, «вольной» публики ... Поэтому, еще до своих речей, защитники «агитировали» среди публики, прося ее воздержаться от всяких внешних проявлений своих чувств, в интересах как подсудимых, так и самой публики, могущей подвергнуться всяким репрессиям.

Я. С. Гурович счел даже необходимым в своей речи предупредить еще раз публику о том же, указав, между прочим, в своем выступлении, что он просит и надеется на то, что все — и враги, и друзья — его выслушают со вниманием и, главное, в должном спокойствии. «Не забывайте», прибавил он: «что я говорю от лица человека, который, может быть, обречен на смерть; а слова умирающего должны быть выслушиваемы в благоговейной тишине».

Но столь долго и насилино сдерживаемое настроение публики, все таки прорвалось, и этот момент совпал с окончанием речи Я. С. Гуровича, которая была покрыта долго не смолкавшими аплодисментами. Трибунал заволновался, хотел было «принять меры», но оказалось, что в аплодисментах приняли живейшее участие ... многочисленные коммунисты, занявшие часть зала. Столь неожиданный состав аплодировавших объясняется тем, что рядовые, «массовые», коммунисты глубоко не сочувствовали созданию данного процесса и, как выяснилось впоследствии, довольно откровенно выражали свое возмущение по этому поводу.

Не лишено также интереса отношение трибунала к речи защитника. Следует признать, что во время речи трибунал держал себя внешне корректно. Я. С. Гурович не был ни разу прерван (в общем, его объяснения в защиту Митрополита заняли свыше шести часов). Очевидно было даже, что трибунал слушает защитника с полным вниманием. Чем объясняется такое отношение трибунала, — заранее ли принятым решением предоставить защитнику полную свободу объяснений, или же неожиданностью высказанной суровой правды, которую, вряд ли, часто приходится слышать сов. трибуналам, — судить не беремся. {54} Публике даже казалось, что во время речи защитника, трибунал иногда, как будто, проявлял признаки сочувственного волнения. Это не невозможно. Из живых людей, все-таки, очень трудно сделать совершенных манекенов, как ни стараются большевики. В конце концов, члены трибунала сотворили, конечно, волю пославших их, но быть может, не без некоторой горечи в душе.

IX.

Судебные прения окончились. Очередь — за последним словом подсудимых.

Председатель делает распоряжение о прекращении с этого момента стенографирования процесса. Цель этого характерного распоряжения весьма понятна. Большевики не желают закрепления и распространения в населении тех речей, который произнесут подсудимые в эти трагический минуты...

«Подсудимый Василий Казанский», обращается председатель к Митрополиту: «вам принадлежит последнее слово».

Митрополит, не спеша, встает. Четко вырисовывается его высокая фигура. В зале — все замерло.

В начале Митрополит говорит, что из всего, что он услышал о себе на суде, на него наиболее удручающее подействовало то, что обвинители называют его «врагом народа». — «Я верный сын своего народа, я люблю и всегда любил его. Я жизнь ему свою отдал, и я счастлив тем, что народ — вернее, простой народ — платил мне тою же любовью, и он же поставил меня на то место, которое я занимаю в православной церкви».

Это было все, что Митрополит сказал о себе в своем «последнем слове». Остальное, довольно продолжительное, время своей речи он посвятил исключительно соображениям и объяснениям в защиту некоторых подсудимых, ссылаясь на документы и иные данные и обнаружив при этом большую память, последовательность и невозмутимое спокойствие. Одно из его утверждений представлялось, как он сам это признал, не доказанным. По этому поводу он заметил, со свойственной ему тихой улыбкой: «думаю, что, в этом отношении, вы мне поверите без доказательств. Ведь я, по всей вероятности, говорю сейчас публично в последний раз в своей жизни; человеку же, находящемуся в таком положении принято верить на слово».

Момент был, во истину, потрясающий и незабываемый. Всем была ясна огромная нравственная мощь этого человека, который в такую минуту, забывая о себе, думает только о несчастии других и стремится им помочь.

{55} Среди наступившей за заключительными словами Митрополита благоговейной тишины, — раздался голос председателя, — голос, в котором, как будто, прозвучала какая-то доселе ему не обычная мягкая нота: «вы все говорили о других; трибуналу желательно знать, что же вы скажете о самом себе». Митрополит, который уже сел, вновь приподнялся и, с некоторым недоумением посмотрел на председателя, тихо, но отчетливо сказал: «О себе. Что же я могу вам о себе еще сказать. Разве лишь одно ... Я не знаю, что вы мне объявите в вашем приговоре — жизнь или смерть, — но, что бы вы в нем не провозгласили, — я с одинаковым благоговением обращу свои очи горе, возложу на себя крестное знамение (при этом Митрополит широко перекрестился) и скажу: слава Тебе, Господи Боже, за все» ...

Таково было последнее слово Митрополита Вениамина.

Передать настроение, охватившее публику — невозможно. Иное легче пережить, чем описать.

Трибунал сделал перерыв.

Затем объяснения подсудимых продолжались.

Профessor Ю. П. Новицкий был очень краток. Он указал, что привлечение его к делу объясняется лишь тем, что он состоял председателем Правления О-ва объединения правосл. приходов.

В приписываемых же ему деяниях, он совершенно неповинен. Но, если сов. власти нужна в этом деле жертва, он готов без ропота встретить смерть, прося лишь о том, чтобы сов. власть этим и ограничилась и пощадила остальных привлеченных.

И. М. Ковшаров заявил, что он знает, какая участь его ожидает. Если он давал объяснения в свою защиту, то только ради того, чтобы закрепить в общественном сознании, что он умирает невинным.

Сильное впечатление произвело последнее слово архимандрита Сергия. Он нарисовал картину аскетической жизни монаха и указал на то, что, отречившись от всех переживаний и треволнений внешнего мира, отдавши себя целиком религиозному созерцанию и молитве, — он одной лишь слабой физической нитью привязан к сей жизни. «Неужели же», сказал он: «трибунал думает, что разрыв и этой последней нити может быть для меня страшен. Делайте свое дело. Я жалею вас и молюсь о вас».

Объяснения остальных подсудимых особого интереса не представляли. Большинство заявило, что ничего прибавить к речам защиты не имеет.

Председатель объявил, что приговор будет объявлен завтра (в среду 5-го июля) вечером.

{56} Ко времени объявления приговора зал был почти пуст. Обыкновенной публики не пускали. Зато хоры были переполнены красноармейцами.

В 9 час. вечера трибунал вышел, и председатель огласил приговор.

Были присуждены к расстрелянию десять лиц: Митрополит Вениамин, архимандрит Сергий, Ю. П. Новицкий, И. М. Ковшаров, епископ Венедикт, Н. К. Чуков (настоятель Казанского собора и ректор богословского института), Л.К. Богоявленский (настоятель Исаакиевского собора), М. П. Чельцов (протоиерей), Н. Ф. Огнев (профессор военно-юридической академии) и Н. А. Елаич (б. пом. статсекр. государственного совета). Остальные обвиняемые были приговорены к тюремному заключению на разные сроки, — с «изоляцией» и без таковой. Значительная часть подсудимых (главным образом, из уличной толпы) была оправдана.

«Хоры» приветствовали приговор aplодисментами.

На подсудимых, их защитников и сумевших проникнуть в зал немногих лиц из публики приговор особого впечатления не произвел.

Многие знали его содержание уже за много дней и были к нему подготовлены.

Потянулись томительные дни. Кассационные жалобы, поездки в Москву, хлопоты, ходатайства перед ВЦИКом о помиловании.

Предвестником окончательного результата был омерзительный длинный пасквиль Красикова (*Красиков, Петр Ананьевич (Антон, Бельский, Игнат, Павлович, Шпилька) (1870-1939)* - Еще гимназистом тяготел к революционерам-народникам. В институте, в конце 80-х - начале 90-х гг. вел марксистские кружки. Со временем учреждения "Искры" стал одним из заметных организаторов новой партии; делегат II съезда, где примкнул к большинству. Участник революции 1905 г., член исполнкома Петроградского С. Р. Д.; арестован 3 декабря 1905 г. В 1908 году закончил юридические курсы и стал присяжным поверенным; занимался, в основном, рабочим ходатайством. 27 февраля 1917 г. участвует в организации Совета Рабочих Депутатов и избирается в Исполком от фракции большевиков. После Октябрьской революции работает в Наркомюсте. – взято из справочника марксиста – ldn-knigi), появившийся в московских «Известиях», — в котором этот быв. присяжный поверенный наносил последний удар в спину беззащитным и

беспомощным осужденным, доказывая, что о помиловании первых четырех приговоренных к расстрелянию, не может быть и речи. Президиум ВЦИКа так и постановил, заменив только последним шести подсудимым расстреляние — долгосрочным тюремным заключением (еп. Венедикту, Чукову, Богоявленскому, Чельцову, Огневу и Елаиччу).

В понедельник, 14 августа 1922 г. лицам, явившимся в дом предварительного заключения для обычной передачи пищи Митрополиту, отцу Сергию, Новицкому и Ковшарову, было объявлено, что эти заключенные «потребованы и уже отправлены в Москву». Люди, знающие большевицкий условный жаргон, поняли в чем дело ...

В ночь с 12 на 13 августа Митрополит, о. Сергий, Новицкий и Ковшаров были увезены из тюрьмы и расстреляны в нескольких верстах от Петрограда.

{57} Имеются некоторые сведения (сообщенные при обстановке, гарантирующей их достоверность) о последних минутах расстрелянных...

Новицкий плакал. Его угнетала мысль о том, что он оставляет круглой сиротой свою единственную 15-летнюю дочь. Он просил передать ей на память прядь своих волос и серебряные часы.

О. Сергий громко молился: «прости им, Боже, — не ведают бо, что творят».

Ковшаров издавался над палачами.

Митрополит шел на смерть спокойно, тихо шепча молитву и крестясь.

Так умерли эти люди.

Опасаясь возбуждения петроградских рабочих масс, вызванного приговором, большевики не решились объявить расстрел Митрополита в Петрограде и распустили слух, что Митрополит увезен в Москву. По другим данным, православные мученики были отвезены на ст. Пороховые по Ириновской ж. д. и там расстреляны.

Предварительно все были обриты и одеты в лохмотья, чтобы нельзя было узнать, что расстреливают духовенство.

Население долго не хотело верить смерти Митрополита. По этому поводу создавались разные легенды. Утверждали, между прочим, что большевики где-то тайно заточили Митрополита. Возникновению этих слухов способствовало, между прочим, отсутствие официального сообщения о том, что приговор «приведен в исполнение». Впрочем, в этих легендах (говорят и поныне держащихся) есть некая частица истины, как почти во всех народных преданиях: физически Митрополит Вениамин убит — в этом, к несчастью, нет сомнения — но в сердце народном его светлый образ навсегда останется живым...

ГЛАВА 3.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО
(митрополитам Владимиру и Вениамины),
НОВЫМ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКАМ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Какую дань слова принесем вам, верные свидетели Слова, доблестные страстотерпцы и пастыри, вменившиеся яко овцы заколения. Витийствующий язык изнемогает пред величием вашего подвига. Ваши язвы, подобно множеству отверстых уст, сами вещают о вашем терпении ваша кровь говорить лучше, чем кровь Авеля (Евр. XII, 24). Вы сами служите нашею похвалою. В вас и через вас мы приносим жертву благодарения Господа всегда победители нас творящему о Христе Иисусе (2 Кор. II, 14). Среди великого испытания скорбями мы преизобилуем ради вас радостью (2 Кор. VIII, 2) и восклиаем вместе с Златоустом:

«Благословен Бог! и в наш веке произросли мученики, и мы удостоились видеть людей, закалемых за Христа, людей, проливающих святую кровь, которая орошает всю Церковь. Мы удостоились видеть людей, ратующих за благочестие, побеждающих, увенчавших ... и мы имеем теперь у себя этих венценосцев» (Беседа 3 на первую книгу Паралипоменона).

Многие хотели бы видеть, что мы видели, и не видели, слышать то, что мы слышали, и не слышали. Нам суждено было быть свидетелями ваших чудных дел, и любви, и служения, и веры, и терпения (Апок. II, 18) и на нас лежит священный долг возвестить об них Миру, проповедывать на кровех о том, что мы видели своими очами, что осязали руки наши (1 Иоан. I, 1).

Но нам не достанет ни времени, ни сил повествовать о новых Сампсонах, Давидах, Гедеонах, Самуилах, об этом чудном воинстве Христовом, которое верою побуждало царства, творило правду (Евр. XI, 32, 35) и посрамило древнего врага.

{59} Тебе, первосвятитель древней Киевской Церкви, соименный Св. Просветителю Руси, подобало предназначать славное поприще борьбы и страданий, ты стал предводителем боговенчанного полка, и тебе да воздается от нас первый венец хвалы.

Сама Божественная Премудрость предуказала, чтобы на горах. Киевских, там, где Апостольскою рукою было утверждено некогда знамение св. Креста, вознесен был на крест преемник апостолов, как один из первых священномучеников наших дней. Крещение Русской Церкви огнем и кровию должно было начаться оттуда, где положен был первый камень в ее основание и где изначала приял водное крещение русский народ.

То были тяжкие и скорбные времена, когда область темная начала усиливаться на Русской земле и когда суд небесный впервые возгримел над домом Божиим (1 Петр. IV, 17). Тогда Господь, уготовляя нас на день испытания, возставил нам пастыря и отца по сердцу нашему, дабы он собрал воедино ратоборцев Христовых и извел их на брань с врагами Церкви. Вместе с другими святителями возрадовался тогда и ты как друг женихов за глас женихов (Иоан. III, 29), и по тебе пришедшем не завидел.

Будучи всегда готов исполнить всякую правду (Ме. III, 15). ты повиновался слову Первопиерарха и, оставив священный собор, отошел к твоей пастве, которую уже стали расхищать волки хищные, не щадящие стада. Сыны тьмы не моглистерпеть твоей ревности о Церкви Божией и с оружием в руках, как на разбойника, пришли к тебе под мраком ночи, чтобы взять тебя на заклание. Лестью и коварством они извели тебя из стен древней Лавры, как бы из священного Сиона, и вознесли на уединенное возвышенное место, на эту новую Голгофу. Подобало, чтобы по образу вечного Первосвященника, нося поругание Его, ты вышел за стан и пострадал вне врат (Евр. XIII, 12). Там именно и приял ты смерть от жестоких мучителей, пронзивших острием твоё тело в то время, как ты простирали к ним благословляющие руки, молясь за своих врагов.

Это место, орошенное твою кровью, навсегда останется священным алтарем для верующих и тихий свет лампады немеркнущим светом будет озарять оттуда твой первомученический подвиг, облиставший всю Русскую Церковь. Тебя предпослала она, как начаток исповедников, число коих стало исполняться потом с каждым днем.

«Первый из пострадавших, ты, — по слову Св. Григория Богослова, — стал путем для других». Одушевленные теми же чувствами, устремились за мученическими венцами Ангелы Церквей Пермской, Тобольской, Астраханской и целые сонмы других {60} святителей и иереев Божиих, прошедших сквозь огонь и воду, испытавших поругание и раны, узы и темницу, от них же многие побиени быша, претрени быша, убийством меча умроша, даже пропяты (распятые) быша, не приемше избавления, да лучшее воскресение улучат (Евр. XI, 35-37).

Среди этой доблестной дружины зрим и тебя, священная главо, славный Первосвятитель града Св. Петра, возлюбленный твою паствою так же, как тезоименитый тебе древний Патриарх своим отцем Иаковом. Младший многих из своих собратий, ты предупредил, однако, их твоим апостольским дерзновением и духовным разумом. Еще в юности ты лобызал пламенеющим сердцем раны первых мучеников и скорбел, что не можешь приобщиться к их славному подвигу. Господь узрел твою святую ревность и по исполнении времен послал тебе тот же искус.

По Его изволению, преемники Ирода и на тебя наложили руки, чтобы сделать тебе зло, и, задержав, ввергли в темницу (Деян. XII, 4). Напрасно преданная тебе паства волновалась, как море, вздывающее гневные волны. Ни ее мольбы и угрозы, ни твое незлобие и смиление — ничто не могло истогнуть тебя из рук нечестивых, повлекших тебя на свое беззаконное судилище. Исполненный веры и силы, кроткий и дерзновенный, как первомученик Стефан, предстал ты перед новым синедрионом. Враги не могли противостоять мудрости и Духу, вещавшему твоими устами, когда ты изобличал их клеветы и выражал радостное желание умереть как христианин, стражда без правды (1 Петр. II, 191 IV, 16).

Однако они продолжали противиться истине даже тогда, когда некая жена из их сонма, соревнуя благородной жен Пилата, выступила на твою защиту и стала умолять судей не брать на себя неповинной крови. Древний приговор: «Повинен есть смерти» был произнесен, но не приведен немедленно в исполнение только потому, что паства по прежнему не хотела расстаться со своим пастырем, что дети не хотели уступить палачам своего отца. Несколько дней ты снова должен был томиться в предсмертных муках, искупая, однако, оставшееся время для назидания пасомых, ибо для слова Божия нет уз (2 Тим. II, 9).

Уже обреченный в жертву (2 Тим. IV, 6) ты, подобно Великому Апостолу языков, писал из темницы последние заветы своим ученикам и сопастырям. Эти бессмертные слова, начертанные не столько чернилами, сколько твою кровью, должны быть увековечены на все времена наряду с посланиями древних мучеников.

«В детстве и отрочестве, — писал ты одному из твоих сподвижников-пастырей, — я зачитывался житиями святых и {61} восхищался их героизмом, их святым воодушевлением, жалел, что времена не те и не придется переживать то, что они переживали. Времена переменились, открывается возможность терпеть ради Христа от своих и чужих. Тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога. Трудно переступить этот Рубикон, границу и всецело предаться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек избыточествует утешением, не чувствует самых тяжких страданий, полный среди страданий радости и внутреннего покоя, он других влечет на страдания, чтобы они переняли то состояние, в котором находится счастливый страдалец. Об этом я ранее говорил другим, но мои страдания не достигли полной меры. Теперь, кажется, пришло пережить почти все: тюрьму, суд, общественное заплевание, обречение и требование самой смерти под якобы народные аплодисменты, людскую неблагодарность, продажность, непостоянство и т. п., беспокойство и ответственность за судьбы других людей и даже за самую Церковь.

Страдания достигли своего апогея, но увеличилось и утешение. Я радостен и покоен, как всегда. Христос наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее надо иметь нам, пастырям. Забыть свою самонадеенность, ум, ученость и дать место благодати Божией.

Странны рассуждения некоторых, может быть, и верующих пастырей (разумею Платонова) — надо хранить живые силы, т. е., их ради поступиться всем. Тогда Христос на что? Не Платоновы, Вениамины и т. п. спасают Церковь, а Христос. Та точка, на которую они пытаются встать, погибель для Церкви. Надо себя не жалеть для Церкви, а не Церковью жертвовать ради себя. Теперь время суда. Люди и ради политических убеждений жертвуют всем. Посмотрите, как держат себя эсеры и другие. Нам ли, христианам, да еще иереем, не проявить подобного мужества даже до смерти, если есть сколько-нибудь веры во Христа, в жизнь будущего века?!»

Сколько возвышенной силы в этих кратких и смиренных словах, запечатленных твою смертью!

Радостный, ты шел на крест, отвергнув последнее искушение «пожалеть себя для Церкви».

По завету Св. Апостолов ты не захотел высокомудрствовать о себе и предпочел душу свою положить за Церковь, вместо того, {62} чтобы уклоняться в словеса лукавства и ставить немощное человеческое выше силы и мудрости Божией.

И так как ты до конца прошел по стопам Подвигоположника, Он за верность и кротость освятил и возвеличил тебя (Сир. XV, 14), покорив под ноги твои самых врагов Церкви, вынужденных потом исповедывать перед людьми твои неповинные страдания и поклониться им.

Так исполнилось желание твоего сердца: ты обрел и жребий и венец страстотерпцев Христовых и смертно купил себе вечную жизнь.

Так же поступили и многие другие архиереи и священники Бога Вышнего, призванные пострадать за свидетельство, которое они имели

(Апок. VI, 9).

Когда начались дни огненного испытания для Церкви, и Господь не восхотел принять от нас всесожжения и жертвы, они не стали советоваться с плотию и кровию, но, уразумевши Его волю, сами принесли себя в непорочное заколение (Евр. X, 69). Вслед за Вечным Первосвященником и Ходатаем Нового Завета они вошли во святилище с своею кровию, да очистятся грехи людские (Евр. IX, 12-15), ибо без пролития крови не бывает прощения (22). Среди искушений и мук эти истинные пастыри не оставили первую любовь свою (Ап. II, 4), восплеменившую некогда их сердце желанием священства, и сохранили даже до последнего изыхания целым и невредимым залог, врученный им при рукоположении.

Славны ваши имена, мужественные страстотерпцы, которых ни жизнь, ни смерть, ни настоящее, ни грядущее, ни высота суетных отличий, ни глубина уничижения — ничто не могло отлучить от любви Божией во Христе Иисусе (Рим. VIII, 38,39).

Ваш пример показал воочию, что «можно убить, но не победить священника Божия, держащегося Евангелия и сохраняющего заповеди Божии», как вещает нам один из древних священномучеников.

Не с нынешнего дня начались испытания Церкви. Еще Св. Василий Великий писал о своем плачевном времени: «нас постигло гонение самое тяжкое. Ибо гонят пастырей, чтобы рассеялось стадо. Одна ныне вина, за которую жестоко наказывают, — точное соблюдение отеческих преданий. За это благочестивых изгоняют из отечества и переселяют в пустыни. Неправедные суды не уважают ни седины, ни подвигов благочестия, ни жизни, ни юности, ни старости, проведенной по Евангелию. Но тогда, как {63} ни одного злодее не осуждают без обличения, епископов берут по одной клевете и предают наказанию без всякого доказательства взносимых на них обвинений. А иные из них не знали обвинителей, не видели судилищ, даже не были сперва оклеветаны, но безвременно ночью похищены насильственно, сосланы в отдаленные страны и злостраданиями, какие должны были терпеть в пустыне, доведены до смерти. Глас плачущих слышен в городе, слышен в силах, по дорогам, в пустынях. Одна у всех жалостная речь, потому что все говорят о достоплачевном. Похищены радость и духовное веселье. В плач обратились наши праздники, дома молитвенные затворены, на алтарях не совершается духовного служения» (Письмо к Италийским и Галлским епископам).

Все эти бедствия, изображенные великим Отцем Церкви, пришли на вас седмицею, ибо никогда столп злобы богопротивные не поднимался так высоко, никогда еще человеческая жестокость не была столь изобретательной и беспощадной.

Теперь самый плач о невинноубиенных считается уже преступлением и потому не смет раздаваться открыто.

Весь ум, все завоевания науки нашего просвещенного времени, кажется, обращены прежде всего на то, чтобы причинить возможно больше страданий людям. С давних пор известны истязания огнем, голodom и холodom, железом, бичами и скорпионами, цепями, темницами. Современное искусство к ним присоединило целый ряд новых изощренных телесных мучений и кроме того утонченные нравственные пытки, которых не знал еще грубый век Нерона и Дюклетиана. Вы понесли на себе все эти болезни и раны, после которых самая смерть могла иногда казаться благодеением.

Вместе с всемирным проповедником Павлом вы должны были терпеть беды не только от врагов, но и от сродник и от лжебратьев, корчесмствующих истину, возлюбивших мзду Валаамову, предавших своих сослужителей слугам антихриста и облекшихся вместе с Иудою в клятву, как в ризу (Псал. 108, 18).

Об них издревле изрек Дух Святый: «ты носишь имя, будто жив, но ты мертв» (Апок. III, 1).

Облекшись в броню правды и преподобие истины, вы были живым обличением для всех, поклонившихся зверю. Сего ради возненавидел вас мир. Но вы победили последней силой лучшею, показавши себя почти бесплотными во плоти.

Все знают, что нет ничего на земле дороже жизни. Все отдает человек взамен души своей и чтобы выкупить жизнь, он {64} готов пожертвовать славой, богатством, самыми нежными родственными привязанностями, дружбой, даже честью и совестью. Самый гордый и независимый из людей падет к ногам своего палача, будет целовать его окровавленные руки, подобострастно заглядывать ему в глаза, желая прочитать там свое помилование. Никогда человек не бывает более жалок, как в то время, когда он судорожно хватается за ускользающую от него нить жизни, жертвуя для нее вечными ценностями, и никогда не бывает так велик, как если он торжествует духом над немощью плоти и презирает все земные соблазны ради нетленного блаженства. В этом красота мученичества, высоко почитавшегося во все времена и у всех народов.

Особенно ярко светит этот подвиг в наши сумрачные и малодушные дни, когда за умножение беззаконий оскудела вера, охладела любовь, колеблется надежда, когда немощи отдельных людей вменяются в вину самой Церкви, как будто она уже истощила свою прежнюю силу. Ваше адамантово мужество оправдала Церковь пред лицом Мира. Благодать Божия, преизобиловавшая там, где умножился грех, снова избрала безумное Мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное Мира, чтобы посрамить сильное (Рим. V, 20; и Кор. I, 27). Вы были в отчаянных обстоятельствах, но не отчаливались и низлагаемые, не погибали. Во всем вы явили себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, нуждах, тесных обстоятельствах, под ударами в темницах (2 Кор. IV, 8-9; VI 4-5). Вы воскресили перед нами образы св. Игнения, Поликарпа, Златоуста и многих других исповедников и священномучеников, украсивших лучшие времена христианства. Ваша доблесть озарила новую словою Русскую Церковь, возраставшую в вас сподвижников Филиппа и Гермогена и начало вождей целого сонма других мучеников разных званий и возрастов, принесенных ею в жертву Богу.

За то, что она явила новых страстотерпцев, ее имя возвещается ныне во всем мире. Вместе с нею и вся Вселенская Церковь пожинает плоды вашей победы и если, по словам Св. Киприана, у нее нет недостатка ни в лилиях, ни в розах (письмо к мученикам и исповедникам), то, убелив ее одежды своими кровьюми, вы достойны наименоваться теми и другими. Вы соединили небо с землею в общей радости, ибо вместе с воинствующею о вас веселится и Церковь торжествующая, к которой вы приобщились ныне. Не вам ли, убиенным за слово Божие, даны там белые одежды и сказано, чтобы вы успокоились на малое время, пока ваши сотрудники и братия исполняли число (Апок. VI, 9-11).

{65} «Восхищаясь воспоминаниями о вас, мы, подобно Св. Григорию,

делаемся от удовольствия как бы вдохновенными, некоторым образом соучаствуем в вашем мученичестве, приобщаемся вашему подвигу» (Слово в похвалу Св. священномученику Киприану.).

Да будет же память ваша во благословениях, да процветут кости ваши от места своего (Сир. 45, 13, 14). Народы будут рассказывать о вашем мужестве и мудрости, а Церковь не престанет возвещать вам хвалу (44, 14), восклицая: «радуйся, собор крепкий и терпеливый, победительное ополчение, царственное священство, столпы благочестия, священнодействовавшие сами себе мучеником, коих смерть явилась последним совершенственным таинством. Чрез вас прославляется Христос, Иже вчера, днесъ, Той же и во веки» (Евр. XIII, 8).

Митрополит Анастасий.

ГЛАВА 4.

ГЕРМОГЕН, ЕПИСКОП ТОБОЛЬСКИЙ и иже с ним.

Саратовский епископ Гермоген, аскет, образованный человек, добрейший и чистый до конца и безраздельно был увлечен борьбой с нараставшим революционным брожением. Увидев вред Распутина, он хотел взять с него клятву, что он больше не переступить порога царского дворца. Распутин этой клятвы давать не хотел и еп. Гермоген, стоя в епитрахили и с крестом в руке, проклял Распутина. Он стал телеграммами просить и умолять Государя не принимать Распутина. Это обстоятельство и непорядки в управлении епархией привели еп. Гермогена к лишению епархии и к заточению в Жировицкий монастырь Гродненской губернии. После революции его выпустили и назначили епископом Тобольским, в каковом звании он и был членом Всероссийского Церковного Собора.

В 1918 году патриарх Тихон благословил, чтобы по всей России двинулись крестные ходы. Владыка Гермоген благословил на крестный ход и Тобольск. Накануне Владыке пришли приказать, чтобы никакого крестного хода не было или Владыку арестуют. На другой день, в Тобольском Кремле, Владыка служил обедню и молебен. Все знали, что крестный ход запрещен. Но загудели колокола и Владыка с духовенством, под хоругвями и крестами, вышел из собора. Крестный ход совершился. Громадные толпы народа потекли вдоль стены, вокруг Тобольского Кремля, с пением «Спаси Господи люди Твоя».

Тобольский Кремль возвышается над городом, дом Государя и царской семьи ниже Кремля. Со стены были хорошо видны окна Тобольского дома и за окнами узники: Государь, Государыня, царевны, цесаревич.

Владыка остановил крестный ход на том месте стены, откуда был виден Тобольский дом. Запели молебен. Потом Владыка один подошел к краю стены. Один стоял он над Тобольском, с деревянным крестом. Он высоко поднял крест и благословил Царскую Семью.

{67} В Вербное воскресенье Владыка Гермоген совершал литургию, а потом вечерню. За вечерней он говорил речь, в которой сказал следующее: « Приближаются дни крестных страданий Христа Спасителя. Душа Божественного Страдальца в ожидании грядущих ужасных мучений томилась великой тоской, и Он искал для Себя подкрепления не только в молитве к Богу-Отцу, но и учеников Своих просил бодрствовать и молиться вместе с Ним, дабы этим облегчить ту великую муку, которая легла всею тяжестью на Его плечи.

Чувствуя и я, что приближаются дни и моих крестных страданий, а потому и моя душа в чаянии грядущих страданий томится и мучится тоской. Посему усердно прошу вас всех, поддержите меня и вы в эти дни вашими святыми молитвами ...»

Эта речь его была последней. Уже не пришлось этому святителю служить и поучать свою паству. В ночь на Великий Четверг его арестовали. Православные граждане, движимые любовью к своему архипастырю, установили дежурный караул возле его покоев, надеясь,

что они не дадут своего отца на поругание. Но Владыка вышел на балкон и стал их просить, чтобы они все разошлись по домам, говоря им: «Не отягощайте и без того тяжелого моего положения». Из уважения к словам и личности Владыки все разошлись, и в ту же ночь его арестовали, т. е. в Великую Пятницу, когда схвачен был и Господь наш Иисус Христос. В апреле месяце 1918 г., на страстной неделе епископ Гермоген был арестован и немедленно отправлен из Тобольска в Екатеринбург, где был посажен в тюрьму. В мае месяце делегация от Епархиального съезда в лице члена Московского Собора присяж. поверен. Минятова, брата еп. Гермогена, протоиерее Ефрема Довганева и тюменского священника М. Макарова отправилась в Екатеринбург ходатайствовать перед местным совдепом об освобождении еп. Гермогена. В совдепе потребовали выкуп в размере 10,000 р., а затем сумму выкупа повысили до 100,000 р. Сумма эта была собрана среди екатеринбургского купечества и внесена по принадлежности, а властями была выдана расписка в получении денег.

На следующий день делегация в полном составе отправилась в Совдеп в надежде на освобождение еп. Гермогена, и больше на занимаемую квартиру не вернулась. Полагают, что она была арестована и вместе с еп. Гермогеном отправлена под конвоем в Тюмень для следования в Тобольск, где предполагалось учинить суд над еп. Гермогеном.

В Тюмени еп. Гермоген вместе с другими арестованными был переведен на пароход «Петроград» для отправки в Тобольск.

{68} В виду занятия Тобольска белыми сибиряками, красногвардейцы перед тем, как оставить пароход и бежать на Урал, учинили жестокую расправу над арестованными.

Всех их вывели на палубу и приказали немедленно снять верхнюю одежду и обувь. Кто раздавался недостаточно быстро, с того одежду срывали, а затем раздетых, под градом насмешек и прибауток, предварительно связав руки, бросали с палубы в реку Туру.

Еп. Гермоген молился за своих мучителей и благословлял их. С циничною, непередаваемою руганью, сопровождаемою зуботычнами, сорвали со святителя рясу и подрясник, скрутили назад руки. Так как еп. Гермоген не переставал громко молиться, то комиссар приказал: «Заткнуть хайло» ... — Удар кулаком по лицу заставил старца умолкнуть. Затем привязали к скрученным рукам двухпудовый камень и — раскачивав — бросили в Туру (16 июня 1918 г.) против села Покровского (Так показали на следствии матросы парохода «Петроград»).

По изгнании большевиков, когда вода в Туре убыла, на берегу было обнаружено множество трупов, в числе которых было опознано и тело еп. Гермогена. Оно было отправлено в Тобольск и при огромном стечении народа погребено в пещере, где ранее почивали мощи св. Иоанна Максимовича, митрополита Тобольского и всее Сибири.

ГЛАВА 5.

АНДРОНИК, АРХИЕПИСКОП ПЕРМСКИЙ.
Феофан, епископ Соликамский,
Василий, архиепископ Черниговский
и иже с ними.

В качестве полкового священника сибирской армии, — описывает П. Туруханский — мне пришлось довольно долгое время странствовать по городам и весям освобожденной от большевиков Пермской епархии, где святительствовал архиепископ Андроник.

Рукоположенный во священники архиеп. Андроником, я пытался собрать точные сведения о смерти святителя, о которой в Пермском крае сложились крайне противоречивые легенды. Согласно наиболее распространенной на Урале, архиеп. Андроник был живым закопан в землю.

Впоследствии, попав в руки большевиков, я был посажен в Тобольскую каторжную тюрьму. В числе арестованных было двое чекистов — латыши Добелас и Падернис, служившие в Пермской ЧЕК'а. По рассказам этих чекистов, арх. Андроник был расстрелян по требованию мотовилихинских рабочих.

Архиепископ Андроник весьма резко критиковал большевицкий декрет об отделении церкви от государства. По оглашении изданного по этому поводу Московским Поместным Собором послания, архиеп. Андроник приказал протодиакону возгласить на большевиков анафему, после чего был арестован, убит и закопан возле дороги из Перми в Мотовилиху (рабочее предместье). По словам вышеупомянутых чекистов, Добеласа и Падерниса, оба они принимали участие в убийстве арх. Андроника. Рассказ чекистов заслуживает вероятия, так как аналогичное сообщение П. Т. пришлось слышать и от другого лица, сначала члена коммунистической партии, начальника красной **{70}** полиции города Т., по профессии фельдшера, по национальности крещеного иудея, а впоследствии православного священника. Коммунисты не могли простить ему измены партии и расстреляли (По другой версии Архиеп. Андроника водили по улицам г Перми с отрезанными щеками и выколотыми глазами и закопали живым в землю Об этом были в свое время свежие известия и письма с места. Рассказ чекистов нельзя особенно доверять. Они часто смягчали свои зверства, хотя между ними были и своеобразные хвастуны, которые приписывали себе дела, в которых не участвовали В Соловках очень часто встречались чекисты, которые говорили о своем участии в убийстве Царской Семьи. Относительно убийцы или даже решителя судьбы Архиеп. Андроника рассказывают следующее. Некий важный служащий Военно-Китайской жел. д., попал под поезд и с отрезанными ногами в Харбинской больнице громко кричал до самой смерти «спасите меня, спасите, вот Андроник идет, Андроник идет» (М. б. это был Лашевич см. «Рубеж» № 31 27 июня 1940 г.).

Архиепископ Андроник убит в ночь на 4 июня 1918 г.).

Арестованный вместе с архиеп. Андроником его викарий, епископ Соликамский Феофан был утоплен в реке Каме. Когда Московский собор узнал о мученической смерти пермских епископов, то для расследования обстоятельств их смерти послал в Пермь особую комиссию во главе с архиепископом Черниговским Василием.

Советское правительство дало согласие на расследование пермских убийств и даже предоставило комиссии отдельный вагон (В первые дни существования сов. власти Собор неоднократно обращался к ней с разного рода заявлениями и протестами) Но деятельность следственной комиссии в Перми вызвала возмущение среди коммунистов, особенно виновных в преступлении. Поэтому были приняты меры, чтобы следственный материал не попал на Собор в Москву.

Когда по окончании расследования комиссия возвращалась в Москву, между Пермью и Вяткой, в вагон ворвались красноармейцы, убили членов комиссии, а тела их выбросили из поезда. Тело архиепископа Василия и убитых вместе с ними похоронили крестьяне и к могиле мучеников начались паломничества. Тогда большевики выкопали тела мучеников и предали сожжению.

† Архиепископ Андроник.

ГЛАВА 6.

ЛЕОНТИЙ. ЕПИСКОП АСТРАХАНСКИЙ

Расстрел астраханского духовенства во главе с епископом Леонтием относится ко временам гражданской войны.

Астрахань была переполнена больными и ранеными красноармейцами. Людей косил сыпняк. Епископ Леонтий созвал совещание представителей всех городских и пригородных приходов. Решено было обратиться к православному населению с призывом «оказать помощь раненым и больным воинам» и старой и советской армии. Воззвание окончилось ссылкою на Евангелие:

«Помните слова Христа: «Я был наг, и вы не одели Меня, был болен, и вы не посетили Меня».

Положение в городе было настолько напряженным, что из лазаретов выбрасывали на улицу больных и раненых солдат великой войны, чтобы очистить место для красноармейцев. Астраханская советская газета напечатала воззвание епископа Леонтия и духовенства. Председатель губчеки Атарбеков решил, что ссылка на Евангелие сделана для подрыва авторитета советской власти. Атарбеков доложил свои соображения председателю ревкома Кирову. Тот вполне согласился с соображениями Артабекова и приказал: «действуй».

И духовенство в Астрахани вместе с преосвященным Леонтием и другими причастными к делу лицами было «ликвидировано».

Массовые расстрелы духовенства, рабочих и торговцев в Астрахани принадлежали Кирову, который получал указания, от Сталина.

ГЛАВА 7.

НИКОДИМ, ЕПИСКОП БЕЛГОРОДСКИЙ.

Отделение Церкви от Государства, своеобразно трактуемое большевиками, сделалось предлогом для запрещения проповеди гонимой религии, и мученическая смерть епископа Никодима Белгородского представляет яркое тому доказательство.

Епископ не вмешивался в политическую жизнь, но в своих проповедях, браня насилия, грабежи и убийства, призывал свою паству к учению Христа, утверждая, что законы Божии выше законов человеческих. Такие проповеди возбудили злобу против епископа в местном коммунистическом управлении. В первые дни Рождества 1918г. известный своей жестокостью комендант Саенко, собственоручно убивший тысячи людей, арестовал епископа и увез в Чрезвычайку.

Но возникшие среди народа волнения по поводу ареста любимого пастыря заставили Саенко отпустить епископа обратно в монастырь. Однако, в тот же день епископ Никодим вновь произнес проповедь осуждавшую насилия, после чего он был вновь арестован тем же Саенко, который говорил при этом, что через попов и монахов вся революция пропала. Обратившаяся к Саенко с просьбой об освобождении жена священника Каенская была арестована Саенко, который в тот же вечер собственоручно ее расстрелял, а епископа приказал отвести в тюрьму, где ночью, в углу тюремного двора он и был казнен. Желая скрыть от народа эту казнь и боясь отказа красноармейцев казнить уважаемого пастыря, его повели на казнь в военной шинели. Труп его был отвезен за город и брошен в общую могилу. Но слух об его казни все же дошел до народа и ежедневно у братской могилы служили панихиды по христианском мученике.

ГЛАВА 8.

МАКАРИЙ, ЕПИСКОП ВЯЗЕМСКИЙ

В начал 1918 г., в пору нескончаемых расстрелов большевистского террора, в г. Вязьму, Смоленской губ., из Москвы прибыл епископ Макарий (Гневушев), в прошлом вдовий священник, с высшим богословским образованием, ставший известным выдающимся духовным и национальным деятелем, в бытность Киевским епархиальным миссионером. Местом своего жительства Владыка избрал древний и благоустроенный мужской Свято-Духовский монастырь, находящийся в самом городе.

Храм стал наполняться молящимися, приходившими послушать святительские богохувновенные, насыщенные божественной мудростью проповеди, о которых слушатели и после потом говорили, что ничего подобного им никогда не приходилось слышать.

Местные большевики, конечно, не могли не обратить внимания на такого своего врага. Началась слежка и принимались меры покончить с ним при помощи подосланных убийц. Был случай, когда на паперти храма, в котором в это время богослужение совершил Владыка, между подосланными, ожидавшими выхода епископа, чтобы напасть на него, произошла ссора и побоище, в результате чего один из бандитов тут же и был убит своим товарищем. Владыка, осведомленный о происшедшем, тогда же, с паперти, произнес одну из своих самых сильных по глубине мысли и чувств проповедей, которая произвела на всех молящихся потрясающее и неизгладимое впечатление.

Большевики, убедившись в силе влияния епископа Макария на настроение верующих города и его окрестностей, решили действовать непосредственно и стремительно. Однажды вечером, летом 1918 г., большевицкий отряд явился в монастырь и чекисты произвели у епископа и монашествующих обыск, длившийся до поздней ночи. Напрасно гудел набат всех 24-х вяземских церквей: он не помешал чекистам сделать свое дело. Население было напугано террором. Владыка был арестован и под красногвардейским эскортом доставлен в местный **{74}** Революционный Комитет, где подвергся издевательствам и побоям. Официально Владыку обвинялся в организации белогвардейского восстания.

Иеромонах Д., келейник Владыки, на следующий день вызванный к епископу для исповеди и причастия, передавал, что Преосвященный мужественно переносил глумления и побои, следы которых были на его лице и теле. При этом Владыка был в солдатском одеянии, острижен и без бороды.

Однако, в Вязьме большевики не решались произвести окончательную расправу с арестованным епископом, имя которого было слишком популярно и благоговейно чтилось населением. Уже позже, осенью этого же года, с соблюдением строжайшей тайны, его перевезли в Смоленск, где он и был расстрелян.

Имеются сведения, что дочь Владыки, переодевшись нищенкой, подвергаясь смертельной опасности, издали проследила весь крестный путь своего отца. Этот путь и последние минуты жизни Владыки в то время представлялись в таком виде.

Обреченные, в числе 14 человек, среди которых находился и Владыка, в котором было трудно теперь признать среброволосого, Саваофоподобного епископа Макария, были доставлены в пустынное место за г. Смоленском. Построили всех спиной к свежевырытой яме. Один из палачей, подходя к каждому обреченному, производил из револьвера выстрел в лоб, а не в затылок, как это было обычно принято, и жертва валилась на дно ямы.

Владыка, с четками в руках, находился в конце шеренги и горячо молился не спуская взора с казнимых. А когда замечал упадок духа и слышал стенания у того, к кому приближался палач, он, никем не останавливаемый, выходил из линии и приблизясь к несчастному, благословлял его, проникновенно произнося: «с миром отыди» ... И так он один, властный и сильный духом среди всех немощных, поступал до последнего упавшего в яму убитого.

Теперь у края ямы стоял только один он, самый последний. В предутреннем рассвете гасли последние звезды. Владыка быстро перебирал четки. Взор его, полный веры, устремлен в небо, и вероятно радость и свет Царства Божия открывались духовным очам мученика. Уста его шептали последние молитвы. К Владыке, которого уже ничто земное не касается и не тревожит, медленным шагом подходит палач. Им на мгновение овладевает как бы нерешительность. Рука с револьвером была опущена вниз. Может быть в его темной душе еще совершалась какая-то внутренняя борьба. Но вот он рукой делает жест {75} отрицания. Лицо его деревнеет, зубы сжимаются. Рука его поднимается на линию цели. Раздался выстрел и Святитель Божий упал в свою могилу.

Человек, бывший в это время в Вязьме и давший описание этого события, имеет рекомендацию от своего духовного пастыря, как свидетель верный. Однако, к этому мы добавляем рассказ женщины врача о ее встрече с одним больным, участником убийства епископа Макария. Пусть будет некоторое расхождение в этих рассказах, но могут быть потом дополнительные и неоспоримые данные, которые покажут нам, что именно в этих рассказах было неточного. Во всяком случае, мы и теперь можем предположить, что врач недостаточно точно вспоминает рассказ своего пациента.

Рассказ женщины-врача.

Осенью 192... года ко мне в амбулаторию явился крестьянин Смоленской губернии, уволенный от военной службы по причине активного туберкулезного процесса в одном легком. Своевременно он отбывал военную повинность при царе и в гражданскую войну был мобилизован из запаса. Больному было 35 лет. Все время он жил в семье отца, имел двух детей. Семья, по его словам, была дружная и зажиточная. Заболел он недавно и, принимая во внимание его возраст и хорошие условия для лечения, я надеялась, что он поправится. От наложения пневмоторакса он отказался. По моему совету ему отведена была отдельная комната (пристройка новая, солнечная), и он поселился там вдвоем с женой. Питание предоставлено было ему прекрасное (имелся даже свой пчельник) и пищу давали по моему расписанию по часам. Температура его была 38 град. Я его просила приехать через две недели.

Больной приехал в указанный срок и, к моему удивлению, температура его повысилась. Я обратилась к жене его с вопросом: нет ли семейных трений? Ответ: никаких.

Но, затем, смущаясь, прибавляет: «Только вот сон ему все один снится, и тогда он просыпается в испарине и не может уже уснуть».

Попросила я больного рассказать этот сон. Узнала следующее. За несколько месяцев до этого, отбывая службу в Смоленске, он получил приказ явиться в указанное место, куда-то за город. Вместе с несколькими товарищами для расстрела преступника — врага народа. Конечно, приказ выполнили. Вскоре привезли и «преступника»: из автомобиля вышел не то {76} священник, не то монах, небольшого роста, седой, тщедушный.

Когда больной увидел, что «преступник» духовное лицо, у него по его словам «захолонуло» сердце.

Преступник осенил себя крестным знамением и попросил не завязывать ему глаза, а только указать место, где ему следует стать. Ему указали. Он бодро направился туда и, проходя мимо красноармейцев, вдруг остановился около моего больного, благословил его и сказал: «Сын мой, да не смущается сердце твое — твори волю пославшего тебя».

Дойдя до указанного места, он остановился и громко сказал:

«Отец мой! Прости им, не ведают, бо, что творят. Прими дух мой с миром».

Раздался приказ стрелять, и трагедия окончилась...

После больной узнал, что убили епископа Макария. Ночью больной увидел его во сне: епископ благословил его, но ничего не сказал. С тех пор больной нередко видит его во сне и всегда епископ благословляет его, ничего не говоря.

Приведу слова больного: «Я так понимаю, что убили мы святого человека. Иначе, как мог он узнать, что у меня захолонуло сердце, когда он проходил? А ведь он узнал и благословил из жалости, и теперь из жалости является ко мне, благословляет, как бы этим говоря, что не сердится. Но я то знаю, что моему греху нет прощения, и Божий свет мне стал не мил. Я все исполнил, что вы приказали, но жить я недостоин и не хочу».

Я решила, что это душевная травма и надо применить психотерапию. Просила его приезжать ко мне на квартиру и несколько раз, насколько у меня хватило уменья, я старалась убедить его в необходимости жить. Иногда он соглашался с моими доводами, но чаще все разбивал словами: «Но как же жить, когда свет Божий не мил?»

Я понимала, что священник гораздо лучше меня поговорил бы с ним на эту тему, но кругом не было подходящего человека. Температура больного неуклонно повышалась, процесс расширялся и углублялся, и весной он умер. Я осталась в убеждении, что или у меня не хватило уменья для психотерапии, или же ему была нанесена не травма, а смертельная душевная рана.

Грустно становится, когда думаешь, что, вероятно, больной далеко не единственная жертва возмущенной совести, поруганной большевизмом.

ГЛАВА 9.

ИОАКИМ, АРХИЕПИСКОП НИЖЕГОРОДСКИЙ

Преосвященный Иоаким, сын причетника Киевской епархии, в мире именовался Иоанном Иоакимовичем Левицким, родился в 1853 г. Высшее образование получил в Киевской духовной академии. В 1879 г. был назначен преподавателем в Рижскую духовную семинарию. 24 июня 1880 г. рукоположен в сан священника к Рижскому кафедральному собору с оставлением преподавателем. Овдовев, он принял монашество 28 июня 1893 г., с назначением ректором Рижской семинарии, с возведением в сан архимандрита. 14 января 1896 г. был хиротонисан в епископы Балтского викария Каменец-Подольской епархии. В 1897 г. был назначен епископом Брестским, а 11 января 1900 г. — Гродненским. В бытность ректором в Риге, Владыка состоял редактором епархиальных вед. и поместил на страницах журнала несколько статей с историко-статистическим описанием епархий по церковной истории Прибалтийского края. После ухода из Оренбурга на покой в Андronиев монастырь в Москве епископа Владимира Соколовского (быв. епископа в Америке), в Оренбург был назначен в 1903 г. Преосвященный Иоаким. В 1909 г. он был переведен в Нижний Новгород с возведением в сан Архиепископа.

Это был святитель выдающихся духовных дарований, религиозной настроенности, пламенный проповедник, пророческого вдохновения, человек доброго, отзывчивого сердца. Его любили за удивительный кроткий нрав, проповедничество и обаятельный вид.

Везде он оставил о себе добрую память, но наши подробные сведения о его трудах относятся только ко времени его пребывания в Оренбургской епархии.

Владыка Иоаким был в исключительном смысле покровителем и защитником миссионерского дела в этой епархии, широко развив внутреннюю и внешнюю ее миссию.

В Оренбургской епархии были миссионерские станы, долг которых был просвещать киргиз, башкир и татар, обращать их в христианство и насаждать в аулах русские школы.

При Влад. Иоакиме громадное количество иноверцев было присоединено к Прав. Церкви. В Оренбургской семинарии было введено преподавание татарского языка и изучение мусульманства, как обязательный предмет.

{78} Владыка Иоаким изыскал средства на содержание четырех епархиальных миссионеров с хорошим окладом годового жалованья.

Лично он обратил множество сектантов и раскольников в епархии в православие и насаждал единоверческие приходы, сам служа в них по старопечатным книгам. В поселке Сухорченском в 1905 г. он обратил (с помощью местных миссионерских сил) старообрядческого священника о. Савву Сладкого, с которым в единоверие последовало несколько сот семейств и образовался большой приход, ежегодно увеличивавшийся за счет присоединений. В деле обращения старообрядцев в единоверие ему много помогал синодальный миссионер о. Ксенофонт Крючков, бывший в начале своей деятельности (в 80-х годах Оренбургским епархиальным

миссионером. Благодаря их совместной деятельности в Уральской области на протяжении 700 верст (от пределов Оренбургской губ. до Каспийского моря) было построено более 50 единоверческих храмов, школ с причтами. Сотни и тысячи казаков и иногородних обращались в православие на правах единоверия и епархия ежегодно увеличивалась на десятки новых приходов.

† Иоакимъ Архиепископъ Нижегородскій.

В 1903 г. в Тургайскую область началось переселенческое движение из южных областей России. В духовном отношении переселенческая масса была предоставлена самой себе. Так случилось, что о Тургайских поселенцах все забыли и Глав. переселенческое ведомство сосредоточило свои заботы о крестьянах Сибири, Алтая и Приморья. Вместе с переселенцами из южных губерний в Тургай попало немало сектантов. В каждом поселке оказались баптисты, или адвентисты-субботники, имев во главе иногда полуграмотных «пресвитеров» и пасторов, которые не преминули вскоре же основать свои молитвенные собрания.

Православные же в духовном отношении представляли «овец, неимущих пастыря». Сектанты этим воспользовались и стали усиленно приглашать их на свои моления. Не имея места, где можно было бы удовлетворить свои религиозные потребности, православные переселенцы во множестве заполняли сектантские молельни и незаметно для себя оказывались в

сектантских общинах. Родились дети, умирали старики, молодые вступали в брачное сожительство, а совершить таинство было некому. Особенно тяжело переживало православное население дни великого поста и великих праздников. В одном поселке переселенцы собрались в пасхальную ночь на площади, предназначенной для постройки храма, водрузили на длинном шесте колокол, привезенный из Таврической губ., позвонили в него несколько минут, пропели, как {79} умели, «Христос Воскресе» и разошлись тоскливо по хибаркам и землянкам разговаривать. В такие дни сектанты устраивали свои торжественные моления и настойчиво приглашали православных прийти «послушать пение и проповедь». Многие шли нехотя, а потом оставались там и навсегда.

В конце 1906 г. и в начале 1907-го Преосвященный Иоаким послал в Тургайскую область двух епархиальных миссионеров-священников, которые могли лично убедиться в том, что целая область находится в сектантском пленении. Миссионерская поездка двух проповедников внесла оздоровляющее действие на уклонившихся: люди несли десятками младенцев для крещения, молодые пары новобрачных приходили с просьбой «принять закон», т. е. обвенчаться по православному чину, а множество верующих обращались с мольбами отпеть покойников, похороненных без церковного чина.

По возвращении миссионеров Преосвященный Иоаким составил обстоятельный доклад Св. Синоду, который сверх годовой сметы ассигновал 50 тысяч рублей на устройство храмов и школ в Тургайской области. Были экстренно созданы миссионерские курсы в Оренбурге и Кустанае, на которых в течение четырех месяцев готовились кандидаты во священники, главным образом из народных учителей, псаломщиков и опытных диаконов. На средства синода были построены храмы, школы и больницы и каждый (центральный) пункт получил священника-учителя. Началась новая жизнь для Тургайской области. Многие ревностные пастыри из других уездов просились на «миссионерскую работу» в Тургай и таким образом в короткий срок вся область покрылась хорошо организованными приходами во главе с идейными пастырями и сектантской пропаганде был положен конец. Увлекшиеся сектантством без затруднений обращались в православие, везде были заведены вечерние богослужения с беседами священников, стали открываться приходские религиозно-просветительные и миссионерские братства и таким образом Православие в области было спасено.

Преосвященный Иоаким в 1908 г. сам посетил область. В каждом поселке его встречали массы верующих, в больших пунктах он служил торжественные литургии, миссионеры проповедовали и распространяли противосектантскую литературу. Сам Владыка, незаурядный оратор, поражал всех знанием свящ. писания и в своих поучениях кратко, но сильно и убедительно поражал заблуждения отступников. Каждый год присоединенные к православию увеличивались. После присоединения к {80} православию сектантского «пресвитера» из пос. Викторовки, сектанты замолкли и нигде во всей области не наблюдалось отступлений в сектантство.

Присоединенный из баптизма бывший главарь секты, по фамилии Простибоженко, хороший знаток пения и регент, вместе со своей многочисленной семьей занял и в православной общине видное место, как горячий апологет православия. Владыка Иоаким очень сердечно отнесся к новому защитнику веры и даже предложил ему сан священника,

от которого тот по скромности и смирению, отказался, приняв на себя должность псаломщика, регента и сотрудника миссионера.

Владыка Иоаким, по апостолу, «много раз был в путешествиях» (2 Кор. II, 26) со многими их опасностями.

Епархия была единственная в России по размерам: в нее входили — Оренбургская губ., Тургайская обл. и земля Уральского казачьего войска.

От реки Тобола Челябинского узда и до г. Гурьевна Каспийском море по прямой линии было ровно 3 тысячи верст.

И эту огромную территорию Вл. Иоаким объезжал ежегодно, иногда посещая такие места, г. Гурьев, где архиерея не видали 25 лет.

В своих путешествиях он был неутомим, делая сотни верст в теле. Кому приходилось сопровождать его в поездках дивились его выносливости.

Он был из вдовых священников, имел двух сыновей и будучи сам искушен, мог и искушаемым помочь.

Трудно определить сколько он спас людей и духовных, и мирских от отчаяния и окончательного падения!

Был случай, когда он спас от самоубийства диакона Г-ко, который вследствие семейной драмы, готов был наложить на себя руки.

Он ночью к нему приехал, забрал его, хмельного, в свою карету, привез в архиерейский дом и целую неделю продержал у себя, заставив его ежедневно служить в «крестовой».

Человек пришел в себя, одумался, взвесил свои поступки и оценил любовь Владыки.

Преосвященный Иоаким впоследствии рукоположил его в сан священника и назначил его в один из боевых приходов в П-й завод, состоящий из рабочего населения.

Гир-ко своими трудами буквально переродил буйную рабочую вольницу и явил в своем лице тип идеального пастыря.

Преосвященный Иоаким покровительствовал просвещению и при нем церковные школы увеличивались и процветали. Бедных семинаристов он одевал с ног до головы из своих {81} средств, рукополагал во священство и снабжал деньгами на обзаведение хозяйством.

Воистину — это был благодетель, творивший много добрых дел и явно, и тайно.

Преосвященный Иоаким был страстный любитель пения.

Из Оренбурга Преосвященный Иоаким был переведен в Нижний Новгород.

Нижегородцы сразу полюбили нового Владыку и он там святительствовал до самой революции.

Еще при Врем. Правительстве, он сидел в тюрьме в Нижнем. С захватом власти большевиками он был снова арестован. Сам ли он пред этим попал в Крым или был привезен туда, но в кафедральном соборе г. Севастополя его повесили на царских вратах вниз головою.

Так скончал мученически свою жизнь один из выдающихся святителей Русской Церкви.

ГЛАВА 10.

ПЛАТОН, ЕПИСКОП РЕВЕЛЬСКИЙ.

14-е января 1919 года — день мученической кончины первого национального епископа Эстонской Церкви Платона, зверски убитого большевиками в подвале Кредитного банка в гор. Юрьев.

Епископ Платон, в мир Павел Петрович Кульбуш, сын псаломщика Рижской епархии, родился 13-го июля 1869 года. По окончании курса С. Петербургской духовной академии со степенью кандидата-магистранта богословия, он был в 1894 году определен на должность настоятеля эстонского православного прихода в Петербург. Занимая эту должность в течение 23-х лет, о. Павел Кульбуш по достоинству выдвинулся в первые ряды столичного духовенства, как выдающийся пастырь и администратор. Когда в Эстонской Православной Церкви в 1917 году возник вопрос о замещении кафедры бывшей Рижской епархии, то общий голос духовенства и мирян назвал имя о. Павла Кульбуши. Св. Синод признал желание православных эстонцев заслуживающим удовлетворения, а о. Павла достойным кандидатом на должность епископа. 13 января 1918 года о. Павел Кульбуш (в монашестве Платон) митрополитом Петроградским Вениамином (убитым большевиками в ночь с 12-го на 13-е августа 1922 года) и епископом Лужским Артемием был рукоположен в сан епископа. Вступив в управление вверенными ему православными приходами в Эстонии, Владыка Платон ревностно принял за восстановление приходской жизни, пришедшей в расстройство за время революционной смуты 1917 года. Время было страшное: грабежи, насилия, убийства вносили в жизнь ужас и отчаяние, люди не были уверены в завтрашнем дне и нуждались в духовном ободрении и утешении. Епископ Платон за время своего кратковременного святительства лично посетил 71 приход, всюду восстанавливая нарушенную церковную жизнь и словами любви и ободрения внося утешение в смятенные души верующих.

Но не долго православное духовенство и народ Эстонии пользовались счастьем быть водимыми своим мудрым и благостным архиепископом.

{83} 19-го декабря 1918 года, немецкие войска, оккупировавшие Эстонию во второй половине года, покинули город Тарту (б. Юрьев), где в то время, оправляясь от перенесенной тяжелой болезни, проживал Епископ Платон. 21 того же декабря городом завладели большевики и со свойственной им жестокостью принялись за кровавую расправу со всеми, кто не с ними. 2-го января 1919 года Епископ Платон был задержан на улице и заключен вместе со многими другими в помещение Кредитного банка, превращенное в тюрьму. 14-го января г. Тарту смелым натиском белых эстонских войск был отбит, но большевики, оставляя город, по своему обыкновению, успели «хлопнуть дверью». В 10 ½ часов утра, отобрав насильно около 20 человек из заключенных в Кредитном банке заложников, они отвели их в подвальное помещение банка и там убили их самым зверским способом. После ухода большевиков в подвале банка было найдено и извлечено около 20 трупов, при чем некоторые из них были изуродованы до неузнаваемости. Тело Епископа Платона носило на

себе следы 7 штыковых и 4 огнестрельных ран, причем одна из них, в правый глаз, — разрывною пулею.

В числе убитых в подвалах Кредитного банка в г. Тарту, кроме Епископа Платона, были два протоиерее, — Н. Бежаницкий и М. Блейве, один пастор и несколько купцов.

Тело Епископа Платона в торжественной процессии было перевезено в г. Таллин, и здесь погребено 9-го февраля того же года у левого клироса Спасо-Преображенского собора.

17-18 января 1931 года состоялось торжественное освящение мраморного саркофага над могилою Епископа Платона, сооруженного на средства, ассигнованные Правительством и собранные путем пожертвований.

День смерти Епископа Платона и других с ним ежегодно отмечался в Эстонии, как день всеобщей скорби.

† Платон Епископ Ревельский.

ГЛАВА 11.

ПАТРИАРХ ТИХОН.

Патриарх Тихон — самый великий страдалец из всех страдальцев Русской Церкви этой страшной эпохи гонений.

Он был только тринадцать месяцев в заключении (с 16 мая 1922 г. до 15 июня 1923 г.), но более тяжкой порой его жизни было все время пребывания его на свободе в течении всех недолгих лет его патриаршества (с 21 ноября 1917 г. по 25 марта 1925 г.), которое и было сплошным подвигом мученичества. Все эти годы он фактически жил в заключении и умер в борьбе и в скорби. Облекаемый в эту пору высшими полномочиями, он избранием Церкви и жребием Божиим был жертвой, обретенной на страдания за всю Русскую Церковь (Надеемся, что о патриархе Тихоне будут сделаны отдельные, подробнейшие исчерпывающие исследования.).

Патриарх Тихон, в мир Василий Иванович Беллавин, родился 19-го января 1865 г. в Торопце, Псковской губ., где отец его всю свою жизнь был священником. Город этот тем замечателен, что похож на Москву необычайным обилием церквей; в маленьком городке церкви на каждом шагу, все старинные и довольно красивые. Есть в нем и местная святыня, древняя Корсунская икона Божией Матери, известная в русских летописях с самых первых времен христианства на Руси. Жизнь там была крайне патриархальная, со многими чертами старинного русского быта: ведь ближайшая железная дорога была тогда верстах в 200 от Торопца.

Учился он в Псковской Духовной семинарии в 1878-1883 гг., скромный семинарист отличавшийся религиозностью, ласковым и привлекательным характером. Он был довольно высокого роста, белокурый. Товарищи любили его, но к этой любви всегда присоединялось и чувство уважения, объяснявшееся его неуклонной, хотя и вовсе не аффективированной, религиозностью, блестящими успехами в науках и всегдашнею готовностью помочь товарищам, неизменно обращавшимся к нему за разъяснениями уроков, особенно за помощью в составлении и {85} исправлении многочисленных в Семинарии «сочинений», т. е. письменных работ. В этом юный Беллавин находил для себя даже какое-то удовольствие, веселье, и с постоянной шуткой, хотя и с наружно серьезным видом, целыми часами возился с товарищами, по одиночке или группами, внимавшими его объяснениям. Замечательно, что товарищи в Семинарии шутливо называли его «архиереем». В Петроградской Духовной Академии, куда поступил он 19 лет, на год моложе нормы, не принято было давать шутливые прозвища, но товарищи по курсу, очень любившие ласкового и спокойно религиозного псковича, называли его уже «патриархом». Впоследствии, когда он стал первым в России, после 217 летнего перерыва, патриархом, его товарищи по Академии не раз вспоминали это пророческое прозвище. Отец В. Беллавина предвидел, что сын его будет необычайным.

Однажды, когда он с тремя сыновьями спал на сеновале, то вдруг ночью проснулся и разбудил их. «Знаете, заговорил он, я сейчас видел свою покойную мать, которая предсказала мне скорую кончину, а затем, указывая на вас, прибавила: этот будет горюном всю жизнь, этот умрет в молодости, а этот — Василий — будет великим».

Понял ли старец священник, что его сына будут на всех екстенях по всей России и даже по всему миру поминать великим господином. Пророчество явившейся покойницы со всею точностью исполнилось на всех трех братьях.

† Патриарх Тихон в 1917 году.

И в Академии, как и в Семинарии студент Беллавин был всеобщим любимцем. Это особенно сказалось, когда ректор Академии епископ Антоний, впоследствии Митрополит Петербургский, сменил за неблагонадежность выбранного студентами библиотекаря. Студенты запротестовали и никого не хотели избирать, кроме уволенного начальством. А библиотека была студенческая, содержавшаяся на средства, добываемые студентами, и должность библиотекаря — выборная. Тогда ректор Академии назначил свою властью библиотекарем В. И. Беллавина. Популярность его среди студентов была так велика, что никто не стал протестовать против нарушения студенческих прав.

В 1888 г. Беллавин 23-х лет от роду оканчивает Академию и в светском звании получает назначение в родную Псковскую Духовную Семинарию преподавателем. И здесь он был любимцем не только всей Семинарии, но и города Пскова. Жил он в патриархальном Пскове скромно, на мезонине деревянного домика, в тихом переулке близ церкви «Николы Соусохи» (там сохранилось много старинных названий), и не чуждался дружеского общества.

{86} Но вот разнеслась неожиданная весть: молодой преподаватель подал Архиепископу прошение о принятии монашества, и скоро будет

его пострижение. Епископ Гермоген, добрый и умный старец, назначил пострижение в семинарской церкви, и на этот обряд, редкий в губернском городе, да еще над человеком, которого многие так хорошо знали, собрался чуть не весь город. Опасались, выдержать ли полы тяжесть собравшегося народа (церковь во втором этаже семинарского здания) и, кажется, специально к этому дню поставили подпорки к потолкам в нижнем этаже. Очевидцы помнят, с каким чувством, с каким убеждением отвечал молодой монах на вопросы архиерея о принимаемых им обетах: «Ей, Богу содействующему». Постригаемый вполне сознательно и обдуманно вступал в новую жизнь, желая посвятить себя исключительно служению Церкви. При постриге не случайно дается столь соответствующее ему имя Тихона, в честь Святителя Тихона Задонского.

В 1891 г. на 26 году своей жизни он принял монашеский постриг.

Из Псковской Семинарии иеромонаха Тихона переводят инспектором в Холмскую Духовную Семинарию, где он вскоре затем был и ректором ее в сане архимандрита. На 34-ом году — в 1898 году архимандрит Тихон возводится в сан Епископа Люблинского, с назначением викарием Холмской Епархии. Очень недолго он был на положении викарного епископа. Через год он получает самостоятельную кафедру в стране далече — Алеутско-Аляскинскую, в Северной Америке, которую принял по монашескому послушанию.

С каким волнением уезжал в далекие края молодой епископ, вместе с младшим своим братом, болезненным юношей, покидая в Псковской губернии горячо любимую им мать-старушку; отца его тогда уже не было в живых. Брат его скончался на руках преосвященного Тихона, несмотря на все заботы о нем в далекой Америке, и лишь тело его было перевезено в родной Торопец, где жила еще старушка-мать. Вскоре с ее кончиной, не осталось в живых никого из родственников будущего патриарха.

И в Америке, как и в предыдущих местах службы, епископ Тихон снискал себе всеобщую любовь и преданность. Он очень много потрудился на ниве Божией в С. Америке и С. Американская Епархия очень многим ему обязана. За то его бывшая там паства неизменно помнит своего Архипастыря и глубоко чтит его память.

{87} Сам он вспоминал об этом времени, как о том, которое расширило его церковно-политический кругозор, познакомило с новыми формами человеческих взаимоотношений и подготовило к тому, что пришлось ему испытать впоследствии.

За время службы в Америке (около 7 лет) преосвященный Тихон только один раз приезжал в Россию, когда был вызван в Св. Синод для участия в летней сессии. Тут перед высшими иерархами и перед светскими правителями церкви, — тогда оберпрокурорствовал еще К. П. Победоносцев, — обнаружились духовно-административные таланты молодого епископа. В 1905 году он был возведен в сан архиепископа, а в 1907 г. призван к управлению одной из самых старейших и важнейших епархий в России, Ярославской. Там в Ярославле, он пришелся всем по душе. Все полюбили доступного, разумного, ласкового архипастыря, охотно откликавшегося на все приглашения служить во многочисленных храмах Ярославля, в его древних монастырях, даже приходских церквях обширной епархии. Часто посещал он церкви и без всякой помпы, даже ходил пешком, что в ту пору было необычным делом для русских архиереев. А при посещении церквей внимал во все подробности церковной обстановки, даже поднимался иногда на колокольню, к

удивлению батюшек, непривычных к такой простоте архиереев. Но это удивление скоро сменялось искреннею любовью к архипастырю, разговаривавшему с подчиненными просто и ласково, с добродушною шуточкою, без всякого следа начальственного тона. Даже замечания обыкновенно делались добродушно, иногда с шуткою, которая еще более заставляла виновного стараться исправить замеченную неисправность.

Ярославцам казалось, что они получили идеального архипастыря, с которым никогда не хотелось бы расставаться. Но высшее церковное начальство Преосвященного Тихона скоро перевело на Виленскую кафедру, а в Ярославль прислали Виленского Архиепископа Агафангела. Проводы Преосвященного Тихона в Ярославль были необычайно трогательны: всеобщая любовь и уважение к нему ярославцев сказалось в том, что Городская Дума избрала его почетным гражданином Ярославля, — отличие, не выпавшее на долю ни одному, кажется, из тогдашних архиереев.

В Вильне от православного архиепископа требовалось много такта. Нужно было угодить и местным властям и православным жителям края, настроенным иногда крайне враждебно к полякам, нужно было и не раздражать поляков, составлявших большинство местной интеллигенции, нужно было всегда держать во {88} внимании особенности духовной жизни края, отчасти ополяченного и окатоличенного.

Для любящего во всем простоту архиепископа Тихона最难 was to maintain the external prestige of the spiritual leader of the church in the region, where he was not forgotten, but also did not have the status of a Polish gonor. He highly valued the nobility of the people and the beauty of the church. In this regard, he was simple and modest, although he was not always able to avoid the gaze of the people. He was not afraid to be seen in public places, even if it was not always appropriate. He was always ready to help those in need, regardless of their social status or religious affiliation. He was a true example of humility and compassion, which made him loved and respected by all.

Здесь, в Вильне, Преосвященный застало в 1914 г. объявление войны. Его епархия оказалась в сфере военных действий, а затем через нее прошел и военный фронт, отрезавший часть епархии от России. Пришлось Преосвященному покинуть и Вильну, вывезти лишь св. мощи и часть церковной утвари. Сначала он поселился в Москве, куда перешли и многие виленские учреждения, а потом в Дисне, на окраине своей епархии. Во всех организациях, так или иначе помогавших пострадавшим на войне, обслуживавших духовные нужды воинов и т. п. преосвященный Тихон принимал деетельное участие, посещал и болящих и страждущих, побывал даже на передовых позициях, под неприятельским обстрелом, за что получил высокий орден с мечами. На это же время падает и присутствие архиепископа Тихона в Св. Синоде, куда он неоднократно вызывался правительством.

Между прочим, по поручению Синода, он должен был совершить далекое и не особенно приятное путешествие в Тобольск, для расследования громкого дела о самовольном прославлении мощей

пресловутым епископом Варнавой, которого поддерживал Распутин. Как всегда, преосвященный Тихон действовал примирительно и много способствовал благополучному окончанию дела.

Всего тяжелее оказалось положение архиепископа Тихона во дни революции, когда он был в Синоде, а на кресле К. П. Победоносцева и В. К. Саблера оказался неуравновешенный {89} В. Н. Львов. Тотчас же революционный обер-прокурор изгнал из Синода митрополитов Питирима и Макария, получивших свои посты не без влияния Распутина, но и остальным членам Синода трудно было ладить с В. Н. Львовым.

Затем весь состав Синода был сменен: был освобожден от присутствия в нем и преосвященный Тихон. Вскоре москвичам пришлось избирать себе архипастыря, вместо удаленного на покой митрополита Макария, и вот на московскую кафедру был избран виленский архиепископ Тихон.

Что повлияло на этот выбор, совершенно неожиданный и для самого преосвященного Тихона. Несомненно рука Божия вела его к тому служению, какое он понес для славы Церкви. В Москве его мало знали. В Петроград приезжали особо уполномоченные от московских духовных и светских кругов, чтобы собрать сведения о достойных кандидатах; в собрании, особо для них устроенном, называлось много имен, было названо и имя архиепископа Тихона, но определенно ни на ком не остановились. На предварительных собраниях в Москве, перед выборами архипастыря, имя архиепископа Тихона также не выступало на первую очередь; больше голосов было за А. Д. Самарина, и только решительное голосование в храме, пред древней святыней Москвы, Владимирской иконой Божией Матери, дало значительный перевес пред всеми архиепископу Тихону; он был торжественно провозглашен и утвержден Св. Синодом. Возможно, что близость Ярославля к Москве имела здесь некоторое значение: ярославцы хорошо помнили архиепископа Тихона.

Москва торжественно и радостно встретила своего первого избранника-архипастыря. Он скоро пришелся по душе москвичам, и светским, и духовным. Для всех у него находится равный прием и ласковое слово, никому не отказывает он в совет, в помощи, в благословении. Скоро оказалось, что Владыка охотно принимает приглашения служить в приходских церквях, — и вот церковные причты и старосты начинают, наперебой, приглашать его на служение в приходские праздники, и отказ никому нет. После службы архипастырь охотно заходит и в дома прихожан, к их великой радости. В короткое время своего архиерейства знает вся Москва, знает, уважает и любит, что ясно обнаружилось впоследствии.

15-го августа 1917 г. в Москве открылся Священный Собор, и Архиепископ Московский Тихон получил титул Митрополита, а затем был избран Председателем Собора.

По началу Собора, на котором были течения об умалении даже власти архиерейской, трудно было предвидеть {90} восстановление Патриаршества и только после большевицкого переворота, под грохот пушек, Собор решил избрать Патриарха.

На Соборе рядом со специалистами канонического права и богословия сидели и простые крестьяне, и сплошь да рядом, в самых серьезных вопросах одерживали верх мнения не людей науки, а простых смиренных крестьян. Один из крестьян сказал: «у нас нет больше царя, нет отца, которого мы бы любили; Синод любить невозможно, а потому мы, крестьяне, хотим патриарха».

В это время в Москве стояла несмолкаемая канонада, — большевики обстреливали Кремль, где дружно держалась еще кучка юнкеров. Когда Кремль пал, все на Соборе страшно тревожились и об участии молодежи, попавшей в руки большевиков, и о судьбе Московских святынь, подвергавшихся обстрелу. И вот, первым спешит в Кремль, как только доступ туда оказался возможным, Митрополит Тихон, во главе небольшой группы членов Собора. С каким волнением выслушивал Собор живой доклад Митрополита, только что вернувшегося из Кремля, как перед этим члены Собора волновались из опасения за его судьбу: некоторые из спутников Митрополита вернулись с полпути и рассказали ужасы о том, что они видели, но все свидетельствовали, что Митрополит шел совершенно спокойно, не обращая внимания на озверевших солдат, на их глазах расправлявшихся с «кадетами», и побывал везде, где было нужно. Высота его духа была тогда для всех очевидна.

Спешно приступили к выборам Патриарха: опасались, как бы большевики не разогнали Собор. Решено было голосованием всех членов Собора избрать трех кандидатов, а затем предоставить воле Божией, посредством жребия, указать избранника. И вот, усердно помолившись, члены Собора начинают длинными вереницами проходить перед урнами с именами намеченных кандидатов. Первое и второе голосование дало требуемое большинство митрополитам Харьковскому и Новгородскому, и лишь на третьем выдвинулся Митрополит Московский Тихон. Перед Владимирскую икону Божией Матери, нарочно принесенную из Успенского Собора в Храм Христа Спасителя, после торжественной литургии и молебна 28-го октября, схимник, член Собора, благоговейно вынул из урны один из трех жребиев с именами кандидатов, и Митрополит Киевский Владимир, провозгласил имя избранника — Митрополита Тихона. С каким смиренiem, с сознанием важности выпавшего жребия, и с полным достоинством принял преосвященный Тихон известие о Божием избрании. Он не жаждал нетерпеливо этой вести, но и не {91} тревожился страхом, — его спокойное преклонение перед волей Божией было ясно видно для всех. Когда торжественная депутация членов Собора, во главе с высшим духовенством, явилась в церковь Троицкого подворья в Москве, для «благовестия» о Божием избрании и для поздравления вновь избранного Патриарха, преосвященный Тихон вышел из алтаря в архиерейской мантии и ровным голосом начал положенный по церемониалу краткий молебен.

После молебна Митрополит Владимир, обращаясь к новоизбранному, произнес: «Преосвященный Митрополит Тихон, Священный и великий Собор призывает твою святыню на Патриаршество Богоспасаемого града Москвы и всее России», на что митрополит Тихон отвечал: «понике Священный и великий Собор судил меня, недостойного, быти в таком служении, благодарю, приемлю и нимало вопреки глоголю». Вслед за провозглашенным затем ему многолетием митрополит Тихон обратился к Соборному Посольству с кратким словом:

«Возлюбленные о Христе отцы и братие. Сейчас я изрек по чиноположению слова: «Благодарю, и приемлю, и нимало вопреки глоголю». Конечно безмерно мое благодарение ко Господу за неизреченную ко мне милость Божию. Велика благодарность и к Членам Священного Всероссийского Собора за высокую честь избрания меня в число кандидатов на патриаршество. Но, рассуждая по человеку, могу многое глаголать вопреки настоящему моему избранию.

Ваша весть об избрании меня в Патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: «Плачь, и стон и горе», и каковой свиток должен был съесть пророк Иезекиль (II, 101 III, 1). Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении, и особенно — в настоящую тяжелую годину! Подобно древнему вождю еврейского народа — Моисею, и мне придется говорить ко Господу: «для чего Ты мучишь раба Твоего? И почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? Разве я носил во чреве весь народ сей и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка? Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня» (Числ XI, 11-14). Отныне на меня возлагается попечение о всех церквях Российских и предстоит умирание за них во вся дни. А к сим кто доволен, даже и из крепких мене! Но да будет воля Божия! Нахожу подкрепление в том, что избрания сего я не искал, и оно пришло помимо меня и даже помимо людей, по жребию Божию. Уповаю, что Господь, призвавший меня, Сам он поможет мне Свою всесильную благодатию нести бремя, возложенное на меня, и сделает его легким бременем. Утешением и ободрением служит для меня и то, что избрание мое совершается не без воли Пречистые Богородицы. Дважды Она, присуществоем Своего честные иконы Владимирская, в храме Христа Спасителя присутствует при моем избрании в настоящий раз самый жребий взят от Чудотворного Ее образа. И я как бы становлюсь под честным Ее омофором. Да прострет же Она — Многомощная — и мне слабому руку Своего помочи, и да избавит и град сей, и всю страну Российскую от всяких нужды и печали».

{92} Время перед торжественным возведением на патриарший престол митрополит Тихон проводил в Троице-Сергиевой Лавре, готовясь к принятию высокого сана. Соборная комиссия спешно вырабатывала давно забытый на Руси порядок поставления Патриархов, особенности их служения, отличия в одеждах и т. под. Большевики тогда не закрыли еще Кремля, и можно было совершить церемонию в древнем патриаршем Соборе — Успенском, где сохранился и патриарший трон на горнем месте, — на него никто не садился со времени последнего Патриарха, — и особое патриаршее место. Добыли из богатой патриаршей ризницы облачения русских Патриархов, жезл Митрополита Петра, митру и белый клобук патриарха Никона и др. Интересно отметить, что клобук и мантия Никона оказались вполне пригодными для нового Патриарха.

Великое церковное торжество происходило в Успенском Соборе 21 ноября 1917г. Мощно гудел Иван Великий, кругом шумели толпы народа, наполнявшие не только Кремль, но и Красную площадь, куда были собраны крестные ходы изо всех московских церквей. За литургией два первенствующие митрополита при пении «аксиос» (достоин) трижды возвели Божия избранника на патриарший трон, облачили его в присвоенные его сану священные одежды.

Когда митрополит Владимир вручил ему с приветственным словом жезл Святителя Петра, митрополита Московского, Святейший Патриарх ответил исполненою глубины прозрения речью.

«Устроением Промышления Божия, мое вхождение в сей Соборный Патриарший Храм Пречистые Богоматери совпадает с всечестным праздником Введения во Храм Пресвятые Богородицы.

Сотвори Захария вещь странну и всем удивительну, егда введе в самую внутреннюю скинию, во Святая Святых, сие же сотвори по таинственному Божиему научению. Дивно для всех и мое — Божиим устройением — нынешнее вступление на Патриаршее место, после того, как свыше 200 л. стояло пусто. Многие мужи, сильные словом и делом, свидетельствованные в вере, — мужи, которых весь мир не был достоин, не получили, однако, осуществления своих чаяний о восстановлении Патриаршества на Руси, не вошли в покой Господень, в обетованную землю, куда направлены были их святые помышления, ибо Бог презрел нечто лучшее о нас. Но да не впадем от сего, братие, в гордыню. Один мыслитель, приветствуя мое недостоинство, писал: «Может быть, дарование нам Патриаршества, которого не могли увидеть люди, более нас сильные и достойные, служить указанием проявления Божией милости именно к нашей немощи, к бедности духовной». А по отношению ко мне самому дарованием Патриаршества дается мне чувствовать, как много от меня требуется и как многого для сего мне не достает. И от сознания сего священным трепетом объемлется ныне душа моя. Подобно Давиду, и я мал бе в братии моей, а братьи мои прекрасны, и велики, но Господь благоволил избрать меня. Кто же я. Господи, Господи, что {93} Ты так возвел и отличил меня? Ты знаешь раба Твоего, и что может сказать. Тебе? И ныне благослови раба Твоего. Раб Твой среди народа Твоего, столь многочисленного,— даруй же сердце разумное, дабы мудро руководить народом по пути спасения. Согрей сердце мое любовью к чадам Церкви Божией, и расшири его, да не тесно будет им вмещаться во мни. Ведь архиастырское служение есть по преимуществу служение любви. Горююще обрет овча, архиастыр подемлет е на рамена своя. Правда, Патриаршество восстанавливается на Руси в грозные дни, среди огня и орудийной смертоносной пальбы. Вероятно и само оно принуждено будет не раз прибегать к мерам запрещения для вразумления непокорных и для восстановления порядка церковного. Но как в древности пророку Илии явился Господь, не в буре, не в трусе, не в огне, а в прохладе, в веении тихого ветерка, так и ныне на наши малодушные укоры: «Господи, Сыны Российской оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенные, стреляли по храмовым и кремлевским святыням, избивали священников Твоих», — слышится тихое вяние словес Твоих: «еще семь тысяч мужей не преклонили колена пред современным ваялом и не изменили Богу истинному». И Господь как бы говорит мне так: «Иди и разыщи тех, ради коих еще пока стоит и держится Русская Земля? — Но не оставляй и заблудших овец, обреченных на погибель, на заклание, овец, поистине жалких. Паси их, и для сего возьми жезл сей, жезл благоволения. С ним потерявшикося — отыщи, угнанную возврати, пораженную — перевяжи, больную укрепи, разжиревшую и буйную — истреби, паси их по праву». В сем да поможет мне Сам Пастыреначальник, молитвами Пресвятые Богородицы и Святителей Московских. Бог да благословить всех нас благодатию Свою. Аминь».

После литургии новый Патриарх, в сопровождении крестного хода, шел вокруг Кремля, окропляя его святою водою. Замечательное отношение большевиков к этому торжеству. Тогда они не чувствовали еще себя полными хозяевами и не заняли определенной позиции в отношении Церкви, хотя враждебность к ней была ясна. Солдаты, стоявшие на гауптвахте у самого Успенского Собора вели себя развязно,

не снимали шапок, когда мимо проносили иконы и хоругви — курили, громко разговаривали и смялись. Но вот, вышел из Собора Патриарх, казавшийся согбенным старцем в своем круглобелом клубуке с крестом наверху, в синей бархатной мантии Патриарха Никона, — и солдаты моментально скинули шапки и бросились к Патриарху протягивая руки для благословения через перила гауптвахты. Было ясно, что то развязное держание было лишь «бахвальство», модное, напускное, а теперь прорвались настоящая чувства, воспитанный веками.

Рука Божия в деле возглавления Русской Церкви именно Тихоном Патриархом не могла быть не усмотрена тогда же. Архиепископ Антоний (Харьковский) от лица всех епископов сказал новоизбранному Патриарху: «Ваше избрание нужно назвать по преимуществу делом Божественного Промысла по той причине, что оно было бессознательно предсказано друзьями юности, {94} товарищами Вашими по Академии. Подобно тому, как полтораста лет тому назад мальчики, учившиеся в Новгородской бурсе, дружески шутя над благочестием своего товарища Тимофея Соколова, кадили пред ним своими лаптями, а затем их внуки совершили уже настоящее кадение пред нетленными мощами его, то есть, Вашего небесного покровителя — Тихона Задонского, так и Ваши собственные товарищи по Академии прозвали Вас Патриархом, когда Вы были еще мирянином и когда ни они, ни Вы сами не могли и помышлять о действительном осуществлении такого наименования, данного Вам друзьями молодости за Ваш степенный, невозмутимо солидный нрав и благочестивое настроение».

Патриарх Тихон не изменился, остался таким же доступным, простым, ласковым человеком, когда стал во главе русских иерархов. По-прежнему он охотно служил в московских церквях, не отказываясь от приглашений. Близкие к нему лица советовали ему, по возможности, уклоняться от этих утомительных служений, указывая на престиж Патриарха, но оказалось потом, что эта доступность Патриарха сослужила ему большую службу: везде его узнали, как своего, везде полюбили и потом стояли за него горой, когда пришла нужда его защищать. Но мягкость в обращении Патриарха Тихона не мешала ему быть непреклонно твердым в делах церковных, где было нужно, особенно в защите Церкви от ее врагов. Тогда уже вполне наметилась возможность того, что большевики помешают Собору работать, даже разгонят его.

Патриарх не уклонился от прямых обличений, направленных против гонений на Церковь, против декретов большевиков, разрушавших устои Православия, их террора и жестокости.

Описывая в послании гонения воздвигнутые на истину Христову и ужасные и зверские избиения ни в чем неповинных людей без всякого суда, с попранием всякого права и законности, Патриарх говорит: «Все сие преисполняет сердце наше глубоко болезненною скорбью и вынуждает нас обратиться к таковым извергам рода человеческого с грозным словом обличения. Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело — это поистине дело сатанинское, за которое подлежите огню геенскому в жизни будущей, загробной, и страшному проклятию потомства в жизни настоящей, земной. Властью данною нам от Бога запрещаем вам приступать к тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной. Заклинаем всех {95} вас, верных чад Православной Церкви Христовой не вступать с таковыми извергами

рода человеческого в какое-либо общение: «измените злого от вас самих» (1 Кор. V, 13). Враги Церкви захватывают власть над нею и ее достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостаньте им силою веры вашей, вашего личного всенародного вопля... А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленный чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою» ... (Посл. 19 янв. 1918 г.).

В послании по поводу Брест-Литовского мира, заключенного большевиками с немцами, Патриарх пишет: «мир, по которому даже искони православная Украина отделяется от братской России и столичный город Киев, мать городов, колыбель нашего крещения, хранилище святынь, перестает быть городом державы Российской, мир, отдающий наш народ и русскую землю в тяжкую кабалу, — такой мир не даст народу желанного отдыха и успокоения, Церкви же Православной принесет великий урон и горе, а отечеству неисчислимые потери. А между тем у нас продолжается та же распра, губящая наше отчество. Внутренняя междуусобная война не только не прекратилась, а ожесточается с каждым днем. Голод усиливается ... Взываю ко всем вам, архиереи, пастыри, сыны мои и дщери о Христе: спешите с проповедью покаяния, с призывом к прекращению братоубийственных распреи и разрушения, с призывом к миру, тишине, к труду, любви и единению».

Наконец, послание Патриарха Тихона Совету Народных Комиссаров, по случаю первой годовщины октябрьской революции, гласит: «Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как исполнили эти обещания? Поистине, вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо рыбы (Мф. VII, 9-10). Отечество вы подменили бездушным интернационалом... Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью, и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян доставить торжество призраку Мировой революции ... Никто не чувствует себя в безопасности, все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Вы обещали свободу ... Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры ... в органах печати злобные богохульства и кощунства. Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих ...

{96} Вы закрыли ряд монастырей и домовых церквей. Вы заградили доступ в Московский Кремль — это священное достояние всего верующего народа. Вы разрушаете исконную форму церковной. Общины-прихода, разгоняете церковный епархиальные собрания, вмешиваетесь во внутреннее управление Православной Церкви...

Мы знаем, что наши обличения вызовут в вас только злобу и негодование, и что вы будете искать в них лишь повода для обвинения нас в противлении власти; но чем выше будет подниматься «столп злобы» вашей, тем вернейшим будет то свидетельством справедливости наших обличений ... отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры... А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лк. XI, 51) и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Мф. XXVI, 52)». (Посл. 26 окт. 1918 г.).

Commented [ldn-knigi1]:

Когда было составлено послание Патриарха к большевикам, по случаю годовщины их владычества, многие тогда настойчиво отговаривали Патриарха от этого рискованного шага, опасаясь за его свободу и жизнь. На соединенном заседании Синода и Совета все, высказывали крайние опасения и указывали на то, что Патриарх должен беречь себя для пользы Церкви. Патриарх внимательно выслушал все советы, но стоял на своем. В ближайшее воскресенье он служил в своем Троицком подворье и после литургии заявил бывшим у него, что подписал послание и сделал распоряжение об отправке его комиссарам. — «Да, он всех внимательно слушает, мягко ставит возражения, но на деле проявляет несокрушимую волю», говорил по этому поводу один член Совета.

Неоднократно устраивались грандиозные крестные ходы, для поддержания в народе, религиозного чувства, и Патриарх неизменно в них участвовал. А когда получилась горькая весть об убийстве Царской Семьи (5/18 июля 1918 г.), то Патриарх тотчас же на заседании Собора отслужил панихиду, а затем служил и заупокойную литургию, сказав грозную, обличительную речь, в которой говорил, что как бы ни судить политику Государя, его убийство, после того, как он отрекся и не делал ни малейшей попытки вернуться к власти, является ничем неоправданным преступлением, а те, кто его совершили, должны быть заклеймены, как палачи. «Недостаточно только думать это, — добавил Патриарх, — не надо бояться громко утверждать это, какие бы репрессии ни угрожали вам».

Каждую минуту опасались за жизнь Патриарха. Большевики наложили уже руку на членов Собора, выселяли их то из {97} одного помещения, то из другого, некоторых арестовали, ходили тревожные слухи о замыслах и против Патриарха. Однажды, поздно ночью, явилась к Патриарху целая депутация из членов Собора, во главе с видными архиереями, извещавшая его, со слов верных людей, о решении большевиков взять его под арест и настойчиво советовавшая немедленно уехать из Москвы, даже заграницу, — все было готово для этого. Патриарх, уже легкий было спать, вышел к депутатии, спокойный, улыбающийся, внимательно выслушал все, что ему сообщили, и решительно заявил, что никуда не поедет: «бегство Патриарха,—говорил он,— было бы слишком на руку врагам Церкви, они использовали бы это в своих видах; пусть делают все, что угодно». Депутаты остались даже ночевать на подворье и много дивились спокойствию Патриарха. Слава Богу, тревога оказалась напрасною. Но за патриарха тревожилась вся Москва. Приходские общины Москвы организовали охрану Патриарха; каждую ночь, бывало, на подворье ночевали, по очереди, члены церковных Советов и Патриарх непременно приходил к ним побеседовать.

Неизвестно, что могла бы сделать эта охрана, если бы большевики действительно, вздумали арестовать Патриарха: защищать его силой она, конечно, не могла, собрать народ на защиту — тоже, так как большевики предусмотрительно запретили звонить в набат, под страхом немедленного расстрела, и даже ставили своих часовых на колокольнях. Но в дежурстве близ Патриарха церковные люди находили для себя нравственную отраду, и Патриарх этому не препятствовал.

Безбоязненно выезжал Патриарх и в московские церкви, и вне Москвы, куда его приглашали. Выезжал он либо в карете, пока было можно, либо в открытом экипаже, а перед ним обычно ехал иподиакон в стихаре, с высоким крестом в руках.

Народ благоговейно останавливался и снимал шапки. Когда Патриарх ездил в Богородск, промышленный город Московской губернии, а позже в Ярославль и в Петроград, то многие опасались, как бы не устроили скандал солдаты или рабочие, но все страхи оказались напрасными. В Богородске рабочие встретили Патриарха, как прежде встречали царя, устроили для его встречи красиво убранный павильон, переполняли все улицы во время его проезда. В Ярославле, — это было уже после его разгрома, — сами комиссары вынуждены были принять участие во встрече, обедали с Патриархом, снимались с ним. О поездках Патриарха в Петроград хорошо известно: это был целый триумф.

Московские комиссары хотели предоставить для Патриарха лишь одно купé в вагоне, но железнодорожные рабочие {98} настояли, чтобы ему был дан особый вагон, и по пути встречали его на остановках. Религиозное чувство сказалось в русском человеке, он сердцем почувствовал в Патриархе «своего», любящего, преданного ему всей душой. Кроме того, тяжкие страдания народа, подавляющего его большинства, от происшедшего революционного насилия, заставили его видеть в Патриархе единственную духовную опору, утешение и надежду спасения, и избавление от этого горя, упавшего на его плечи. Вместо глубокочтимого Царя, общего главы государства, он приобрел себе духовного отца, с которым связан внутренне и глубоко в ограде одной своей православной веры и Церкви. Здесь сказалась сплоченность Церкви перед лицом врага.

В многострадальной жизни Святейшего Патриарха пребывание его в Петрограде может быть самым радостным событием. Поездка эта состоялась в конце мая 1918 г. В Москву от Петроградской епархии поехал за ним настоятель Казанского собора прот. о. Философ Орнатский, который принял потом мученическую кончину. Навстречу Патриарху на границу епархии выехал викарный преосвященный Артемий Лужский, а на вокзале ожидало многочисленное духовенство во главе с Митрополитом. Вениамином, также впоследствии отдавшему жизнь свою во славу Церкви Христовой. От вокзала до Александро-Невской Лавры по Старо-Невскому проспекту были выстроены крестные ходы и депутации от приходов. С 6 час. утра начал собираться народ и к приходу поезда переполнил всю Знаменскую площадь, Лиговку и все прилегающие улицы. Звон колоколов всех церквей столицы возвещал моменты переезда границы губернии, приближения к городу и выход Патриарха из вокзала. Нельзя описать волнения толпы, когда показался экипаж, в котором Патриарх был вместе с Митрополитом Вениамином. Все бросались к экипажу, плакали, становились на колени.

Чтобы лучше благословлять всех Патриарх стоял в коляске до самой Лавры. Здесь его ожидали викарии епархии преосв. Геннадий Нарвский, преосв. Анастасий Ямбургский и преосв. Мелхиседек Ладожский, около 200 священников и более 60 диаконов в облачениях. После молебна, в переполненном соборе при полной тишине Патриарх сказал речь о стоянии за веру до смерти.

Дни пребывания Патриарха в Петрограде были днями настоящего всеобщего ликования; люди как то забывали, что живут в коммунистическом государстве, и даже на улицах чувствовалось необычайное оживление. Святейший жил в Троице-Сергиевском подворье на Фонтанке. Самыми торжественными моментами были его службы в соборах Исаакиевском, Казанском и {99} в Лаврском.

Много затруднений было с патриаршими облачениями, трудно было достать белой муки, чтобы спечь просфоры, изготовить белые трехплетенные свечи, по старинному предносимые Патриарху. В Исаакиевском соборе при встрече Патриарха пел хор из 60 диаконов в облачениях, так как соборный хор пришлось распустить из-за отсутствия средств. Сослужили Патриарху Митрополит, три викария, 13 протоиереев и 10 протодиаконов. На праздник Вознесения в Казанском соборе после литургии был крестный ход вокруг собора. Вся Казанская площадь и Невский проспект и Екатерининский канал представляли из себя море голов, среди которого терялась тонкая золотая лента духовенства.

В этот день были именины о. Ф. Орнатского и Патриарх прямо из собора пошел с Преосвященным к нему. Толпа не расходилась до 4 час. и Святейший много раз выходил в сопровождении именинника на балкон, чтобы благословить всех. На последней торжественной службе в Лавре был хиротонисан во епископа Охтенского единоверческий архимандрит Симон, принявший потом мученическую смерть. Святейший ездил в Иоанновский монастырь на Карповке и сам служил панихиду на могиле отца Иоанна Кронштадтского. Он посетил также и Кронштадт.

В церковном служении Патриарх Тихон соблюдает ту же простоту, какою он отличается в частной жизни: нет у него излишней аффектации, театральности, часто надоедливых, но нет и грубоści по отношению к служащим, тех громких окриков и суетливости, какими иногда сопровождается торжественная служба. Если нужно сделать какое-либо распоряжение, оно отдается тихо и вежливо, а замечания делаются исключительно после службы, и всегда в самом мягком тоне. Да их и не приходится делать: служащие проникаются тихим молитвенным настроением Патриарха, и каждый старается сделать свое дело, как можно лучше. Торжественное служение Патриарха со множеством архиереев и клириков, многолюдные крестные ходы, — всегда совершились чинно, в полном порядке, с религиозным подъемом.

Жил Патриарх в прежнем помещении московских архиереев, в Троицком подворье Сергиевской Лавры, «у Троицы на Самотеке». Это скромный, хотя и просторный дом имел Крестовую церковь, где монахи Сергиевой Лавры ежедневно совершали положенное по уставу богослужение. Рядом с алтарем помещается небольшая моленная, уставленная иконами; в ней Патриарх и молился во время Богослужения, когда не служил сам. Но служить он любил и часто служил в своей Крестовой {100} церкви. Дом окружен небольшим садиком, где Патриарх любил гулять, как только позволяли дела. Здесь часто к нему присоединялись и гости, и близко знакомые посетители, с которыми лилась приятная, задушевная беседа, иногда до позднего часа. Садик уютный, плотно отделенный от соседних дворов, но детишки-соседи взирались иногда на высокий забор, и тогда Патриарх ласково оделял их яблоками, конфетами. Тут же и небольшой фруктовый садик, и огород, и цветник, и даже баня, — но все это было запущено за время революции.

Конечно, и стол Патриарха был очень скромный: черный хлеб подавался по порциям, часто с соломой, картофель без масла. Но и прежде преосвященный Тихон был совсем невзыскателен к столу, любил больше простую пищу, особенно русские щи да кашу.

Гонения на Церковь продолжались с возрастающей силой: отбиралось и разграблялось церковное имущество, истреблялось в огромном количестве духовенство. Количество убитых священников не поддается никакому подсчету.

По строго проверенным данным, в одной Харьковской губернии, за 6 месяцев, с конца декабря 1918 г. по июнь 1919 г., было убито 70 священников. Со всех концов России приходили к Патриарху известия об этих ужасах.

Самого Патриарха большевики не трогали. Говорят, Ленин сказал: «мы из него второго Гермогена делать не будем». С очень ранней поры большевики стали вести с ним переговоры. Они хотели морально терроризировать Патриарха общим положением Церкви и этими убийствами. Но они обещали послабления если Патриарх сделает уступки в своих непримиримых позициях. Будучи заклятым врагом религии и Церкви и стремясь их уничтожить, большевики должны были естественно предположить и враждебность к себе Церкви, а потому повсеместно убивая духовенство, они обвиняли его в контрреволюции, независимо от того, были ли в каждом случае какие либо улики для такого обвинения.

Понятно, что для спасения тысяч жизней и улучшения общего положения Церкви, Патриарх готов был со своей стороны принять меры к очищению хотя бы только одних служителей Церкви от чисто политических выступлений против большевиков. 25 сент. 1919 г. в разгар уже гражданской войны он издает послание с требованием к духовенству прекратить политическую борьбу с большевиками. Но расчет на успокоение власти таким актом был совершенно бесполезным. Политические обвинения духовенства были только ширмой прикрытия для истребления его **{101}** именно как служителя религии. Гонения на религию не могли быть прекращены никакими уступками церковной власти, но самые уступки эти должны были послужить этим гонениям, ослабляя всякое сопротивление им и дискредитируя, роняя престиж самой церковной власти в глазах верующих. Утонченность современных гонений на веру в том и заключается, что решительное и прямое отречение от веры в Бога требуется только от членов большевицкой правящей в стране партии, а ко всей стране применяется комбинация средств косвенного, под разными предлогами, насилия и пропаганды. Власть обещает свободу религии и возможность ее существования на известных тяжелых условиях службы себе, и так ослабляет всякую активность сопротивления себе верующих и постепенно уничтожает их влияние и количества.

Однако, Патриарх искренно и прежде всего сам отрекся от всякой политики. Когда отъезжающие в Добровольческую армию просили тайного благословения вождям белого движения, Патриарх деликатно, но твердо заявил, что не считает возможным это сделать, ибо оставаясь в России, он хочет не только наружно, но и по существу избегнуть упрека в каком либо вмешательстве Церкви в политику.

Циркуляром Комиссариата Юстиции от 25 авг. 1920 г. власти на местах «проводят полную ликвидацию мощей». Декретом центральной власти от 27 декабря 1921 г. произведено повсеместное изъятие церковных ценностей, прикрытое предлогом помощи голодающим. Патриарх издал исключительное по силе мысли и чувства послание о помощи голодающим, обращенное ко всем русским людям и народам вселенной и благословил добровольное пожертвование церковных ценностей, и рекомендует контроль верующих над их использованием. Но власть, конечно, отвергла эти условия. Насильственное изъятие или открытое ограбление храмов вызвало повсеместное народное возмущение. Патриарх был прав в своем предложении.

Но власть искала повода к новому террору над Церковью. Произошло до двух тысяч процессов по России и расстреляно было до десяти тысяч верующих. В связи с этим расстрелян был и Петроградский Митрополит Вениамин, как мы уже видели.

В мае месяце 1922 г. во время процесса по тому же поводу над группой московских священников, желая предотвратить смертный приговор над ними, Патриарх исполняет настойчивое требование властей закрыть Заграничное Церковное Управление за антибольшевицкие политические выступления заграничного духовенства. Но вырвав в таких условиях этот акт, {102} большевики через несколько дней приговаривают священников к расстрелу и самого Патриарха арестовывают и затем заключают в тюрьму.

По делу этих священников самого Патриарха неоднократно вызывали на суд в качестве главного свидетеля. Интересна характеристика его поведения на суде, которую дала в то время большевицкая печать.

«В политехнический музей на процесс «благочинных» и на допрос Патриарха набилась тьма народа. Патриарх смотрит на беспримерный вызов и на допрос свысока. Он улыбается наивной дерзости молодых людей за судейским столом. Он держится с достоинством. Но мы присоединимся к грубому святотатству московского трибунала и в добавок к судебным вопросам бухнем еще один, еще более неделикатный вопрос: «откуда такое достоинство у Патриарха Тихона?». (Правда. № 101. 9 мая 1922 г.). Рукописные описания этого допроса где-то имеются.

Спокойное величие Патриарха в эти дни проявляется с изумительной силой. Пред своей последней службой на свободе в храме с. Богородского (в Москве же) Патриарх явился из Чека, (а не из суда) уже поздно ночью. Своим келейникам, измученным ожиданием, он сказал: «уж очень строго допрашивали». — «Что же Вам будет?» — «Обещали голову срубить», — ответил Патриарх с неизменным своим благодушием. Литургию он служил, как всегда: ни малейшей нервности или хотя бы напряжения в молитве.

Тотчас по заключении Патриарха большевики организовали новую церковную власть, так называемых обновленцев. Хотя оказался на лицо законный преемник Патриарха Митрополит Агафангел, который и объявил о своих правах, но большевики поддерживали обновленцев, по всей России развивая их успехи, и преследовали «тихоновцев». Обновленческая церковная власть и была тою властью, которую хотели иметь большевики для Церкви. Своим собором обновленцы объявили Патриарха низложенным, признали справедливость социальной революции, объявили пострадавшее от большевиков духовенство контрреволюционерами и оправдали таким образом гонения на церковь, и заявили даже, что еще никогда церковь не пользовалась такой свободой, как при большевиках. При полном неуспехе у народа и у большей части клира обновленцы получили церковную власть и кафедральные соборы во всех епархиях.

Большевики готовили для Патриарха процесс, но по соображениям внутренней и внешней политики принуждены были предложить ему выйти на свободу под условием подачи властям {103} покаянного заявления с признанием справедливости возведенных на него обвинений. Патриарх принес эту жертву своим именем и славой мученичества. Патриарх рассказывал, что читая в заключении газеты, он с каждым днем все больше приходил в ужас, что обновленцы захватывают Церковь в

свои руки. Но если бы он знал, что их успехи так ничтожны и народ за ними не пошел, то он бы не вышел из тюрьмы. В тюрьме нельзя было знать правды и газеты занимались пропагандой в пользу обновленчества и нарочно подсовывались Патриарху. Кроме того, у него явилось и то соображение, что наконец появился закон, революционный хаос всякого беззакония, по-видимому, кончился, и, ему казалось, что пред ним находится настоящая государственная власть, ради которой можно было, не кривя душою, отказаться от своего прежнего курса. Тем, кто не понимал его поступка и соблазнились им, он говорил: «пусть погибнет мое имя в истории, только бы Церкви была польза» ... Англиканскому епископу Бюри, который также просил объяснений, Патриарх напомнил слова ап. Павла: «имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас» (Филип. I, 23-24). Он добавил, что лично с радостью принял бы мученическую смерть, но судьба остающейся Православной Церкви лежит на его ответственности.

Патриарх может быть был самым бесстрашным, мужественным и спокойным перед лицом смерти человеком в России. Все его существование, его лицо, и само сердце излучало всегда и неизменно обаяние глубокого покоя и простоты. Для него умереть было бы слишком легко. Это самое простое на что он мог решиться в любой момент. Для него, старика, монаха и патриарха мученическая смерть была бы приятна, прекрасна и славна и потребовала бы минимума героизма. Самым мучительным вопросом, для него могло быть только — как управлять Церковью, что сделать для облегчения ее положения и устроения ее жизни в безбожном государстве, которое как будто предлагает известные условия существования. Надо было исчерпать со своей стороны, жертвуя, если это потребуется, своим престижем и славой, все возможности для блага Церкви, не нанося ущерба христианской морали вообще, настроению церковного народа и клира и не нарушая церковные каноны. Кроме своих посланий и заявлений, которые могли быть приятны власти, Патриарх сделал попытки завести в угоду ей новый календарный стиль (и то, когда сделала это Константинопольская церковь), учредить при себе Высшее церковное Управление с участием агента большевиков, одного протоиерея, и предложить поминовение властей за богослужением.

{104} Но епископ, клир и народ не приняли этих мер и Патриарх их охотно отменил. Выход же его на свободу для ликвидации обновленчества принес огромную пользу Церкви, восстановив и утвердив в ней законное церковное управление. Конечно, большевики должны были выпустить его и без этого заявления, но для престижа власти оно все же было необходимо и они добились его от заключенного Патриарха.

Народ же не усумнился в нем, не соблазнился его поступком и верно понял его жертву, сделав освобождение его из заключения апофеозом его славы, усыпав дороги его цветами, ободрив малодушных и колеблющихся, как миран, так епископов и клириков, которые охотно бросали обновленчество.

Ни один воскресный или праздничный день не проходил чтобы Святейший не служил в московских храмах или окрестностях Москвы. По-прежнему храмы эти даже в будние дни во время служения бывают переполнены. В уездных городах Московской губ. стеченье народа было огромное, встреча и проводы Патриарха очень торжественные. Рабочие везде покидали работу и все советские и промышленные учреждения не работали в течение всего пребывания Патриарха в городах.

После заключения Патриарх теперь проживает не в Троицком подворье, а в Донском монастыре. К нему со всех концов России приезжают разные лица и в часы приема, в его приемной можно увидеть епископов, священников и мирян: одни по делам церковным, другие — за получением патриаршего благословения и за утешением в горе. Доступ к нему свободный, и келейник его лишь спрашивает посетителей о цели их прихода. Патриарх помещается в трех комнатах, первая из коих в указанные часы служить приемной. Обстановка патриарших покоев поражает своей простотой, а беседа с ним, по словам видевших его, производит сильное впечатление. Святейший находит всегда несколько слов для каждого, даже приходящего только за благословением. Приезжих подробно расспрашивает о положении Православной Церкви в провинции. По Москве он ездит на извозчике в сопровождении келейника. Встречные обнажают при виде его головы и надо быть смельчаком, чтобы решиться не подчиниться установившемуся в этом отношении обычью. Когда он ездит по железной дороге, то, хотя советская власть не устанавливает для него никаких исключений, никто не входит в занятое Патриархом купе.

Московский корреспондент парижской газеты «Энформас он» (№ 219 1923 года) так описывает, между прочим, свои впечатления о Святейшем и о приеме у него. «Спокойный, умный, {105} ласковый, широко сострадательный, очень просто одетый, без всякой роскоши, без различия принимающий всех посетителей. Патриарх лишен, может быть, пышности, но он действительно чрезвычайно дорог тысячам малых людей, рабочих и крестьян, которые приходят его видеть. В нем под образом слабости угадывается крепкая воля, энергия для всех испытаний, Вера непоколебимая ...

Постоянный изъявления сочувствия и преданности, которые он получает со всех концов России, делают его сильным и терпеливым... Густая молчаливая толпа ожидала приема. Странники, заметные по загорелым лицам, большой обуви и благочестивому виду, ожидали, сидя в тени башенного зубца. Они сделали несколько тысяч верст пешком, чтобы получить благословение Патриарха. Сельский священник, нервный и застенчивый, ходил вдоль и поперек ... Женщина припала к скамье и закрыла лицо руками. Тяжелые рыдания судорожно вздергивали ее плечи. Несомненно она пришла сюда искать облегчения в каком-то большом несчастии, и невольно пришли в голову тысячи и тысячи расстрелянных ...

Горожане и крестьяне, люди из народа главным образом — долгие часы, порою дни — ждут, чтобы открылась маленькая дверь и мальчик-певчий ввел их к Патриарху Тихону».

Характерно, что торговцы Сухаревой башни, рыбники и зеленщики, отказываются от платы за продукты для кухни Патриарха Тихона. Когда во время ареста Патриарха пытались забрать у этих торговцев для «живоцерковников» продукты, то в ответ послышалось: «для Патриарха, что угодно, а для стервятников и за деньги не дадим». А советской властью жилищному коменданту Донского монастыря предписано освободить помещение Патриарха Тихона от вселенных туда по распоряжению местной жилищной комиссии посторонних лиц, нарушающих покой Патриарха.

Но несмотря на прекращение прямого преследования, положение Патриарха Тихона продолжало быть очень тяжелым. Большевики окружили Патриарха сетью сыска и каждое движение, каждый шаг главы

Православной Церкви подвергался с их стороны строгому наблюдению. Верующий народ, боясь, чтобы большевики не увезли Святейшего Патриарха тайно, чутко следил за своим Верховным Архиепископом, не спуская с него глаз. У Донского монастыря поэтому наблюдается беспрерывное скопление народа.

Однажды православная Москва была взволнована слухами об убийстве Патриарха Тихона. Слухи эти оказались неверными. В Донском монастыре 9 декабря 1923 г. в 8 ч. вечера был убит келейник Патриарха Яков Полозов. Преступление совершено {106} двумя лицами, похитившими, между прочим, две шубы Патриарха. Однако, в Москве были уверены, что убийство совершено не с целью грабежа, который должен был только послужить прикрытием для истинных мотивов преступления; утверждают, что Полозов убит врагами Патриарха: случись в комнате сам Патриарх, он был бы убит.

Весть об убийстве в покоях Патриарха с быстротой молнии разнеслась по Москве и вызвала чувство живейшей радости по поводу того, что Патриарх жив и невредим. Смерть Я. Полозова окружила его в глазах Москвичей мученическим ореолом, тем более что вся Москва считает, что он пал жертвой своей преданности Патриарху. Патриарх Тихон был сильно потрясен этим убийством. Келейник Полозов уже несколько лет был неразлучен с ним, всюду оберегая покой Патриарха. Случай этот, являющийся уже не первой попыткой большевиков расправиться с ненавистным для них служителем Божиим, сильно взволновал население Москвы и вызвал острое возбуждение. Чтобы не вызвать эксцессов в толпах верующих, тело убитого было похоронено в Донском монастыре. Поклониться праху покойного стекалось так много народа, что огромный храм Донского монастыря не мог вместить и половины молящихся. Восемь епископов и сонм духовенства совершили заупокойную литургию. Одним из представителей духовенства было сказано посвященное памяти покойного слово на изречение Евангелия: «больше сия любви никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя». Сам Патриарх в слезах напутствовал прах Полозова.

Потрясения от этих событий вызвали некоторое недомогание у Патриарха, который со времени его освобождения из тюрьмы подвержен обморокам, изредка повторяющимся. Но и во время этих недомоганий Патриарх, несмотря на советы врачей, продолжал выезжать и совершать продолжительные богослужения.

† Патриарх Тихон в 1924 году.

Все растущая с каждым годом популярность Патриарха Тихона не давала покоя врагам Церкви и они всячески старались тем или иным способом устраниć его с пути. По сообщению большевицкого агентства «Роста», «в подвалах Киево-Печерской лавры случайно были обнаружены крупные ценности, запрятанный во время изъятия церковных ценностей в 1921 г.».

Советская печать обвиняла Патриарха Тихона в том, что лаврские ценности были укрыты по его распоряжению и что найденная в лавре переписка устанавливает связь Патриарха с эмиграцией, наличность хорошо организованной политической агентуры и постоянное снабжение эмиграции политическими сведениями. Киевские советские газеты требовали немедленного ареста {107} Патриарха Тихона. В связи с этим обстоятельством в «Известиях», от 18 января напечатано следующее письмо Патриарха на имя редакции. «В интересах истины считаем необходимым заявить о нижеследующем. Киево-Печерская Лавра искони была оплотом православия и одной из главных святынь Православной Русской Церкви. Она всегда находилась в непосредственном ведении Киевских митрополитов. В последние годы до своей ссылки управлял ею наш экзарх Украины Митрополит Михаил. После него управляли Лаврой замещавшие его архиереи, и лишь после того, как все они были лишены фактической возможности управления, мы в целях сохранения Лавры, как очага Православия, от покушений на нее со стороны «обновленцев», приняли в свое непосредственное ведение. Но это имело место лишь в начале 1924 г., и потому естественно, нам не может приписываться распоряжение о скрытии ценностей в Лавре.

С другой стороны, ни в каких сношениях ни с заграничной контрреволюцией, ни с контрреволюционными группами внутри СССР

мы не состояли и не стоим, и нам ничего неизвестно о «контрреволюционной политической работе монахов Лавры», Патриарх Тихон. 10 января 1925 года, Москва, Донской монастырь».

Гонение на Церковь и духовенство вновь возобновилось с особенной жестокостью. Тактика большевиков теперь несколько изменилась и заключалась в том, чтобы, оставляя в стороны Патриарха, любимого в народе и известного и популярного не только в Европе, но и во всем мире, лишить всех органов общения с верующими. Его помощники арестовываются, ссылаются, пастыри изгоняются.

Не решаясь открыто противодействовать действиям Патриарха, направленным к укреплению Православной Церкви, советская власть чинит на местах тысячи препятствий к проведению указаний Патриарха в жизнь и не останавливается перед арестами другими репрессиями в тех случаях, когда в ее расчеты входит удушение народающейся церковной организации.

О своем положении Патриарх говорил: «лучше сидеть в тюрьме, я ведь только считаюсь на свободе, а ничего делать не могу, я посылаю архиереев на юг, а он попадает на север, посылаю на запад, а его привозят на восток». Так Чека не позволяла назначенным им архиереем даже доехать до своих епархий, направляя их в места заключения и ссылки.

Большевики поняли, что русская Церковь отвергла обновленческое движение и что результат их борьбы с православием получился обратный: вызванные этой борьбой религиозные споры пробудили интерес населения к религиозным вопросам, а {108} освобождение Святейшего Патриарха вызвало укрепление и усиление Православной Церкви. Такой оборот дела стал беспокоить московских руководителей большевизма.

В политике большевиков по отношению к Православной Церкви почувствовался страх перед церковной организацией, перед превращением Церкви не только в духовное, но и в организационное единство. Там, где советская власть терпит существование храма, она всячески преследует попытками возрождения и создания прихода. Комиссариат внутренних дел и ГПУ, усматривающие большую опасность в растущем влиянии Святейшего Патриарха Тихона и в его организационной работе по восстановлению аппарата церковного управления, имели целый ряд суждений по сему вопросу и свои соображения представили в совет народных комиссаров. Последний согласился с доводами комиссариата внутренних дел о необходимости принять меры для борьбы с «растущей опасностью» и поручили ОГПУ разработать «мероприятия, могущие положить предел опасному развитию тихоновской агитации и организации». Не было сомнения, что возобновившие гонения на Церковь и духовенство явились результатом этих мероприятий.

Методы большевицкой власти — вообще отдельная тема, но они — чистая дьявольщина. Специальный агент большевиков ведет непрестанную борьбу с Патриархом, систематически посещая его два-три раза в неделю и склоняя его на поступки вредные для Церкви и полезные для безбожной власти. Он упрашивает Патриарха написать ответ архиепископу Кентерберийскому, что Церковь в России пользуется полной свободой и никаких гонений нет. Его уговаривают ради пользы Церкви и упорядочения отношений государства и Церкви отречься от власти и уже успевают склонить на эту точку зрения одного-двух ближайших к нему архиереев.

То, что не удалось сделать через обновленцев, то пытаются сделать через самого Патриарха. От него требуют смещения с кафедр не угодных большевикам популярнейших и любимых народом архиереев. Предлагают завести новый календарный стиль, который не прошел в жизнь даже у обновленцев. Сотруднику Патриарха Архиепископу Илариону большевик говорит: «уговорите Патриарха завести новый стиль; неужели он не может сделать маленькой уступки для власти? Если советская власть завела этот стиль, то пусть и церковь покажет, что она солидарна с нею». Другому архиерею он же говорит: «вы слышали, что Патриарх заводит новый стиль? для чего это? Кому это нужно? Неужели вы согласитесь с ним? Отделитесь от Патриарха, вас вся Москва любит и за вами пойдет, мы вас {109} поддержим» ...

Агент требует, чтобы в управлении Патриарха был человек, которому власть доверяет и пытается ввести туда известного предателя, но все же все время имеет там одного доносчика из среды архиереев. Большевицкая власть не выпускала его из атмосферы своей лжи, провокации, обмана, клеветы, сеяния раздоров, расколов, недоверия. Патриарх постоянно должен был разгадывать тайные и злые замыслы и намерения, скрывающиеся под всякими благовидными предложениями власти. Враг действовал то посулами, то угрозами, и не ему самому, — это были бы совершенные пустяки! — а Церкви. То он обещает прекратить аресты духовенства, освободить заключенных или вернуть из ссылки таких-то нужных Патриарху епископов, или дать разрешение на духовную печать и образование, на свободу съездов и епархиального управления, то угрожает оставить все репрессии в силе и еще прибавить.

Трудно представить себе как страдал Патриарх. Этот человек воплощенного спокойствия дрожал от волнения и раздражения, когда ему докладывали о приезде агента. Какого напряжения нервов стоили ему эти постоянные систематические беседы. Это единственный случай, который мы знаем, что Патриарх был вне себя и изменял своему обычному характеру и темпераменту. Его мучила и жгла на медленном огне своей сатанинской ненависти большевицкая власть.

Еще один документ, так называемое «предсмертное завещание» Патриарха, выражает надежду, что подчинение советской власти не за страх, а за совесть, «побудит власть относиться к нам с полным доверием, даст нам возможность преподать детям наших пасомых закон Божий, иметь богословские школы для подготовки пастырей, издавать в защиту православной веры книги и журналы». Ради этой цели «завещание» уверяет, что «советская власть действительно народная, рабочая, крестьянская, а потому прочная и непоколебимая». Оно обещает церковный суд «в каноническом порядке» над неблагонадежными в отношении к власти архипастырями и пастырями своими и заграничными. Обнародованное на другой день после его смерти, оно не понравилось клиру и народу и подпись на нем все считали неподлинной. Однако это «завещание» служило условием согласия большевиков на местоблюстительство митрополита Петра и последний вынужден был получить на нем подпись Патриарха. Проект этого завещания долго лежал на столе у Патриарха, из-за него происходила большая борьба, и подпись, вынужденная у него за два часа до смерти, положила на его сердце непосильную тяжесть и видимо ускорила его кончину.

{110} Служение Патриарха было самозашитой Церкви. Патриарх был внешне стеснен. Но он сохранил самоуправление и внутреннюю свободу Церкви.

Он не допустил врагов к управлению ею, они могли только насиовать или делать распоряжения церковной власти неисполненными по насилию власти, но эти распоряжения по Церкви не были распоряжениями большевиков. Он не сказал неправды на положение Церкви и клеветы на клире, предпочитая самому унизаться перед властями. Словесные выступления, вымученные и вынужденные, исторгнутая насилием безбожников, остались без последствий. Но не слова нужны были большевикам, а сдача всего внутреннего управления Церкви в их руки.

Будучи почти одинок в управлении, он не превысил своих полномочий, но послушный голосу Церкви, немедленно исправлял свои поступки, сделанные по насилию, обману или провокации большевиков. Он исполнил свое обещание, данное Собору 1917 г., на другой день своей интронизации (22 ноября), когда благодарил его за приветствия и пожелания. Упомянув о высказанных на Соборе опасениях, как бы восстановление патриаршества не затенило Собора и не повредило идеи соборности, Святейший Патриарх засвидетельствовал как от своего лица, так и своих преемников, что патриаршество не представит угрозы соборности Святой Православной Церкви. «Возлюбленные отцы и братия, — воскликнул он, и с особенной простотой и задушевностью произнес, — не таковы теперь времена, не таковы обстоятельства, чтобы кто либо, как бы он велик ни был, и какою бы духовною силою не обладал, мог нести тяготу единоличного управления Русскою Церковью»...

Здесь невольно возникает оценка деятельности Патриарха именно в исторической перспективе, в сравнении с тем, что случилось после его смерти.

В течении двух полных лет, с весны 1925 г. до весны 1927 г. местоблюститель Митрополит Петр и его заместители — Митрополит Сергий, в этот первый период его управления, и Архиепископ Серафим Углицкий держали непримиримо твердый курс. Со смертью Патриарха Тихона опыт компромиссов кончился. Никаким обещаниям большевиков больше не верят, судя над своими или заграничными епископами и клириками сами не обещают, всякие попытки вторжения безбожников в управление Церковью категорически отвергают, несмотря на все усиливающееся гонение. Опыты Патриарха были достаточны и они были необходимы, чтобы прийти к такому заключению после него. Эти опыты должны были обнаружить систематические обманы {111} большевиков, бесполезность каких-либо союзов с ними и надежд на улучшение положения Церкви в безбожном государстве, на вред этих компромиссов для самой Церкви, чего и добиваются большевики.

Если бы не прошли этого печального опыта, но продолжали обличения большевиков, благословляли только на страдания и смерть в борьбе с ними, то многим членам Церкви могло казаться, что Церковь сама виновата в своих страданиях когда отвергала предложенные ей властью условия свободы, когда власть «уступала» несколько свои позиции и требовала только лояльности к себе. Церковь в лице Патриарха очистилась от политики, она сделала все, что можно для примирения с властью. В этом направлении она сделала максимум, дальше идти в уступках было невозможно, чтобы не отдать кесарю не только кесарево, но и Божие. Так помнили путь Патриарха Тихона его преемники и больше этого опыта не повторили. Если делать то, что делал Патриарх было уже ненужно и ошибочно, то продолжать уступки дальше было бы заведомым преступлением или сознательным грехом.

Враг был слишком хорошо понят, чтобы можно было идти с ним на соглашение, не делаясь предателем Церкви.

Митрополит Сергий во второй период своего управления по выходе из тюрьмы (в марте 1927 г.) продолжил и завершил уступки. Прежде всего его соглашение с властью, важное для всей Церкви, явилось его единоличным актом. Оно вызвало всеобщий протест епископата, клира и народа, достаточный для того, чтобы поставить вопрос о каноничности действий первого епископа. Но этот протест был отвергнут и установилась диктатура первого епископа, подбирающего себе сторонников в атмосфере террора и поддержки большевицкой власти. При возрастающем общем гонении на религию и истреблении ее святынь он обвинил всех заключенных епископов и клириков в контрреволюции, в политической неблагонадежности, отрицал факт гонения на Церковь в России, уволил епископов с кафедр, по требованию врагов Церкви, порывая нравственную связь пастырей и паствы в момент общих страданий. В общем провел всю программу отношений к власти обновленцев, отвергнутых всею Церковью и сделал их существование для большевиков больше ненужным. Оправдав и одобрав действия безбожной власти именем самого церковного управления, он развязал ей руки и уничтожение церкви, при сохранении только ее нового управления, пошло полным ходом, беспрепятственно, вплоть до полного ее изнеможения к 1940 г., когда политические условия войны и новые задачи заставили прекратить только открытое гонение на Церковь, но оставить в силе все стеснения для ее развития и {112} жизни. Ныне Сергиевская патриархия проявляет полный контакт с большевицкой властью во всех ее чисто политических выступлениях и обманах, увлекая верующих других стран идти вместе с большевиками и, таким образом, она готовит себе и всем религиям и церквам эпоху полной ликвидации ... Это — не еретики, это — хуже, это падшие во время гонений и предатели.

Такова судьба Московской Патриархии. При подобном рассмотрении ее тем большую ясность приобретает позиция Патриарха Тихона, ее каноничность, правда нравственная, любовь и жертва (См. «Каноническое положение Высшей Церковной власти в СССР и заграницей». Прот. М. Польский. 1948.).

Эта позиция не исчезла под ложным возглавлением Церкви. Епископат, клир и церковный народ, опротестовавшие действия митрополита Сергия, остались в заключении или катакомбах. Эти позиции помнит, защищает и хранит та свободная заграничная часть Русской Церкви, которая никогда не входила в контакт с Сергиевской Патриархией. «Тихоновны» живы по сей день и будут всегда живы в Русской Церкви.

Святейший Патриарх Тихон не опорочил мучеников российских, но сам стал в сонм их первым не по времени эпохи гонений, а по силе страданий. Это было мученичество ежедневное, среди непрестанной борьбы с врагом, с его насилием и издевательствами, в течение долгих семи лет, и ежечасное — за всю Церковь, до последнего часа смерти. Он исчерпал все возможности для Церкви и церковного человека меры примирения с властью гражданской и явился жертвой в самом внутреннем, глубоком и широком смысле этого слова. Жертва собою, своим именем, своей славой исповедника и обличителя неправды. Он унился, когда переменил свой тон с властью, но никогда не пал. Он унижал себя, но никого больше.

Не сохранялся и не возвышался унижением других. Он не щадил себя чтобы снискать пощаду пастырям, народу и церковному достоянию. Его компромиссы — деяния любви и смирения. (Вспомнить только чем они явились у м. Сергия).

И народ это понимал и жалел его искренно и глубоко, получив полное убеждение в его святости. Это мужественное и кротчайшее существо. Это исключительная, безукоризненно святая личность. На вопрос одного чекиста к епископу — «как вы относитесь к Патриарху?» — он ответил: «я реально ощутил его святость». За это он тотчас получил ссылку. Каин ненавидел Авеля за то, что он был праведен.

Так приблизились дни кончины праведника.

{113} Поздно вечером 12 января 1925 года в больницу Е. Бакуниной на Остоженке, пришел врач и спросил могут ли принять больного с тяжелыми сердечными припадками, нуждающегося в серьезном лечении и внимательном уходе. Одна частная лечебница, где комната для него была уже заказана, в последний момент отказалась его принять, боясь репрессий со стороны ГПУ, ибо «больной все же Патриарх Тихон». На следующий день Патриарха привезли в больницу. Он был записан в больничную книгу «гражданин Беллавин», здоровье которого требовало покоя». Почти три месяца он находился под моим непосредственным наблюдением,—пишет Е. Бакунина. Он был высокого роста седой и очень худой и казался, хотя держал себя бодро, гораздо старше своего действительного возраста; в нашей больнице он праздновал шестидесятый год своего рождения. Не взирая на плохое состояние своего здоровья, он превосходно владел собой и ни на что не жаловался, хотя и видно было, что он был взволнован и очень нервничал. Он приехал на извозчике, которым обыкновенно пользовался в сопровождении двух прислужников: монаха и сына одного из своих друзей.

Постоянными врачами Патриарха были: профессор К. и его ассистент доктор П. Оба продолжали его посещать и в больнице. На основании консультации с врачами больницы, Патриарху предписали полнейший покой, (ванны) и укрепляющие организм средства. Он страдал застаревшим хроническим воспалением почек и общим склерозом... Бывали и припадки грудной жабы, участвовавшие после происшедшего убийства его прислужника.

Патриарха поместили в небольшой светлой комнате. В ней находилось и удобное кожаное кресло и маленький письменный стол. На окнах были маленькие тюлевые занавески. Больной был особенно доволен тем, что окно выходило в сад Зачатьевского монастыря. Когда наступала весна, он любовался видом на монастырь и говорил: «Как хорошо! Сколько зелени и столько птичек!»

Но с собой привез свои собственные иконы, поставил их на маленький столик и теплил перед ними лампадку. На стене висела одна только картина: двое мальчиков смотрят с моста вдаль.

Когда он себя чувствовал лучше, то сидя в кресле много читал: Тургенева, Гончарова и «Письма Победоносцева». В духовном облачении, в клубочке и с посохом в руке, он производил импонирующее впечатление. Когда он лежал в постели или сидел в кресле, то казался бедным больным стариком.

{114} Самое важное из всех врачебных предписаний, но вместе с тем и трудно осуществимое, был «абсолютный покой» для больного и это причиняло нам наибольшие заботы. С первого же дня поступления Патриарха в больницу, хотели его постоянно повидать бесчисленные

посетители по служебным и по личным делам. Среди них были и такие, которым совершенно нельзя было отказать, как например начальник церковного отделения ГПУ — Тучков. Он появился на второй же день и пожелал видеть «гражданина Беллавина».

Тучков был среднего роста, грубоватый, полуинтеллигентный, однако ловкий и обходительный. Я сказала ему, что больного видеть нельзя, ибо врачи предписали ему полнейший покой. Каждое волнение для него опасно. В течение первых двух недель Патриарху стало значительно лучше — его нервность уменьшилась и анализ показал улучшение состояния его почек. Сам он часто говорил, что чувствует себя лучше и крепче. Врачей он всегда принимал очень любезно и любил иногда с ними пошутить. К служащим в клинике он всегда относился также любезно и к нему все относились с величайшим почтением и предупредительностью. Во всей его жизни трудно ему было обходиться без Кости — Мирского своего прислужника, к услугам которого он очень привык; находившийся при нем монах мало заботился о нем.

Конечно, Патриарх не был рядовым пациентом. Ход его болезни беспокоил весь верующий народ, но привывал к себе внимание и большевицких властей, которым скорая смерть Патриарха была желательна. Это нас заставляло ради общего успокоения, а также ради собственной уверенности созывать консультацию врачей во всех, даже с медицинской точки зрения кажущихся маловажными случаях, (как например, при зубной боли; этим мы хотели сложить часть ответственности за состояние больного и на других врачей. С другой же стороны особое общественное положение больного и его высокий духовный сан часто мешали его подвергать столь строгому лечению, как этоказалось нужным. Он ставил свой долг главы Церкви превыше своего здоровья и часто приходилось мириться с тем, что нам не удавалось убедить его в необходимости беречь свои силы. Очень возможно, что полнейшее спокойствие могло бы продлить жизнь патриарха Тихона на два или на три года; сам же он говорил, что после смерти достаточно еще успеть полежать, что он не имеет права уклоняться от работы.

Мы, врачи, неустанно просили больного думать о своем лечении и не заниматься утомительными делами; но было трудно {115} отвлечь его от дел. Спустя три недели он уже стал принимать Митрополита Петра Крутицкого, своего ближайшего сотрудника; часто он также принимал вдову убитого своего прислужника, о которой он заботился. Эти посещения всегда очень его утомляли. Но его посещали и многие другие: по служебным делам, за советом, ради испрошения благословения, или помочи, или просто чтобы повидаться с ним. Приемная комната всегда была полна людьми, которым приходилось разъяснять, что больной нуждается в покое. Дважды посетили его депутаты рабочих от бывшей Прохоровской фабрики и от какой то другой. Рабочие принесли ему в подарок пару хороших сапог из сафьяновой кожи на заячьем меху; позже выезжая на богослужение, он всегда их одевал. Вторая депутация привезла ему облачение.

Митрополита Петра Патриарх, по-видимому (как думает Бакунина) не особенно жаловал, хотя никогда не отказывал его принимать. Петр был высокого роста, откормленный человек со множеством волос, несколько грубоват и в разговоре не особенно приятен. Говорят, что Патриарх его потому не жаловал, что м. Петр хотел выпросить, почти вынудить свое назначение московским митрополитом.

(Это неверно. Назначение его в преемники состоялось еще 25 декабря 1924 г.).

Патриарха посещали и больные нашей больницы, но эти посещения его не волновали, напротив, он им радовался.

Я помню одну больную, которая очень боялась предстоящей ей тяжелой операции. Перед ней она попросила разрешения повидать Патриарха, что ей и было разрешено. Она вышла из его комнаты совершенно успокоенная умиротворяющей беседой с Патриархом.

Когда Тучков приходил к нему, Патриарх отсыпал других. Один раз он рассказал, что Тучков предложил ему уйти на покой и поехать куда-нибудь на юг. Патриарх ответил: «На покой, у меня еще будет достаточно времени, чтобы полежать. Теперь надо работать».

То же самое он отвечал и нам, когда мы его убеждали беречь себя и не выезжать на богослужения.

«Нет, надо ехать. Надо работать. Если я долго не показывалось, то меня забудут».

И зимняя стужа не могла его удержать. На все убеждения, он отвечал, показывая на подаренные ему рабочими сапоги: «Вот они стоят, с ними мне никакая стужа не страшна».

В больницу приходил и следователь ГПУ и долго расспрашивал Патриарха. Перед посещением Тучкова и следователя {116} Патриарх обыкновенно волновался, однако же пытался отшучиваться и говорил: «Завтра придет ко мне некто в сером».

О допросах и разговорах с Тучковым он никогда никому ничего не говорил. Как только Патриарх несколько поправится, он опять приступил к исполнению своих обязанностей в церквях. Когда он служил, церкви всегда были полны и ему бывало очень трудно проложить себе дорогу сквозь толпу. Остается совсем необъяснимым каким образом верующие узнавали, когда и где Патриарх будет служить, ибо опубликовать такие объявления было немыслимо. Он служил в разных церквях часто в Донском монастыре. В великий пост он целых пять дней провел в монастыре и служил каждый день.

Хотя он от своих выездов всегда возвращался крайне утомленным, нам, врачам, он отвечал только: «это нужно» хотя он сам сознавал, что этим подрывает свое здоровье. Нам ничего другого не оставалось делать, как продолжать лечить и по мере возможности заботиться о покое. Состояние же его здоровья видимо ухудшалось: недостаточная работа почек постоянная усталость и плохое общее самочувствие это ясно доказывали. Особенно плохо он себя почувствовал после открытия заседания синода, с которого он вернулся только поздно вечером. Все его приближенные, лучшая его опора, были удалены из Москвы и он чувствовал себя всеми покинутым.

Незадолго до смерти он страдал зубной болью. Доктор В. был призван к нему и под кокаином удалил два мучивших его корня. После этого десна распухла и опухоль распространилась на горло. Не взирая на то, что ему затруднительно было глотать, он поехал в церковь, чтобы отслужить обедню. Вернувшись, он рассказал мне, что последние возгласы во время службы он произнес с большим трудом. Только теперь удалось убедить его отказаться от выездов. Хотя это заболевание было совершенно безопасно, мы просили устроить консультацию по горловым болезням, чтобы предотвратить возможные осложнения и пригласили врачей М. и Г. Эти врачи ничего серьезного не нашли предписали покой, ингаляцию и полоскания.

Большая слабость Патриарха объяснялась серьезностью его общего положения и слабостью нервов. В течение трех месяцев, которые он провел в больнице не было ни одного припадка грудной жабы.

Так как Патриарх продолжал жаловаться на горло мы созвали второй консилиум; все врачи повторили, что в этой области не видно ничего опасного и серьезного. Эта консультация состоялась 6 апреля, а именно вечером в день смерти Патриарха. Митрополит Петр Крутицкий узнал о консультации и пришел к Патриарху. Прислужник допустил его; но так как {117} митрополит Петр очень долго оставался у Патриарха и очень возбужденно о чем то говорил с Патриархом, прислужник в конце концов призвал меня и сказал мне, что Патриарх очень утомлен разговором и чувствует себя очень плохо. Намереваясь прервать разговор, я направилась к Патриарху и в дверях встретилась с митрополитом Петром, который выходил из комнаты Патриарха с какой-то бумагой в руке.

После консультации Патриарх прошел в столовую, находившуюся рядом с его комнатой и выразил желание прилечь. Он просил морфия, дабы лучше заснуть. Когда он предчувствовал сердечный припадок, он всегда обращался к этому средству и твердо верил в него. После прислужник рассказал мне, что Патриарх, крайне утомленный, производил странные движения рукой, как это было перед припадками. На его совет сейчас же лечь, Патриарх Тихон ответил: «у меня еще много будет времени лежать и долгая ночь будет темна». Своего прислужника Патриарх знал с детства и всегда называл его ласкательными именами.

С моего согласия сестра впрыснула больному морфий. После я сама посетила его. Он успокоился и надеялся заснуть. Около полуночи, я пошла к себе, я жила в этом же самом здании. Но вскоре прислали за мной, ибо больному стало очень плохо, я нашла Патриарха в припадке грудной жабы. Он был очень бледен, говорить больше не мог и только рукой указывал на сердце. В его глазах чувствовалась близость смерти. Пульс еще можно было нашупать, но вскоре он прекратился. Впрыскивания камфоры и кокAINA не возымели действия.

Через несколько минут Патриарх скончался. Кроме меня присутствовали: дежурная сестра, дежурный прислужник и врач Щ. живущий рядом и вызванный по телефону. Было 12 час. ночи.

Я немедленно послала за митрополитом Петром и телефонировала в Донской монастырь.

† Патриарх Тихон на смертном одре.

Вслед за митрополитом Петром появился и Тучков. Очевидно наш телефон имел постоянное соединение с ГПУ, ибо из больницы никто туда не телефонировал. Когда один из врачей спросил Тучкова, как же он узнал о смерти Патриарха, Тучков улыбнулся, но ничего не ответил (Говорят, агент власти был в неописуемом восторге. Примчавшись к телу только что усопшего, он потирая руки и, с трудом сдерживая радость, говорил: «Хороший был старик... Надо похоронить торжественней...»).

Меня тоже призвали и Тучков подробно опрашивал меня, как все происходило, какие лекарства были даны больному и кто {118} его посетил. Тогда пришедшие открыли комнату покойного и были удивлены тем, что Патриарх был бледен. Один из агентов Тучкова очень подробно осматривал горло и шею Патриарха, как бы желая установить, нет ли признаков удушения. Кажется это был врач.

Весть о смерти Патриарха еще ночью распространилась по всей Москвы с молниеносной быстротой. Телефон звонил беспрестанно. Отделение Милиции, газетные редакции, частные и духовные лица немедленно прибыли в больницу. Некоторые предлагали теперь же ночью перенести умершего в соседнюю церковь, а утром торжественно перевезти в Донской монастырь. ГПУ резко это запретило и само распорядилось о перевозке покойного каретой скорой помощи в Донской монастырь.

Когда покойника увезли, его комната была запечатана. Через несколько дней пришел Тучков и в присутствии правления больницы и митрополита Петра был составлен список оставшихся вещей. Среди них нашли четыре тысячи руб., которые Тучков присвоил со словами: «Это нам пригодится». Это были собранные прихожанами и подаренные Патриарху деньги. Они лежали в корзиночке рядом с его постелью. Как-то раз Патриарх мне сказал: «Приход хочет выстроить мне домик и собрал на это деньги. Квартира в монастыре очень низкая, узкая и неудобная. Когда собирается много народа, нечем дышать».

Тучков оказался прав, когда он нас спрашивал, не боимся ли мы принять тяжело больного Патриарха в нашу больницу. Смерть Патриарха возбудила в Москве всевозможные и самые невероятные толки.

Говорили, что врач, удаливший корни зубов, впрыснул ему яд, вместо кокaina, путали имена врачей, которые лечили больного и распространяли сведения, будто они все арестованы. Во всех этих толках даже трудно было разобрать, кого и в чем обвиняют.

Другой свидетель рассказывает подробности последних часов жизни Патриарха и именно в присутствии того врача Щ., и прислужника, о которых упоминает Баулина. Этот свидетель был и участником похорон Патриарха.

Святейший Тихон, Патриарх Московский и всей России, скончался в ночь со вторника на среду. Во вторник было Благовещение, но Святейший не служил, т. к. чувствовал себя плохо. Литургию в последний раз Святейший совершил в воскресенье.

25-го (ст. ст.) днем Святейший чувствовал себя лучше и даже занимался делами: читал письма и бумаги и писал резолюции. Вечером был у него Митрополит Петр, который присутствовал на консилиум врачей, а затем вел деловой разговор. {119} Часов около десяти вечера Святейший потребовал умыться и, с необычайной для него строгостью, серьезным тоном, к которому окружающие не привыкли, сказал: «Теперь я усну крепко и надолго ... ночь будет длинная, длинная, темная ... темная...»

Несколько времени он лежал спокойно. Потом сказал келейнику: «Подвязжи мне челость». И настойчиво повторил это несколько раз: «Челость подвязжи мне, она мне мешает». Келейник смутился и не знал, что делать.

«Святейший бредит», — сказал он сестре — «просит подвязать челость». Та подошла к Святейшему и, слыша от него такую просьбу, сказала: «Вам будет тяжело дышать, Ваше Святейшество».

«Ах, так ... Ну, хорошо, не надо», — ответил Патриарх.

Затем немного уснул. Проснувшись, он подозвал келейника и сказал: «Пригласи доктора».

Тотчас же было послано за доктором Щелканом, а до его прихода явились врачи лечебницы. Пришедший Щелкан, стал на колени у постели Святейшего, взял его за руку и спросил: «Ну, как здоровье, как Вы себя чувствуете? ..» Святейший не ответил. Щелкан держал руку Святейшего, замирающий пульс говорил ему, что здесь совершается таинство смерти. Он обвел глазами присутствующих врачей в знак того, что жизнь угасает и надежда на благополучный исход иссякла.

Минута проходила за минутой. Святейший лежал с закрытыми глазами. После короткого забытья Святейший спросил: «Который час?..»

— «Без четверти двенадцать».

— «Ну, слава Богу», — сказал Святейший, точно он только этого часа и ждал, и стал креститься:

«Слава Тебе, Господи», сказал он и перекрестился.

«Слава Тебе» ... сказал он, занес руку для третьего крестного знамения. Патриарх всей России, новый священномученик, Великий Печальник за веру православную и Русскую Церковь, тихо отошел ко Господу.

... В среду, 26 марта ст. ст., в 5 час. утра, когда вся Москва еще спала, после отирания тела елеем, в карете скорой помощи, тихо и незаметно Патриарх всей России, обернутый в бархатную патриаршую мантию, из лечебницы был перевезен в Донской монастырь. Останки почившего сопровождали Митрополит Петр Крутицкий и епископ Борис Можайский. По прибытии, с колокольни понеслись мерные удары большого колокола, прозвонившего 40 раз.

{120} Ужасная весть быстро облетала столицу. В храмах начались богослужения. Верующие останавливались на улицах и передавали друг другу последние вести из Донского монастыря. На зданиях некоторых иностранных миссий были, в знак траура, приспущенны флаги.

На следующий день, в изъятие из устава, были совершены во всех московских храмах литургии Иоанна Златоуста.

Перед положением во гроб, которое состоялось в 3 часа дня, тело Святейшего было внесено в алтарь и три раза обнесено вокруг престола, при чем в этот момент через окна собора ярко заблистало солнце; но вот Святейший во гробе и лучи мгновенно погасли.

Это произвело на толпу большое впечатление. Знаменательно, далее, что Патриарх умер в день смерти прав. Лазаря и за его погребением началась Страстная Седмица.

Из патриаршей келлии, куда было сначала доставлено тело почившего на носилках, Святейший был торжественно перенесен в сопровождении сонма духовенства во главе с преосвященным Борисом епископом Можайским, и облачен в патриаршее облачение — золотое с темно-зеленой бархатной оторочкой, шитое золотом и образами. На главу надета драгоценная патриаршая митра. Присутствовавшие архиереи по окончании облачения вложили в руки Святейшего дикирий и трикирий и его руками благословили народ при произнесении диаконом измененных слов богослужения: «Тако светился свет твой пред человеки и вси видша добрая дела твоя и прославиша Отца нашего, Иже есть на небесех». Точно сам почивший Патриарх, отходя в лучший мир, прощался со своею паствою, в последний раз благословляя ее.

Поклонение почившему во гробе Первосвятителю началось в среду и беспрерывно продолжается день и ночь, не прекращаясь во время всех богослужений. Кто может сосчитать, сколько прошло народа в эти дни... Говорили, что в одну минуту проходило по 100—120 чел., т. е. 160—170 тысяч в сутки. То медленнее, то быстрее движется очередь: целуя крест, Евангелие и одежды и, как выражаются газеты, «вежливо, но быстро выпроваживаются дальше», чтобы освободить место новым желающим. Ведь очередь желающих поклониться праху Патриарха растянулась вне ограды монастыря на полторы версты, стоят по четыре человека в ряд. Эта очередь тянется к воротам монастыря, идет через обширный монастырский двор до большого (летнего) собора. Здесь она разделяется на две половины: с двух сторон подходят ко гробу Святейшего по два человека **{121}** каждой стороны, прикладываются и выходят из северных дверей во двор. За порядком следят распорядители с черными повязками с белым крестом на рукаве.

Дубовый гроб стоял на возвышении посредине собора. Патриаршая мантия покрывала его. Лик Святейшего закрыт воздухом. Тропические растения высились вокруг гроба и оставался лишь проход бесконечным лентам желающих приложиться. Около гроба, у возглавия, стояло по два иподиакона с каждой стороны аналоя, на котором сиротливо высился патриарший куколь: два иподиакона с рипидами и еще два с патриаршим крестом и посохом. У возглавия несколько венков. Один из них с надписью: «От Архиепископа Кентерберийского».

Народ прикладывается ко Кресту и Евангелию и целует одежды Святейшего. Сделав земной поклон, я наклонился над гробом Святейшего и просил открыть руку Патриарха. Стоявший рядом иподиакон исполнил мою просьбу, и я припал к благословлявшей меня когда-то, но теперь неподвижно лежавшей, руке Святейшего. Рука была теплая, мягкая.

Не желая задерживать народ, я отошел от гроба к амвону и стал молиться.

Commented [ldn-knigi2]:

В половине шестого утра я совершил раннюю литургию в церкви св. Саввы Освященного в сослужении других священников; поминал, как и всюду в Москве: «Господина нашего Места Патриаршего Блестителя Высокопреосвященнейшего Петра, Митрополита Крутицкого», а за упокой «новопреставленного раба Божия, Великого Господина и Отца нашего Тихона, Патриарха Московского и всей России». После литургии совершили торжественную панихиду и в половине девятого отправились в Донской монастырь. Так начался праздник Входа Господня в Иерусалим — день погребения Святейшего Патриарха Тихона — 30-го марта 1925 г.

Первая пересадка у Смоленского рынка показала, что мы можем опоздать не только к обедне, (до начала которой осталось полтора часа), но и к самому отпеванию; весь Смоленский рынок был переполнен народом, стremившимся в Донскую. Это не была кучка благочестивых старушек: нет, это был целиком весь русский народ, вся Москва, представители всех слоев населения, не только Москвы, но и прилегающих сел, деревень и городов. На Калужской творилось что-то необыкновенное: изо всех улиц прибывали все новые и новые толпы, образовался какой-то водоворот из людей, трамваев, экипажей, и, покружась на площади, шумным потоком устремлялся на Донскую. Мы вышли из трамвая. Подхватили нас волны и понесли по тому же {122} направлению. Вся Донская улица была запруженна народом, оставался только узкий проезд, по которому бесконечной лентой, тянулись извозчики, телеги и т. д. Весь двор монастыря был также полон народа. В собор пробрались лишь к панихиде, на которой пел весь народ. Во время панихиды пришли трое каких-то мужчин и одна дама. Распорядитель их остановил, т. к. они шли через северные двери, предназначенные для духовенства, но когда они предъявили какую-то бумагу, то их тотчас же провели в собор. Это были, как говорили, представители американской миссии. Говорили, что прибыли еще представители других иностранных миссий.

Последующую литургию служило более 30 архиереев и около 60 священников. Кроме того, духовенство, не участвовавшее в служении, стояло в храме в три ряда, занимая всю середину собора. Первая проповедь была произнесена профессором Громогласовым. Затем, по окончании литургии, проповедником выступил проф. прот. Страхов.

Благолепно и без торопливости совершался чин отпевания. После печального напева «Вечная память»... наступило молчание, точно никто не решался подойти, чтобы поднять гроб Святейшего и нести на место последнего упокоения.

И вдруг, среди мертввой тишины раздались слова, кажется, ничего в себе не заключавшие, но которые по своей непосредственности и искренности дали выход общему чувству. Полились слезы...

На амвон вышел один из епископов. Он не говорил. надгробного слова, он сделал, так сказать, административное распоряжение:

«Сегодня мы погребаем одиннадцатого Патриарха Всероссийского Тихона. На похороны его собралась почти вся Москва. И я обращаюсь к вам с просьбой, которая безусловно должна быть выполнена. Дело в том, что весь монастырский двор переполнен народом. Ворота закрыты и в монастырь больше никого не пускают. Все, прилегающие к монастырю площади и улицы запружены народом. Вся ответственность за соблюдение порядка лежит на мне.

При таком скоплении народа малейшее нарушение дисциплины может вызвать катастрофу. Прошу, не омрачайте великого исторического момента, который мы сейчас переживаем с вами. Первым выйдет отсюда духовенство, потом епископы вынесут Святейшего. Пойдут только священнослужители: в облачениях, все остальные останутся на местах . . . Никто не сойдет с места, пока вам не скажут. Вы должны это исполнить безусловно в память нашего Святейшего Отца и Патриарха.

{123} И я знаю, что Вы это сделаете и не омрачите ничем этих исторических минут ...»

Далее он подчеркнул единение, всегда царствовавшее между Патриархом и паствой.

В заключение он предложил присутствующим пропеть. «Осанна». Песнопение было подхвачено многотысячной толпой.

Лес хоругней двинулся к выходу. За ним, по четыре человека в ряд, выходили священники. На открытой площадке перед собором стояли носилки, на которые будет поставлен гроб. Кругом толпился народ, а около самых ступеней множество фотографов, направивших свои аппараты на носилки.

Когда я подошел к ступеням то с высоты площадки мне представилось необыкновенно грандиозное зрелище: весь громадный двор монастыря был полон народом, стоявшим также тесно, как в многолюдном храме в пасхальную заутреню. Монастырские стены, башни, крыши домов, деревья и памятники — все было покрыто народом. Сквозь арку громадных монастырских ворот видна была уходящая вдаль улица — там стояла такая же густая толпа, как и во двор монастыря.

Принимая во внимание необыкновенную обширность монастырского двора, можно с уверенностью сказать, что в ограде монастыря было не менее 300.000 человек, а на площадях и прилегающих улицах, может быть, еще больше.

Отовсюду лился трезвон всех московских церквей.

Медленно двигались мы, (т. е., участвующее духовенство) по направлению к воротам и остановились при поворот на левую дорожку.

Вдруг вся толпа притихла. Шум и говор смолкли, кажется, слышно, как муха пролетит, я оглянулся. На высокой площадке перед собором стоял с поднятой рукой епископ. Он повторил слова сказанные в храме.

Из собора показалось шествие. Архиереи в белых облачениях и золотых митрах несли гроб Святейшего Патриарха. Пение хора сливалось с трезвоном колоколов: гроб был поставлен на носилки. При пении «Вечная память» . . . носилки были подняты и весь народ, вся громада подхватила песнопение, как только процессия двинулась...

Сам народ устроил цепь. Ни толкотни, ни давки. Кому-то сделалось дурно. Но народ остался на месте и только быстро по цепи передалось известие в санитарный пункт. Медицинский отряд тотчас прибыл для оказания помощи.

{124} Согласно воле почившего, перед самым погребением гроб Патриарха был внесен в его келию, где он столько пережил, столько выстрадал.

Затем процессия двинулась к так называемому «теплому храму», где была приготовлена могила. В темные двери вошли архиереи, и двери за гробом закрылись. Все утихло. В молчании стоял крестный ход перед закрытыми дверями храма. Там происходила лития. Но вот раздалось пение: «Вечная память» . . .

Это гроб Святейшего Патриарха Тихона опускали в могилу. Печальный перезвон колоколов точно плакал над раскрытой могилой последнего Патриарха.

Вслед за духовенством, народ устремился к большому собору, и целовал место, где стоял гроб усопшего.

С монастырской стены народ благословил Уральский Митрополит Тихон.

В стене над могилой вделан большой дубовый крест с надписью: «Тихон, Святейший Патриарх Московский и всей России. 25 марта с. с. 1925 года».

ГЛАВА 12.

АРХИЕПИСКОП ИЛАРИОН.

15/28 декабря 1929 г. в Петроградской тюремной больнице, от сыпного тифа, в бреду — скончался замечательный профессор-богослов, удивительный проповедник, мужественный и стойкий борец за Церковь Христову — святитель Божий, архиепископ Иларион.

Архиепископ Иларион (Владимир Алексеевич Троицкий), магистр богословия и проф. Моск. Духовн. Академии, был выдающимся богословом и талантливейшим человеком. Вся жизнь его — это сплошное горение величайшей любовью к Церкви Христовой, вплоть до мученической кончины за Нее.

Его труды характерны церковным направлением, неустанной борьбой с схоластикой и специфическим латинством, проникшим в наше богословие с митрополита Петра Могилы.

Его идеал — это церковность духовной школы и богословской науки.

Его постоянное напоминание — это: вне Церкви нет спасения, вне Церкви нет таинств.

Когда ему пришлось писать ответную статью-письмо к Роб. Гардинер (помещ. в «Бог. Вестн.» янв. 1917 г.) — секретарю комиссии по устройству Мировой конференции христианства, то здесь Архиепископ Иларион с особенной силой убеждения высказал свои заветные думы. Вот наиболее примечательные места: . . . «Я имел удовольствие получить и Ваши любезные письма, в одном из которых (от 13 сент. 1916 г.) Вы выражаете надежду, что я не только прочту присланые Вами брошюры, но и сообщу Вам свои замечания. С радостью готов беседовать с Вами по столь дорогоому для меня вопросу, как вопрос о Церкви ... По Вашему убеждению все именующая себя христианскими общества составляют единую Христову Церковь, но лишь ослабленную в ее единстве ... Такое учение о Церкви принять совершенно невозможно, так как оно безусловно неведомо древней Церкви, в которой не знали никакого ослабленного понятия о единстве Церкви ... Основную истину христианства, {126} его великую тайну — воплощения Сына Божия, признают все христианские вероисповедания. Но это одно не может сливать их в единую Церковь. Ведь бесы, по ап. Иакову, веруют (П, 19), и веру свою, по свидетельству Евангелия, исповедывали подобно ап. Петру (Мф. XVI, 16; VIII, 26; Mp. I, 24; Лк. VIII, 28).

В период послесоборный, до ареста, он являлся красноречивейшим проповедником, слушать которого стекалась вся верующая Москва. Этот период пленения большевицкого, он был одним из первых сотрудников Святейшего Патриарха Тихона.

А на самом Соборе Церковном им была произнесена, пожалуй, самая блестящая речь о патриаршестве. Вот какими тонами звучит эта речь: «Никогда Русская Церковь не была без первоиерарха. Наше патриаршество уничтожено было Петром I. Кому оно помешало? Соборности Церкви? Но не во время ли патриархов было особенно много у нас соборов? Нет, не соборности и не Церкви помешало у нас патриаршество. Кому же?

Вот предо мною два великих друга, две красы XVII в. — патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Чтобы поссорить друзей, злые бояре нашептывают царю: «из-за патриарха тебя, государя, не видно стало». И Никон, когда ушел с московского престола, между прочим писал: «пусть ему, государю, без меня просторнее будет». Этую мысль Никона и воплотил Петр, уничтожив патриаршество. «Пусть мне, государю, без патриарха просторнее будет» ...

Но церковное сознание, как в 34-м апостольском правиле, так и на Московском Соборе 1917 года говорит неизменно одно: «епископам всякого народа, в том числе и русского, подобает знати первого из них и признавати его яко главу».

† Архиепископ Иларий.

И хочется мне обратиться ко всем тем, кто почему-то считает еще нужным возражать против патриаршества. Отцы и братие! не нарушайте радости нашего единомыслия! Зачем вы берете на себя неблагодарную задачу? Зачем говорите безнадежные речи? Ведь против церковного сознания боретесь вы. Бойтесь, как бы не оказаться вам богоборцами (Деян. V, 59)! Мы и так уже согрешили, согрешили тем, что не восстановили патриаршества два месяца назад, когда приехали в Москву и в первый раз встретились друг с другом в Большом Успенском соборе. Разве не было кому тогда больно до слез видеть пустое патриаршее место? А когда мы прикладывались к святым мощам чудотворцев московских и первопрестольников российских, не слышали ли мы тогда их упрека за то, что двести лет у нас вдовствует их первовсвятительская кафедра?»

{127} Так вдохновенно и пламенно ратовал за патриаршество безвременно угасший святитель-мученик.

Много положил кропотливого труда архиеп. Иларион в свою магистерскую диссертацию: «Очерки из истории догмата о Церкви» (559 стр.), где им отлично и всесторонне обоснована идея единства Церкви Христовой и на историческом материале и на церковном самосознании. Есть у него также замечательно написанная брошюра «Гностицизм и Церковь в отношении к Новому Завету».

С удивительной четкостью и чарующей ясностью написаны им статьи: «Креатурный камень Церкви», «Церковное богословие» и др. забытые сейчас мной заголовки. Им сделан самый восторженный отзыв о книг С. Л. Епифановича, проф. Киев. Дух. Акад.: «Преподоб. Максим Исповедник и Византийское богословие».

После поездки в западные страны, появилась его книга «Письма о Западе», в которой нещадно критикуется западная религиозная жизнь во всех ее внутренних и внешних проявлениях, сравнительно с Божественной красотой Православия. И в уставных обрядах и в учениях западные исповедания рассматриваются им как обычные человеческие организации.

И еще укажем его статью: «Единство идеала Христова»... Нами только указаны здесь те книги и статьи, кои побывали в наших руках.

Умер владыка Иларион 44-х лет. Рукоположен был во епископа 20-го мая 1920 г.

Архиеп. Иларион и митроп. Антоний — две крупных величины в православном богословии и в православной Церкви. Память о них незабвена. Общность идеалов и убеждений свидетельствуют о их самой тесной умственной близости и духовном родстве, о чем сам Архиеп. Иларион часто любил говорить.

(«Вот как оценивал участие тех, кто называл себя христианами, в кишиневском погроме 1903 года выдающийся пастырь **митрополит Антоний** (Храповицкий):
"Страшись же, христианин, обижать священное, хотя и отвергнутое племя.
Страшная казнь Божия постигнет тех злодеев, которые проливают кровь,
родственную Богочеловеку, Его Пречистой Матери, апостолам и пророкам. Не говори,
что эта кровь священна только в прошедшем... Верующие в Бога и во Христа Его,
бойтесь мести Господней за народ Свой. Страшитесь обижать наследников
обетования, хотя и отвергнутых. За неверие их будет судить Господь, а не мы..."

Впрочем, чтобы устрашиться или хотя бы задуматься над этими словами, надо веровать во Христа. Оказывается, для русских националистов (а точнее, нацистов, дабы не путать с многими замечательными русскими мыслителями, стоявшими на национальных позициях, начиная со славянофилов и заканчивая А.Солженицыным) это неизбывательно.

... фашизм, русский в частности, есть по сути своей явление языческое. Он только демагогически пользуется противостоянием между христианством и юдаизмом...» из - »Грех антисемитизма» Свящ. Вячеслав Перевезенцев; ldn-knigi)

Надо полагать, что представляет интерес и описания его личности, характера и взглядов одного его соузника по Соловкам. (Михаил священник. Положение Церкви в Советской России 1931 и ненапечатанные воспоминания).

Архиепископ Иларион — человек молодой, жизнерадостный, всесторонне образованный, прекрасный церковный проповедник-оратор и певец, блестящий полемист с безбожниками, всегда естественный, искренний, открытый; везде, где он ни появлялся, всех привлекал к себе и пользовался всеобщей любовью. Большой рост, широкая грудь, пышные русые волосы, ясное, светлое лицо. Он остается в памяти у всех, кто {128} встречался с ним. За годы совместного заключения являлся свидетелями

его полного монашеского нестяжания, глубокой простоты, подлинного смирения, датской кротости.

Он просто отдавал все, что имел, что у него просили. Своими вещами он не интересовался. Поэтому кто-то из милосердия должен был все-таки следить за его чемоданом. И такой послушник находился у него и в Соловках. Этот чарующий дух нестяжания и был подлинно от Митрополита Антония, школой которого многие хвалятся. Этого человека можно оскорбить, но он на это никогда не ответит и даже может быть и не заметит сделанной попытки. Он всегда весел и если даже озабочен и обеспокоен, то быстро попытается прикрыть это все той же веселостью. Он на все смотрит духовными очами и все служить ему на пользу духа.

На Филимоновой рыболовной тоне, в семи верстах от Соловецкого кремля и главного лагеря, на берегу заливчика Белого моря, мы с Архиепископом Иларионом, еще двумя епископами и несколькими священниками, все заключенными, были сетьевязальщиками и рыбаками. Об этой нашей работ архиеп. Иларион любил говорить переложением слов стихиры на Троицын день:

«Вся подает Дух Святый: прежде рыбари богословцы показа, а теперь наоборот — богословцы рыбари показа». Так смирялся его дух с новым положением.

Благодущие его простирались на самую советскую власть и на нее он мог смотреть незлобивыми очами. Всех нас, церковников, советская власть наделила равными сроками заключения. Архиепископу Илариону, потрудившемуся около Патриарха в Москве и наносявшему тяжелые удары безбожию и обновленческому расколу, безусловно ставшему величиною в общероссийском масштабе, и, почти, юноше, маленькому иеромонаху из Казани, у которого все преступление состояло в том, что он с диакона, обновленца, снял орарь и не позволил ему с собою служить, было дано три года.

— «Любочестив бо сый владыка, — говорил по этому поводу арх. Иларион пасхальными словами Иоанна Златоуста, — приемлет последнего якоже и первого; упокоевает в единонадеятый час пришедшего, якоже делавшего от первого часа. И дела приемлет, и намерение целует, и деяние почтает, и предложение хвалит». Слова эти звучали иронически, но давали чувство мира и заставляли принимать испытание как от руки Божией.

Но это благодущие вовсе не было потерей мужества перед богооборной властью. Еще в Кемском лагере, в преддверии Соловков, захватила нас смерть Ленина. Когда в Москве опускали его в могилу мы должны были здесь, в лагере, простоять {129} пять минут в молчании. Владыка Иларион и я лежали рядом на нарах, когда против нас посреди барака стоял строй наших отцов и братий разного ранга в ожидании торжественного момента. «Встаньте, все-таки великий человек, да и влетит вам, если заметят» — убеждали нас. Глядя на Владыку и я не вставал. Хватило сил не склонить голову перед таким зверем. Так благополучно и отлежались. А Владыка говорил: «подумайте, отцы, что ныне делается в аду: сам Ленин туда явился, бесам какое торжество».

Владыку Илариона очень веселила мысль, что Соловки есть школа добродетелей — нестяжания, кротости, смирения, воздержания, терпения, трудолюбия. Обокрали прибывшую партию духовенства и отцы были сильно огорчены. Я в шутку им сказал, что так их обучают нестяжанию. Владыка был в восторге. У меня два раза подряд украли

сапоги и я разгуливал по лагерю в рваных галошах, чем приводил его в подлинное веселье, которое и в нас вселяло благодушие. Но нужно заметить, что не все аскетически настроенные монахи понимали такой дух. Некоторым все казалось, что спасаются только в монастыре и они подчас сильно огорчались лишениями.

Любовь его ко всякому человеку, внимание и интерес к каждому, общительность были просто поразительными. Он был самою популярною личностью в лагерь, среди всех его слоев. Мы не говорим, что генерал, офицер, студент и профессор знали его, разговаривали с ним, находили его или он их, при всем том, что епископов было много и были старейшие и не менее образованные. Его знала «шпана», уголовщина, преступный мир воров и бандитов именно, как хорошего, уважаемого человека, которого нельзя не любить. На работе ли, урывками, или в свободный час его можно было увидеть разгуливающим под руку с каким-нибудь таким «экземпляром» из этой среды. Это не было снисхождение к младшему брату и погившему.

Нет. Владыка разговаривал с каждым, как с равным, интересуясь например «профессией», любимым делом каждого. «Шпана» очень горда и чутко самолюбива. Ей нельзя показать пренебрежения безнаказанно. И потому манера Владыки была всепобеждающая. Он как друг облагораживал их своим присутствием и вниманием. Наблюдения же его в этой среде, когда он длился ими, были исключительного интереса.

Он доступен всем, он такой же, как и все, с ним легко всем быть, встречаться и разговаривать. Самая, обыкновенная, простая, несвятая внешность — вот что был сам Владыка. Но за этой заурядной формой веселости и светскости можно было {130} постепенно усмотреть датскую чистоту, великую духовную опытность, доброту и милосердие, это сладостное безразличие к материальным благам, истинную веру, подлинное благочестие, высокое нравственное совершенство, не говоря уже об умственном, сопряженном с силой и ясностью убеждения. Этот вид обыкновенной греховности, юродство, личина светскости скрывали от людей внутреннее делание и спасали его самого от лицемерия и тщеславия. Он был заклятый враг лицемерия и всякого «вида благочестия», совершенно сознательный и прямой. В «картели Троицкого» (так называлась рабочая группа архиепископа Илариона) духовенство прошло в Соловках хорошее воспитание. Все поняли, что называть себя грешным или только вести долгие благочестивые разговоры, показывать строгость своего быта, не стоит. А тем более думать о себе больше, чем ты есть на самом деле.

Каждого приезжающего священника, конечно, Владыка подробно расспрашивает обо всем, что предшествовало заключению. «За что же вас арестовали?» — «Да служил молебны у себя на дому, когда монастырь закрыли — отвечает отец игумен, — ну, собирался народ и даже бывали исцеления...» «Ах, вот как, даже исцеления бывали ... сколько же вам дали Соловков?» — «Три года». «Ну, это мало, за исцеления надо бы дать больше, советская власть не досмотрела» ... Само собой понятно, что говорить об исцелениях по своим молитвам было более чем нескромно. Выражение же своего недовольства Владыка отчасти заимствовал из разговоров своих с агентами власти, как мы увидим.

В конце лета 1925 года, из Соловецкого лагеря Архиепископ Иларион вдруг неожиданно был изъят и отправлен в Ярославскую тюрьму. Весною 1926 года Архиепископ Иларион опять был с нами. Тюремные новости его касались исключительно его разговоров с агентом

власти, вершителем судеб Церкви, посещавшим его в тюрьме (В Ярославской тюрьме Владыка пользовался большими, преднамеренно данными, льготами. Мог получать книги. Читал много святоотеческой литературы и написал много толстых тетрадей, который мог передать после тюремной цензуры, своим друзьям на хранение. Тайком посещал квартиру тюремного надзирателя, заведомо доброго человека и видел собрание подпольной рукописной религиозной, современной подсоветской литературы и копии всяких церковно-административных документов и переписки архиереев. Пребывание в «Ярославском изоляторе» Владыка вспоминал, как о лучшей поре его заключения, несмотря на неприятные с врагом Церкви.).

Агент склонял Архиепископа присоединиться к новому расколу, так называемому, григорьевскому. Видимо, агент хотел переходом в раскол такого популярного архиерея, с одной {131} стороны дискредитировать его в глазах одной части массы, а с другой, — усилить григорьевский раскол новыми силами, ибо за А. Иларионом многие могли бы и пойти. Склонить на примирение и соглашение с собою, было лучшим средством у власти безбожников чтобы уронить в глазах народа, дискредитировать известного героя и мученика, человека, сидевшего в тюрьме, ничего не уступавшего и авторитетного в глазах народа.

— «Вас Москва любит, вас Москва ждет» ... Но когда Владыка остался непреклонен и обнаружил понимание замыслов ГПУ, то агент сказал: «Приятно с умным человеком поговорить... А сколько вы имеете срока в Соловках? Три года?! Для Илариона три года! Так мало?!»

Действительно, к концу первого трехлетия он получил еще три года, при чем в качестве нового обвинения было предъявлено, конечно, для проформы, — «разглашение государственных тайн», то есть, разглашение разговора его с агентом в Ярославской тюрьме. Так нас подслушивали. Обвинение же это нелепо, потому что Арх. Иларион не сотрудник ГПУ, никакие служебный тайны ему не могли доверяться и, наконец, подписку не разглашать сказанного ему, как это практикуется часто на допросах в ГПУ, он не давал.

В той же Ярославской тюрьме, агент ГПУ все-таки сумел получить от него письмо к м. Сергию о том, чтобы последний не занимался каноническими прещениями по адресу григорьевцев. Григорьевцы, конечно, по этому поводу не мало ликовали, а Арх. Иларион, возвратившись в Соловки, поскорбел. Часто, прерывая какие-то свои мысли, он говорил нам вслух:

— «Вот, григорьевцы говорят, что Иларион за нас, а Иларион опять в Соловках» ...

Сам Арх. Иларион делал ошибки; это тот, кто самоотверженно боролся с безбожием и церковным расколом, неустанно проповедывал против них в церквях, проводил блестящие публичные диспуты с представителями того и другого, организовывал отнятие храмов у обновленцев, свидетельствовал истину на допросах в самой тюрьме среди посулов и угроз, когда столько в такой обстановке пали и сдались.

Не сделать ошибок было трудно.

Характеризовать как-нибудь поподробнее все обманы, ложь, наглое бесстыдство, притворство и лицемerie, провокационные выходки и прочие подлости агентов власти даже Арх. Иларион не умел. Когда касался разговор отношений власти к церковному управлению, то он говорил: «Надо побить в этой обстановке хотя немногого, а так не опишешь. Это, воочию сам сатана».

{132} Враг предлагал компромиссы, обещал возможность свободы для церкви и церковной деятельности на известных условиях, вовлекал в известную политику, имя в виду добиться своих целей, уступок с нашей

стороны, а со своей стороны ничего не дать, обмануть. И это ему удавалось.

Большинство иерархов, находившихся еще на свободе, были людьми самоотверженными, а попавшие в тюрьмы и лагеря готовы были оставаться здесь еще и еще, но ничего не сдавать врагу. Но опасность подкрадывалась в расчетах пользы церкви, в надеждах на умную политику, которую предлагал враг. И архиеп. Иларион, например, в той же тюрьме, прямо укоряя агента ГПУ за нелепый союз власти с обновленцами, в тоже время, можно сказать, бессознательно, подавал агенту мысль, что не лучше ли заключить союз с Православною Церковью и поддержать ее. Тогда же, мол, и настоящая, по крайней мере, авторитетная Церковь поддержит советскую власть. Он, конечно, не предполагал, что будет это стоить Церкви в смысле сохранения истины и морали и что за эту услугу гонения на нее не прекратятся.

Коварство врага лишало решительности и прямоты и такой человек, как арх. Иларион, шел на компромиссы и делал ошибки.

Он читал лекцию о совместимости христианства и социализма, когда агент ГПУ требовал от него доказать этим, что он не контрреволюционер. Правда, потом чекист ему говорил: «На любимые темы вы легко говорите, а вот здесь-то как будто кто клещами вытягивал у вас слова»... Он же именно был один из (двух) сторонников отречения Патриарха от власти. На столько кратко, хотя и остро занимал этот вопрос церковное управление и на столько быстро и сам архиеп. Иларион сознал свою ошибку, что об этой его позиции далеко не все и среди епископата знали. Не без его влияния, хотя и на весьма малое время, был заведен Патриархом совершенно несбыточный в Русской Церкви новый стиль. Главный свидетель планов ГПУ по уловлению Церкви в большевицкие сети, он менее всех был склонен осудить первоиерарха за неполезные для Церкви поступки. В соглашении м. Сергея с властью ничего не видел особенного, ошибся ли м. Сергий или поступил с практическим расчетом, арх. Иларион не строго судил об отношениях главы Церкви с властью.

И такое, если не одобрительное, то безразличное отношение к церковной политике м. Сергея не помогло архиеп. Илариону. Он не был выпущен на свободу и тогда, когда советская власть получила поддержку авторитетной церковной власти. Только теперь то и началось полное, ничем несодержимое гонение, приведшее Церковь к совершенному изнеможению.

{133} Талантливейший человек, с большими теоретическими ученобогословскими интересами, ревностный слуга Церкви Божьей и он навряд ли мог быть церковным администратором. Призвание ученого он ощутил в себе в дни самого раннего отрочества. Семилетним мальчиком он взял своего трехлетнего младшего брата за руку и повел из родной деревни в город учиться. И когда тот заплакал, то он сказал: «ну оставайся не ученым»... Их обоих вовремя родители препроводили домой. За все же годы своего учения, начиная духовным училищем и кончая академией, Троицкий никогда не имел ни по одному предмету оценки ниже высшего балла (пяти).

Бог возжелал иметь этого безупречно чистого человека у Себя святым и взял его к Себе в благопотребное время, предоставляя делать дальнейшие ошибки, грехи и преступления тем, кто на это был способен и ранее.

За время своего святительства (с 1920 г.) он не имел и двух лет свободы. До Соловков он уже был один год в ссылке в г. Архангельске. С

патриархом в Москве он поработал не больше полгода. С 7/20 декабря 1923 г. он уже имел приговор в Соловки и прибыл в Кемский лагерь за неделю до Рождества. Здесь, увидев весь ужас баражной обстановки и лагерную пищу, даже он, жизнерадостный и бодрый, сказал: «отсюда живыми мы не выйдем». И он в Соловецких лагерях все же пробыл шесть лет, но все же живым не вышел из своего заключения.

О последних днях арх. Илариона, другой священник, бывший вместе с ним в Соловецком лагере сообщает: до самого 1929 года он находился в Соловках. Но вот большевики решили сослать арх. Илариона на вечное поселение в Алма-Ату в Средней Азии.

Владыку повезли этапным порядком — т. е. от одной пересыпочной тюрьмы до другой. По дороге его обокрали и в Петербурге он прибыл в рутище, кишащем паразитами и уже больным. Из Петроградской тюремной больницы, в которой он был помещен, он писал: «Я тяжело болен сыпным тифом, лежу в тюремной больнице, заразился должно быть в дороге, в субботу, 15 декабря, решается моя участь (кризис болезни), вряд ли перенесу»...

В этот день, т. е. 15 декабря 1929 года Владыка Иларион и скончался...

Когда ему в больнице заявили, что его надо обрить, Владыка сказал: «делайте со мною теперь, что хотите». В бреду {134} говорил: «вот теперь то я совсем свободен, никто меня не возьмет» ...

Ночью из тюрьмы в простом, наскоро сколоченном из досок гробу, тело почившего Архиепископа Илариона было выдано для погребения ближайшим родственникам. Когда открыли гроб, никто его не узнал. Так изменила ссылка Владыку, отличавшегося высоким ростом и крепким здоровьем. В гробу лежал жалкий старик, обритый, седой... Одна из родственниц упала в обморок ...

Митрополит Серафим (Чичагов) принес свое белое облачение, белую митру. По облачении тело Владыки положили в другой, лучший гроб.

Отпевание совершил сам митрополит в сослужении шести архиереев и множества духовенства. Пел хор. Похоронили Владыку в Ново-Девичем монастыре.

Так отошел в вечность этот богатырь духом и телом, чудесной души человек, наделенный от Господа выдающимися богословскими дарованиями, жизнь свою положивший за Церковь Христову.